

МОЛОДОЙ УЧЁНЫЙ

ISSN 2072-0297

МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

16+

2026
ЧАСТЬ IX

Молодой ученый

Международный научный журнал

№ 20 (623) / 2026

Издается с декабря 2008 г.

Выходит еженедельно

Главный редактор: Ахметов Ильдар Геннадьевич, кандидат технических наук

Редакционная коллегия:

Жураев Хусниддин Олтинбоевич, доктор педагогических наук (Узбекистан)
Иванова Юлия Валентиновна, доктор философских наук
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук
Лактионов Константин Станиславович, доктор биологических наук
Сараева Надежда Михайловна, доктор психологических наук
Абдрасилов Турганбай Курманбаевич, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)
Авдеюк Оксана Алексеевна, кандидат технических наук
Айдаров Оразхан Турсункожаевич, кандидат географических наук (Казахстан)
Алиева Тарана Ибрагим кызы, кандидат химических наук (Азербайджан)
Ахметова Валерия Валерьевна, кандидат медицинских наук
Бердиев Эргаш Абдуллаевич, кандидат медицинских наук (Узбекистан)
Брезгин Вячеслав Сергеевич, кандидат экономических наук
Данилов Олег Евгеньевич, кандидат педагогических наук
Дёмин Александр Викторович, кандидат биологических наук
Дядюн Кристина Владимировна, кандидат юридических наук
Желнова Кристина Владимировна, кандидат экономических наук
Жуйкова Тамара Павловна, кандидат педагогических наук
Игнатова Мария Александровна, кандидат искусствоведения
Искаков Руслан Маратбекович, кандидат технических наук (Казахстан)
Калдыбай Кайнар Калдыбайулы, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)
Кенесов Асхат Алмасович, кандидат политических наук
Коварда Владимир Васильевич, кандидат физико-математических наук
Комогорцев Максим Геннадьевич, кандидат технических наук
Котляров Алексей Васильевич, кандидат геолого-минералогических наук
Кузьмина Виолетта Михайловна, кандидат исторических наук, кандидат психологических наук
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Кучерявенко Светлана Алексеевна, кандидат экономических наук
Лескова Екатерина Викторовна, кандидат физико-математических наук
Макеева Ирина Александровна, кандидат педагогических наук
Матвиенко Евгений Владимирович, кандидат биологических наук
Матроскина Татьяна Викторовна, кандидат экономических наук
Матусевич Марина Степановна, кандидат педагогических наук
Мусаева Ума Алиевна, кандидат технических наук
Насимов Мурат Орленбаевич, кандидат политических наук (Казахстан)
Паридинова Ботагоз Жаппаровна, магистр философии (Казахстан)
Прончев Геннадий Борисович, кандидат физико-математических наук
Рахмонов Азизхон Боситхонович, доктор педагогических наук (Узбекистан)
Семахин Андрей Михайлович, кандидат технических наук
Сенцов Аркадий Эдуардович, кандидат политических наук
Сенюшкин Николай Сергеевич, кандидат технических наук
Султанова Дилшода Намозовна, доктор архитектурных наук (Узбекистан)
Титова Елена Ивановна, кандидат педагогических наук
Ткаченко Ирина Георгиевна, кандидат филологических наук
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры
Фозилов Садриддин Файзуллаевич, кандидат химических наук (Узбекистан)
Яхина Асия Сергеевна, кандидат технических наук
Ячинова Светлана Николаевна, кандидат педагогических наук

Международный редакционный совет:

Айрян Заруи Геворковна, кандидат филологических наук, доцент (Армения)
Арошидзе Паата Леонидович, доктор экономических наук, ассоциированный профессор (Грузия)
Атаев Загир Вагитович, кандидат географических наук, профессор (Россия)
Ахмеденов Кажмурат Максutowич, кандидат географических наук, ассоциированный профессор (Казахстан)
Бидова Бэла Бертовна, доктор юридических наук, доцент (Россия)
Борисов Вячеслав Викторович, доктор педагогических наук, профессор (Украина)
Буриев Хасан Чутбаевич, доктор биологических наук, профессор (Узбекистан)
Велковска Гена Цветкова, доктор экономических наук, доцент (Болгария)
Гайич Тамара, доктор экономических наук (Сербия)
Данатаров Агахан, кандидат технических наук (Туркменистан)
Данилов Александр Максимович, доктор технических наук, профессор (Россия)
Демидов Алексей Александрович, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Досманбетов Динар Бакбергенович, доктор философии (PhD), проректор по развитию и экономическим вопросам (Казахстан)
Ешиев Абдыракман Молдоалиевич, доктор медицинских наук, доцент, зав. отделением (Кыргызстан)
Жолдошев Сапарбай Тезекбаевич, доктор медицинских наук, профессор (Кыргызстан)
Игисинов Нурбек Сагинбекович, доктор медицинских наук, профессор (Казахстан)
Кадыров Кутлуг-Бек Бекмурадович, доктор педагогических наук, и.о. профессора, декан (Узбекистан)
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Козырева Ольга Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Россия)
Колпак Евгений Петрович, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Кыят Эмине Лейла, доктор экономических наук (Турция)
Лю Цзюань, доктор филологических наук, профессор (Китай)
Малес Людмила Владимировна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Нагервадзе Марина Алиевна, доктор биологических наук, профессор (Грузия)
Нурмамедли Фазиль Алигусейн оглы, кандидат геолого-минералогических наук (Азербайджан)
Прокопьев Николай Яковлевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Прокофьева Марина Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Казахстан)
Рахматуллин Рафаэль Юсупович, доктор философских наук, профессор (Россия)
Ребезов Максим Борисович, доктор сельскохозяйственных наук, профессор (Россия)
Сорока Юлия Георгиевна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Султанова Дилшода Намозовна, доктор архитектурных наук (Узбекистан)
Узаков Гулом Норбоевич, доктор технических наук, доцент (Узбекистан)
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры (Россия)
Хоналиев Назарали Хоналиевич, доктор экономических наук, старший научный сотрудник (Таджикистан)
Хоссейни Амир, доктор филологических наук (Иран)
Шарипов Аскар Калиевич, доктор экономических наук, доцент (Казахстан)
Шуклина Зинаида Николаевна, доктор экономических наук (Россия)

На обложке изображен *Павел Николаевич Яблочков* (1847–1894), русский электротехник, военный инженер, изобретатель и предприниматель.

Павел Николаевич Яблочков родился в селе Жадовка Саратовской губернии в дворянской семье. С самого детства он любил конструировать: придумал угломерный прибор для землемерных работ, устройство для отсчета пути, пройденного телегой.

Яблочков окончил Николаевское инженерное училище в Петербурге, а через некоторое время — Техническое гальваническое заведение в Кронштадте. Тогда это была единственная в России школа, которая готовила специалистов в области электротехники. Там будущий ученый познакомился с новейшими достижениями в области изучения и технического применения электрического тока.

В 1872 году Павел Николаевич переехал в Москву. Именно тогда он начал изобретать, однако успехов на данном поприще достиг лишь в 1874 году, когда создал мастерскую физических приборов, где проводил работы по электротехнике, которые в дальнейшем легли в основу его изобретений в области электрического освещения, гальванических элементов и аккумуляторов.

Весной 1874 года Яблочкову представилась возможность практически применить электрическую дугу для освещения. Из Москвы в Крым должен был следовать правительственный поезд. Впервые в истории железнодорожного транспорта на паровозе установили прожектор с дуговой лампой — регулятором Фуко.

Яблочков был членом кружка электриков-изобретателей при Московском политехническом музее. Здесь он узнал об опытах Александра Лодыгина по освещению улиц и помещений электрическими лампами, после чего решил заняться усовершенствованием существовавших тогда дуговых ламп. К 1875 году относится одно из его главных изобретений — «электрическая свеча».

В том же году Яблочков уехал в Париж, где создал промышленный образец электрической лампы, а через год запатентовал свою «электрическую свечу». Ее первая демонстрация состоялась в 1876 году в Лондоне, и в Париж Павел Николаевич вернулся уже известным изобретателем. Сразу же была создана кампания по эксплуатации его патентов. Специальный завод производил несколько тысяч «свечей» в день. Они получили применение главным образом в уличном освещении.

Также Яблочков разработал и внедрил систему электрического освещения на однофазном переменном токе, разработал способ «дробления света посредством индукции катушек» и др. Система освещения Яблочкова, получившая название «русский свет», пользовалась исключительным успехом. Компании по ее коммерческой эксплуатации были основаны во многих странах мира.

В России первая проба электрического освещения по системе Яблочкова была проведена осенью 1878 года: были освещены казармы и площадь в Кронштадте, а также Большой театр в Петербурге. Ни одно из изобретений в области электротехники не получало столь быстрого и широкого распространения, как «свечи» Яблочкова. Это был подлинный триумф русского инженера, а его изобретение ускорило решение многих насущных технических задач и легло в основу будущей электротехнической промышленности.

После изобретения «свечи» Яблочков очень много работал и в России, и за рубежом. В 1879 году он организовал «Товарищество электрического освещения П. Н. Яблочков-изобретатель и Ко», в числе акционеров которой были промышленники, финансисты, военные. Компания открыла электромеханический завод в Петербурге, производивший осветительные установки для военных судов, заводов военно-морского ведомства и для многих городов России.

С 1880-х годов Павел Николаевич занимался главным образом вопросами генерирования электрической энергии: созданием динамомаши и гальванических элементов. Инженер провел много исследований в области превращения энергии топлива в электрическую энергию. В последующие годы он получил ряд патентов на электрические машины.

Яблочков также был участником электротехнических выставок в России и в Париже, участником Первого международного конгресса электриков, стал одним из инициаторов создания электротехнического отдела Русского технического общества и журнала «Электричество». Он был награжден медалью императорского Русского технического общества и французским орденом Почетного легиона.

Умер талантливый ученый Павел Николаевич Яблочков в 1894 году в Саратове от болезни сердца. Он был похоронен в селе Сапожок Саратовской области в фамильном склепе.

В конце 1930-х годов Михайло-Архангельскую церковь разрушили, при этом пострадал и фамильный склеп Яблочковых. По решению АН СССР 26 октября 1952 года на могиле П. Н. Яблочкова был воздвигнут памятник, который представляет собой каменное изваяние. На лицевой стороне — барельеф с изображением изобретателя, а ниже установлена мемориальная доска, на которой выбиты слова: «Здесь покоится прах Павла Николаевича Яблочкова — выдающегося русского изобретателя в области электротехники (1847–1894 гг.)». По боковым сторонам расположены изображения «свечи» Яблочкова, электрической машины эклипс, гальванических элементов. На памятнике выбиты слова Павла Николаевича: «Электрический ток будет подаваться в дома, как газ или вода».

*Информацию собрала ответственный редактор
Екатерина Осянина*

СОДЕРЖАНИЕ

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Подберезкий В. А.

Анализ проблем нормативно-правового регулирования государственной кадастровой оценки земельных участков 599

Подкопаев А. С.

30 лет Уголовному кодексу Российской Федерации: итоги, проблемы и перспективы ... 600

Ромадова М. Д., Зинатулина В. Р.

Административная ответственность за нарушения при добыче полезных ископаемых подводным способом в Российской Федерации..... 603

Рохман И. В.

Цифровой след человека в социальных сетях как источник доказательств..... 605

Сакара Д. А.

Цифровая валюта как предмет преступления: уголовное-правовые последствия признания криптовалюты имуществом..... 608

Сванидзе З. З., Цепляева Е. В.

Цифровые следы в расследовании преступлений 610

Спиридонов А. Е.

Теоретические подходы к определению ключевых понятий в сфере защиты прав потребителей в российском праве..... 612

Спирягин И. А., Шералиев Р. К.

Высшее положение в преступной иерархии как криминологический и уголовноправовой феномен: нормативная фиксация в части 4 статьи 210 и в статье 210.1 Уголовного кодекса РФ..... 615

Стороженко А. Н.

ДНК-фенотипирование как один из перспективных методов развития современной криминалистики 617

Сурчилов В. В.

Правовое положение искусственного интеллекта в современной России..... 619

Тарантов Д. Н.

Правовое регулирование реорганизации и ликвидации корпорации в Российской Федерации: проблемы и перспективы развития 621

Тарасова А. А.

Уголовно-правовая характеристика служебного подлога 624

Tikhonova R. M.

Threat of murder or causing serious injury to health 626

Тищенко А. К.

Современные методы биометрической идентификации человека 627

Тютенькова М. М.

Организация работы органов прокуратуры по надзору за исполнением законов при размещении и эксплуатации комплексов фото- и видеофиксации 629

Учайкина Е. В.

Защита имущественных прав несовершеннолетних средствами прокурорского реагирования в сфере использования материнского капитала 631

Филоненко А. В.

Теоретические аспекты принципа наилучшего обеспечения интересов ребенка в спорах о воспитании 634

Хуторной М. Ю.

Административно-правовой статус государственных гражданских служащих и проблемы его реализации..... 636

Черникова К. В.

Реализация прав граждан Российской Федерации в условиях чрезвычайных режимов 640

Шаблинская В. Ю., Лукиных Л. В.

Ответственность профессиональных союзов в трудовых отношениях: проблемы теории и практики 645

Шаблинская В. Ю., Лукиных Л. В.

Прокурорский надзор за соблюдением прав потребителей на рынке финансовых услуг: проблемы и направления совершенствования ... 647

Шадрина Д. А.

Отдельные вопросы раздела общего имущества при наличии брачного договора... 650

Шуваева П. Д.

Особенности ольфакторной экспертизы в криминалистике 653

Юсупова М. К.

Мировое соглашение как основание для прекращения исполнительного производства в отношении организации-должника: преимущества и недостатки..... 654

Якшина А. А.

Проблемы квалификации вымогательства 657

ИСТОРИЯ

Диянов И. В.

Первый Главковерх. Боевой и жизненный путь великого князя Николая Николаевича Младшего..... 661

Мальцев С. Н.

К вопросу о первом применении противотанковых ружей Дегтярева..... 664

Прокофьева Е. В., Монастырская А. С.

Быт и повседневная жизнь греческих женщин Приазовья (XIX — начало XX в.)..... 668

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Анализ проблем нормативно-правового регулирования государственной кадастровой оценки земельных участков

Подберезкий Владислав Андреевич, студент магистратуры
Санкт-Петербургский государственный архитектурно-строительный университет

В статье проведён комплексный анализ нормативно-правового регулирования государственной кадастровой оценки земельных участков в Российской Федерации, в ходе которого были выявлены актуальные проблемы правоприменения в данной сфере.

Ключевые слова: государственная кадастровая оценка, земельные участки.

Земельные участки являются одним из главных объектов недвижимости и основой для формирования налоговой базы (земельный налог). В условиях действующей в Российской Федерации системы налогообложения достоверность и справедливость государственной кадастровой оценки напрямую влияет на экономические интересы миллионов граждан и бизнеса. Несмотря на переход к единой методологии и централизацию полномочий в государственных бюджетных учреждениях, нормативно-правовое регулирование в сфере кадастровой оценки продолжает содержать системные недочеты.

Государственная кадастровая оценка представляет собой массовое определение государственными бюджетными учреждениями кадастровой стоимости объектов недвижимости на определенную дату для целей налогообложения и иных публичных нужд, проводимое по единой методике.

В рамках проведения государственной кадастровой оценки земельных участков для анализа были использованы следующие нормативно-правовые акты:

Земельный кодекс Российской Федерации от 25.10.2001 № 136-ФЗ [1] — данный нормативно-правовой акт выступает в качестве базового законодательного документа, регламентирующего земельные отношения на территории государства. Значительное место в нем отводится процедурам оценки земельных участков, а именно установлению их кадастровой и рыночной стоимости. Статья 65 [1] устанавливает нормативные основы платности использования земельных участков, а статья 66 [1] определяет правовое регулирование вопросов оценки земель.

Приказ Минэкономразвития России от 14.04.2022 № 200 [2] — документ вводит единый федеральный стандарт оценки недвижимого имущества, который охватывает методы, подходы и критерии определения стоимости,

а также корректирует ранее утвержденные приказы в сфере оценочной деятельности;

Федеральный закон от 03.07.2016 № 237-ФЗ «О государственной кадастровой оценке» [3] — в законе регламентируется порядок кадастровой оценки объектов недвижимости, в том числе земельных участков. Им устанавливаются унифицированные правила расчёта и обновления кадастровой стоимости, применяемой для налогообложения, определения арендных платежей и иных финансовых расчётов. Кроме того, нормативный акт разграничивает полномочия участвующих в данном процессе органов власти и детально прописывает этапы оценочных мероприятий: сбор исходных данных, выбор методов оценки, утверждение полученных результатов, а также процедуру их оспаривания;

Федеральный закон «Об оценочной деятельности в Российской Федерации» от 29.07.1998 № 135-ФЗ [4] — нормативный акт закладывает правовую базу для оценки как имущества, так и имущественных прав на территории государства. Им регламентируется процедура осуществления оценочной деятельности, фиксируются права и обязанности оценщиков, а также предъявляемые к ним требования относительно квалификации и лицензирования;

Приказ Росреестра от 04.08.2021 № П/0336 [5] — содержит методические указания по проведению кадастровой оценки недвижимого имущества. Им регулируется порядок исчисления кадастровой стоимости земельных участков, зданий и сооружений для целей налогообложения и иных государственных нужд. В нем закреплены требования к сбору исходных данных, методам расчёта (включая статистическое моделирование), оформлению оценочных результатов, а также процедурам их пересмотра.

Таблица 1. Анализ нормативно-правового регулирования кадастровой оценки земельных участков

№ п/п	Нормативно-правовой акт	Выявленные проблемы
1.	«Земельный кодекс РФ» № 136-ФЗ	1. Нет четких статистических требований к математическим моделям. 2. Не регламентируется количество земельных участков, которые должны входить в итоговую выборку. 3. Отсутствие конкретных требований к количеству и видам ценообразующих факторов.
2.	ФЗ «О государственной кадастровой оценке» № 237-ФЗ	
3.	ФЗ «Об оценочной деятельности в РФ» № 135-ФЗ	
4.	Приказ Минэкономразвития России «Об утверждении ФСО и о внесении изменений в некоторые приказы Минэкономразвития России о ФСО» № 200	
5.	Приказ Росреестра № П/0336 «Об утверждении Методических указаний о ГКО»	

На основе анализа данных нормативно-правовых документов были выявлены следующие ключевые проблемы в проведении государственной кадастровой оценки земельных участков, которые представлены в таблице 1.

Таким образом, выявленные недостатки правового регулирования непосредственно воздействуют на процесс ценообразования земельных участков, порождая отклонения кадастровой стоимости в сторону завышения или занижения, следствием чего становится

необъективное налогообложение собственников земельных участков.

Для решения выявленных проблем необходимо законодательно закрепить единые статистические требования к математическим моделям (коэффициент детерминации, критерии точности), минимальный объем репрезентативной выборки земельных участков, а также обязательный перечень ценообразующих факторов с методикой их отбора в зависимости от региональной специфики.

Литература:

1. «Земельный кодекс Российской Федерации» от 25.10.2001 № 136-ФЗ (ред. от 02.05.2026) [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс.
2. Приказ Минэкономразвития России от 14.04.2022 № 200 (ред. от 30.11.2022) «Об утверждении федеральных стандартов оценки и о внесении изменений в некоторые приказы Минэкономразвития России о федеральных стандартах оценки» (вместе с «Федеральным стандартом оценки «Структура федеральных стандартов оценки и основные понятия, используемые в федеральных стандартах оценки (ФСО I)», «Федеральным стандартом оценки «Виды стоимости (ФСО II)», «Федеральным стандартом оценки «Процесс оценки (ФСО III)», «Федеральным стандартом оценки «Задание на оценку (ФСО IV)», «Федеральным стандартом оценки «Подходы и методы оценки (ФСО V)», «Федеральным стандартом оценки «Отчет об оценке (ФСО VI)»)» [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс.
3. Федеральный закон «О государственной кадастровой оценке» от 03.07.2016 № 237-ФЗ (ред. от 28.12.2025) [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс.
4. Федеральный закон «Об оценочной деятельности в Российской Федерации» от 29.07.1998 № 135-ФЗ (ред. от 31.07.2025) [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс.
5. Приказ Росреестра от 04.08.2021 № П/0336 (ред. от 15.09.2025) «Об утверждении Методических указаний о государственной кадастровой оценке» [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс.

30 лет Уголовному кодексу Российской Федерации: итоги, проблемы и перспективы

Подкопаев Александр Сергеевич, студент магистратуры

Научный руководитель: Улитин Илья Николаевич, кандидат юридических наук, преподаватель
Кубанский государственный университет (г. Краснодар)

В статье авторы анализируют тридцатилетний опыт действия Уголовного кодекса Российской Федерации, выявляют периоды уголовно-правовой политики, обобщают доктринальные позиции относительно вектора развития кодекса, а также предлагают компромиссный сценарий систематизации уголовного законодательства.

Ключевые слова: Уголовный кодекс РФ, УК РФ, криминализация, декриминализация, гуманизация, репрессия, систематизация законодательства.

Как известно, Уголовный кодекс Российской Федерации (далее — УК РФ) принят Государственной Думой Российской Федерации 24 мая 1996 года и одобрен Советом Федерации 5 июня 1996 года. После был Подписан президентом РФ 13 июня 1996 года и вступил в силу с 1 января 1997 года, заменив действовавший ранее Уголовный кодекс РСФСР 1960 года.

Пройдённый тридцатилетний период свидетельствует, что УК РФ является одним из самых часто изменяемых кодифицированных законов. По состоянию на апрель 2026 года, в УК РФ внесены изменения 351 федеральным законом, содержащим сотни поправок. Помимо этого, с момента принятия УК РФ Пленум Верховного Суда РФ принял более 60 фундаментальных постановлений, непосредственно разъясняющих вопросы уголовного права. По мнению профессора Александры Ивановны Ситниковой, большое количество изменений в уголовное законодательство вызывает вопросы об их обоснованности и ведёт к утрате системности кодекса [1, с. 62].

Стоит отметить, что подобная динамика вызвана рядом факторов: новыми вызовами (в частности, терроризм, экстремизм, киберпреступность); сложившейся современной геополитической ситуацией; пандемией COVID-19; социально-экономическими изменениями; политическими факторами и т. д.

В целом, анализ изменений уголовного законодательства позволяет выделить ряд периодов уголовно-правовой политики в части модернизации и видоизменяемости УК РФ.

Первый этап (конец 1990-х — 2000-е годы) — период смягчения регламентации уголовно-правовых отношений. В частности, исключена ответственность за заведомо ложную рекламу, лжепредпринимательство, обман потребителей и т. д. Подобное обусловлено новым экономическим укладом в стране и поиском баланса между регулированием и свободой предпринимательства.

Второй этап (2010-е годы) — период повышенной криминализации и пенализации. Например, в 2013–2014 годах вводится ответственность за призывы к нарушению территориальной целостности, неоднократное нарушение правил проведения публичных мероприятий и т. д. Помимо этого, одновременно ужесточаются санкции по ст. 282, ст. 212 УК РФ и т. д.

Третий этап (2020-е годы) — разнонаправленный вектор. С одной стороны, наблюдается криминализация новых деяний (например, ст. 207.3 о «фейках»), с другой видны попытки гуманизации (например, введение нормы об освобождении от уголовной ответственности в связи с призывом на военную службу в период мобилизации или в военное время либо заключением контракта).

Стоит заметить, что в науке сложились три основные позиции относительно вектора развития УК РФ. Первая

группа учёных утверждает, что законодатель движется по пути гуманизации [2, с. 565]. В качестве аргументов приводится: расширение института судебного штрафа, декриминализация побоев и ряда других деяний. Другие исследователи полагают, что наблюдается репрессивный подход. Аргументацией подобного является избыточная криминализация, частое ужесточение санкций [3, с. 88]. Третья группа учёных обращает внимание на два направления в области уголовно-правовой политики. В частности, в экономической сфере наблюдается либерализация, а в области охраны государственной безопасности — репрессия [4, с. 131].

Аккумулируя различные суждения относительно вектора уголовно-правовой политики, можно выделить общие и отличительные закономерности.

Общим для всех трёх групп учёных является признание того факта, что уголовное законодательство за 30 лет претерпело колоссальные изменения и нуждается в систематизации. Никто из исследователей не утверждает, что действующий УК РФ идеален. Как справедливо отмечает В. В. Антонченко, конструкция норм уголовного права и отношение общества к уголовной репрессии обусловлены социальной средой, однако и сам уголовный закон, включая целостное множество взаимосвязанных элементов, образующих систему наказаний, влияет на среду, сообщает социуму те или иные качества, участвует в формировании общественного и индивидуального правосознания [5, с. 107].

Отличия же касаются путей решения проблемы. Одна группа специалистов делает акцент на позитивных шагах законодателя и считает, что курс на гуманизацию сохранится. Другая группа учёных указывает на то, что прогрессивные шаги носят точечный характер, а основной линией направленности является усиление уголовной ответственности.

В целом, требуется согласиться с большинством учёных в той части, что в уголовно-правовой политике в части модернизации уголовного кодекса задействованы все методы: криминализация и декриминализация, пенализация и депенализация.

На наш взгляд, одной из проблем современного уголовного законодательства является избыточная криминализация. Как отмечает В. В. Антонченко, процесс криминализации в России зачастую происходит без достаточного криминологического обоснования. В 2020-х годах большинство изменений направлено на усиление ответственности. Криминализированы нарушения законодательства об иностранных агентах, расширен круг субъектов преступлений против государственной власти, введены новые составы — неоднократное агрессивное вождение, преступления в сфере гособоронзаказа и т. д. [5, с. 107].

В целом, текст уголовного закона показывает сложный его характер с точки зрения юридической техники. По-

добное обуславливает проблемы квалификации преступлений, толкования норм УК РФ, а также его понимания обычным гражданином. Учёные всё чаще говорят о том, что УК РФ утратил свойства системности и превратился в «лоскутное одеяло», наполнился внутренними противоречиями, стал включать в себя совершенно ненужные для него нормы, оказался захламлён громоздкими, неудобоваримыми статьями, дублирующими друг друга [6, с. 98].

В свете этого в науке уголовного права имеется дискуссия относительно необходимости принятия нового уголовного закона. Сторонники, поддерживающие принятие нового УК РФ (к таким можно отнести Н. А. Лопашенко [7, с. 7], В. В. Антонченко [5, с. 111] и др.), указывают на проблемы структурной разбалансированности текста закона, изменения системы общественных отношений, опыт постсоветских стран. Как подчёркивает В. В. Антонченко, основной недостаток действующего Уголовного кодекса — это разбалансированность его норм, порождённая большим количеством новаций, нередко следующих иррациональным представлениям о праве, правоохранении и возможностях уголовно-правовой репрессии в сфере регуляции социальной жизни [5, с. 111].

Действительно, в настоящее время ряд постсоветских государств (в частности, Молдова, Казахстан, Армения) приняли новые уголовные кодексы. Одним из показательных, на наш взгляд, является Уголовный кодекс Республики Армения от 27 мая 2021 года, который значительно отличается своим новаторством и отличительными особенностями в регламентации уголовно-правовых отношений.

Сторонники, отрицающие необходимость принятия нового УК РФ (к таким можно отнести А. Е. Якубова [8, с. 73–85], А. В. Наумова [9, с. 17] и др.), обращают внимание на стабильность уголовного законодательства; огромный массив судебной практики и постановлений Пленума

ВС РФ, пересмотр которых займёт годы; политическую сложность.

Думается, что что наиболее эффективный сценарий — компромиссный, разработка концепции развития уголовного законодательства Российской Федерации, по аналогии с концепции развития гражданского законодательства.

Аргументируя данную позицию, требуется отметить, что подобное позволит сохранить преемственность правоприменения. За 30 лет накоплен огромный массив судебной практики, в том числе значительное количество постановлений Пленума Верховного Суда РФ, разъясняющих применение норм УК РФ. Полный отказ от действующего кодекса неизбежно повлечёт длительный период правовой неопределённости, пока суды будут вырабатывать новые подходы.

Подводя итог 30-летнему действию УК РФ, можно сделать следующие выводы.

Вектор развития УК РФ не был линейным. Это история колебаний между либерализацией и репрессией.

Системной проблемой является избыточная криминализация без достаточного криминологического обоснования. Новые составы часто вводятся «вдогонку» к определённым точечным событиям. Декриминализация (как в случае с семейными побоями) может быть преждевременной и не сопровождаться мерами профилактики.

Ключевой вызов — разработка научно-обоснованной методологии модели УК РФ. По примеру Концепции развития гражданского законодательства Российской Федерации, возможна разработка Концепции развития уголовного законодательства Российской Федерации

В завершение заметим, что УК РФ 1996 года, несмотря на свои плюсы и минусы, продолжает выполнять свою задачу. Вопрос не в том, принимать новый кодекс или нет, а в том, каким он должен быть. Ответ на этот вопрос определит облик российского уголовного права на будущее.

Литература:

1. Ситникова А. И. Примечания в уголовном законе как инструмент уголовной политики // Вопросы правовой теории и практики. 2016. С. 62–69.
2. Кравченко И. О. Либерализация и гуманизация уголовно-правовой политики // Всероссийский криминологический журнал. 2021. Т. 15. № 5. С. 565–577.
3. Рарог А. И. Репрессивный крен российской уголовной политики // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2014. № 3. С. 88–95.
4. Пудовочкин Ю. Е., Бабаев М. М. Уголовная политика и уголовное право сильного государства // Актуальные проблемы российского права. 2023. Т. 18. № 2 (147). С. 131–144.
5. Антонченко В. В. Дефекты уголовного закона и поиск его оптимальной модели // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2025. № 1. С. 100–116.
6. Метельский П. С., Верченко Н. И., Матвеев И. В. К «серебряному» юбилею четвёртого Уголовного кодекса России: итоги и разочарования // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2021. Т. 18. № 4. С. 90–100.
7. Лопашенко Н. А. О доктринальных предпосылках создания нового уголовного закона // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2014. № 4. С. 5–13.
8. Якубов А. Е. Проблемы уголовного законодательства: нужен ли новый уголовный кодекс? // Вестник МГУ. Серия 11: Право. 2015. № 4. С. 73–85.
9. Наумов А. В. Проблемы кодификации российского уголовного законодательства: новый уголовный кодекс или новая редакция кодекса? // Общество и право. 2010. № 5. С. 13–17.

Административная ответственность за нарушения при добыче полезных ископаемых подводным способом в Российской Федерации

Ромадова Мария Дмитриевна, студент;
Зинатулина Вероника Рустамовна, студент
Научный руководитель: Зарипов Шамиль Ришатович, ассистент
Уфимский университет науки и технологий

В статье анализируется современное административно-правовое регулирование добычи полезных ископаемых подводным способом в Российской Федерации. Рассматривается система нормативных актов, устанавливающих требования к лицензированию, условиям недропользования и охране окружающей среды.

Ключевые слова: административная ответственность, недропользование, добыча полезных ископаемых, подводная добыча, континентальный шельф, лицензирование, КоАП РФ, судебная практика, правонарушения, охрана окружающей среды, возмещение вреда.

Введение

Добыча полезных ископаемых подводным способом — с поверхности дна водоёмов, в акваториях внутренних морских вод, территориального моря и на континентальном шельфе всегда занимали самое значительное место в экономике России. Вместе с тем данная деятельность сопряжена с повышенными рисками причинения вреда окружающей среде, истощения минерально-сырьевой. Незаконная добыча полезных ископаемых со дна рек приводит к деградации водных экосистем, изменению гидрологического режима водоёмов. В связи с этим государство устанавливает определенные требования к порядку осуществления такой добычи и предусматривает публично-правовую, в частности административную и уголовную ответственность за их нарушение.

Особенности правового регулирования добычи полезных ископаемых подводным способом

Одним из основных актов выступает Закон РФ от 21.02.1992 № 2395-1 «О недрах» [1], который дает определение недрам как части земной коры, расположенной ниже почвенного слоя, а при ее отсутствии — ниже земной поверхности и дна водоёмов, классифицирует недра (и полезные ископаемые) как фактическую собственность государства, устанавливает необходимость специализированной лицензии на добычу природных ископаемых.

Федеральный закон от 30.11.1995 № 187-ФЗ «О континентальном шельфе Российской Федерации» [2] устанавливает юрисдикцию России в отношении разведки и разработки минеральных ресурсов шельфа. Статья 8 устанавливает прямой запрет на выдачу лицензий, если региональное геологическое изучение, разведку и добычу минеральных ресурсов планируется осуществлять в границах особо охраняемых природных территорий континентального шельфа.

В соответствии с Водным кодексом РФ, разведка и добыча общераспространённых полезных ископаемых могут быть ограничены или запрещены на территории во-

доохраненных зон. Пункт 8 части 15 статьи 65 Водного кодекса РФ [3] устанавливает ограничение добычи полезных ископаемых со дна водных объектов способами, которые оказывали бы вредное воздействие на поверхностные воды, дно, берега водных объектов и водные биоресурсы.

Определенное значение для правового регулирования имеют и подзаконные нормативные акты. Приказ Минприроды России от 04.05.2017 № 216 [5] утверждает Правила охраны недр, которые конкретизируют требования к безопасному ведению работ, связанных с использованием недрами.

Административная ответственность: нормативная основа и виды правонарушений

Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях содержит несколько составов, непосредственно направленных на охрану отношений в сфере недропользования при подводной добыче полезных ископаемых, в частности статья 7.3 КоАП РФ [4], часть 1 которой предусматривает ответственность за пользование недрами без лицензии, а часть 2 — за пользование недрами с нарушением условий, предусмотренных лицензией, и (или) требований утверждённого в установленном порядке технического проекта.

Размеры административных штрафов по статье 7.3 КоАП РФ дифференцированы в зависимости от субъекта правонарушения, при этом анализ правоприменительной практики показывает, что суды нередко применяют положения части 3.2 статьи 4.1 КоАП РФ, снижая размер штрафа ниже низшего предела при наличии исключительных обстоятельств.

Кроме того, в зависимости от конкретных обстоятельств деяния могут квалифицироваться по статье 8.13 КоАП РФ (нарушение правил охраны водных объектов), статье 8.42 КоАП РФ (нарушение специального режима осуществления хозяйственной и иной деятельности в водоохранной зоне) и иным смежным составам. Важно отметить, что согласно статье 49 Закона «О недрах», привлечение к административной ответственности

не освобождает виновных лиц от обязанности устранить выявленное нарушение и возместить причинённый вред.

Судебная практика по делам о нарушениях при подводной добыче полезных ископаемых

Анализ судебной практики позволяет выделить несколько категорий дел, наиболее характерных для рассматриваемой сферы. Первая категория — дела о привлечении к административной ответственности за пользование недрами без лицензии (часть 1 статьи 7.3 КоАП РФ). Показательным является дело, рассмотренное в Еремекевском районе Республики Башкортостан [6]. Прокуратура в ходе надзорных мероприятий выявила факт незаконной добычи индивидуальным предпринимателем общераспространённых полезных ископаемых вблизи деревни Новониколаевка. Коммерсант, используя принадлежащий ему экскаватор, добыл известковый щебень объёмом 50 кубических метров и вывез его на грузовом автомобиле к строящемуся объекту в селе Еремекево. При этом у него отсутствовала лицензия на указанный вид деятельности. По инициативе прокуратуры предприниматель был оштрафован по части 1 статьи 7.3 КоАП РФ на 30 000 рублей.

Вторая категория — дела о незаконной добыче полезных ископаемых из русел рек, где одновременно применяются нормы о недропользовании и водопользовании. Арбитражный суд Камчатского края рассмотрел дело [7] о незаконной добыче песчано-гравийной смеси (ПГС) на реке Коль. Природоохранная прокуратура возбудила в отношении ООО «КОЛЬ» дело об административном правонарушении по части 1 статьи 7.3 КоАП РФ (пользование недрами без лицензии). Размер ущерба, рассчитанный министерством природных ресурсов региона, составил 2 163 000 рублей. Суд удовлетворил иск и взыскал с компании более 2 миллионов рублей в счёт возмещения ущерба.

Третья категория — дела о нарушении условий, предусмотренных лицензией на пользование недрами (часть 2 статьи 7.3 КоАП РФ). Якутский городской суд Республики Саха (Якутия) решением от 15 мая 2025 года оставил постановление Росприроднадзора по Республике Саха (Якутия) без изменения, а жалобу ООО «ГеоТраст» — без удовлетворения [8]. Общество было привлечено к административной ответственности именно за нарушение условий лицензии на пользование недрами.

Четвёртая категория — дела, связанные с добычей полезных ископаемых в водоохраных зонах и на континентальном шельфе. Как показывает практика, в случае незаконной добычи песчано-гравийной смеси из русла реки лицо может быть привлечено к административной от-

ветственности по совокупности статей — как за безлицензионное пользование недрами (статья 7.3), так и за нарушение правил водопользования (статья 8.14) либо специального режима хозяйственной деятельности в водоохранной зоне (статья 8.42).

Анализ правоприменительной практики позволяет выделить несколько системных проблем, характерных для рассматриваемой сферы, например, наблюдается явная недостаточность санкций. Размеры административных штрафов, предусмотренных частью 1 статьи 7.3 КоАП РФ, не всегда оказывают достаточное превентивное воздействие на крупных хозяйствующих субъектов, для которых потенциальная прибыль от самовольной добычи можеткратно превышать санкцию. Так, в уже упомянутом деле ООО «КОЛЬ» сумма реального ущерба, причинённого недрам, превысила 2 миллиона рублей, в то время как штраф по статье 7.3 КоАП РФ для юридического лица мог составить от 800 000 до 1 000 000 рублей, что даже при максимальном размере меньше суммы ущерба.

Пути совершенствования правового регулирования

Совершенствование административно-правового регулирования добычи полезных ископаемых подводным способом видится по немногим направлениям.

Так, возможно увеличить размеры административных штрафов за самовольную добычу, особенно если она ведётся подводным способом с использованием механизированного оборудования.

Также следует развивать системы дистанционного мониторинга с использованием спутниковых данных и беспилотных летательных аппаратов, с последующим приданием полученным таким образом данным статуса надлежащих доказательств по делам об административных правонарушениях.

Заключение

Особенности правового регулирования в данной сфере обусловлены комплексным характером правоотношений, требующих одновременного соблюдения норм законодательства о недрах, водного законодательства и законодательства об охране окружающей среды. Анализ судебной практики свидетельствует о том, что государственные органы и суды занимают всё более активную позицию по пресечению незаконной подводной добычи и взысканию причинённого ущерба. Дальнейшая систематизация составов правонарушений, усиление санкций будут способствовать повышению эффективности правового регулирования и предупреждению противоправного поведения в данной стратегически значимой сфере.

Литература:

1. Закон РФ от 21.02.1992 № 2395–1 «О недрах» (ред. от 29.12.2025) // Ведомости СНД и ВС РФ. — 1992. — № 16. — Ст. 834.

2. Федеральный закон от 30.11.1995 № 187-ФЗ «О континентальном шельфе Российской Федерации» (ред. от 29.12.2025) // Собрание законодательства РФ. — 1995. — № 49. — Ст. 4694.
3. Водный кодекс Российской Федерации от 03.06.2006 № 74-ФЗ (ред. от 01.04.2026) // Собрание законодательства РФ. — 2006. — № 23. — Ст. 2381.
4. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 01.04.2026) // Собрание законодательства РФ. — 2002. — № 1 (ч. 1). — Ст. 1.
5. Приказ Минприроды России от 04.05.2017 № 216 «Об утверждении Правил охраны недр» // Официальный интернет-портал правовой информации. — URL: <http://www.pravo.gov.ru>.
6. Решение Бижбулякского межрайонного суда Республики Башкортостан от 17.02.2025 по делу о незаконной добыче известкового щебня // Архив Бижбулякского межрайонного суда РБ. — 2025.
7. Решение Арбитражного суда Камчатского края по делу о взыскании с ООО «КОЛЬ» ущерба за незаконную добычу ПГС на реке Коль (2025 г.) // Картотека арбитражных дел. — URL: <https://kad.arbitr.ru>.
8. Решение Якутского городского суда Республики Саха (Якутия) от 15.05.2025 по жалобе ООО «ГеоТраст» // Архив Якутского городского суда РС(Я). — 2025.
9. Бринчук М. М. Экологическое право: учебник. — М.: Норма, 2023. — 688 с.
10. Дмитриева И. А. Административная ответственность в сфере недропользования: проблемы правоприменения // Административное право и процесс. — 2024. — № 5. — С. 34–40.
11. Официальный сайт Федеральной службы по надзору в сфере природопользования (Росприроднадзор). — URL: <http://www.rpn.gov.ru>.

Цифровой след человека в социальных сетях как источник доказательств

Рохман Игорь Валерьевич, студент магистратуры

Научный руководитель: Маркосян Георгий Ашотович, кандидат экономических наук, доцент

Кубанский государственный университет (г. Краснодар)

В статье рассматривается цифровой след человека в социальных сетях как значимый источник сведений, имеющих доказательственное значение в уголовном процессе. Анализируется правовая основа использования таких сведений в системе доказательств, а также особенности их обнаружения, фиксации и последующей оценки. Особое внимание уделяется проблемам достоверности, допустимости и идентификации пользователя, поскольку материалы из социальных сетей нередко требуют дополнительной проверки на предмет подлинности и связи с конкретным лицом. Делается вывод о том, что цифровые следы в социальных сетях обладают высоким информационным потенциалом, однако их использование в доказывании возможно лишь при соблюдении процессуальных требований и надлежащей криминалистической фиксации.

Введение

Цифровизация общественных отношений существенно изменила характер следовой информации, с которой приходится работать в уголовном судопроизводстве. Социальные сети стали не только средством общения, но и пространством, в котором пользователь оставляет многочисленные цифровые следы: публикации, комментарии, личные сообщения, фотографии, видеозаписи, сведения о времени активности, реакции на контент и иные данные, способные иметь значение для установления обстоятельств дела. В научной литературе отмечается, что именно социальные сети и мессенджеры являются одним из наиболее перспективных источников обнаружения, фиксации и изъятия цифровых следов преступлений.

Актуальность выбранной темы обусловлена тем, что сведения из социальных сетей все чаще используются

в качестве доказательственной информации, однако их процессуальная ценность напрямую зависит от того, насколько правильно они выявлены, закреплены и проверены. Уголовно-процессуальное законодательство Российской Федерации закрепляет общие правила доказывания и собирания доказательств, что создает нормативную основу для использования цифровых следов в уголовном процессе. Вместе с тем проблемы подлинности аккаунта, возможного редактирования переписки, удаления контента, подмены личности пользователя и нарушения целостности электронных данных делают вопрос допустимости и достоверности таких сведений особенно острым.

Цель настоящей статьи состоит в том, чтобы раскрыть доказательственное значение цифрового следа человека в социальных сетях и определить основные проблемы его использования в уголовном судопроизводстве. Для достижения этой цели необходимо показать, какие именно данные из социальных сетей могут иметь значение для

расследования, каким образом они должны фиксироваться, а также почему их оценка требует повышенного внимания со стороны следователя, дознавателя и суда. Исследование этой темы позволяет сделать вывод о том, что цифровой след в социальных сетях является важным источником доказательственной информации, но только при условии строгого соблюдения процессуальных и криминалистических требований.

1. Понятие цифрового следа в социальных сетях и его доказательственное значение

Цифровой след в социальных сетях следует рассматривать как совокупность сведений, возникающих в результате активности пользователя в онлайн-среде и сохраняемых в виде публикаций, комментариев, личных сообщений, фотографий, видеозаписей, реакций, сведений о времени активности, идентификаторов аккаунта и иных данных, связанных с поведением лица в сети. В научной литературе цифровые следы в социальных сетях и мессенджерах прямо выделяются как самостоятельный источник значимой для расследования информации, поскольку именно они позволяют восстановить содержание общения, круг контактов, последовательность действий и отдельные обстоятельства совершения или подготовки преступления.

С точки зрения уголовного процесса цифровой след не образует отдельного, специально выделенного в УПК РФ вида доказательства, однако может выступать носителем сведений, имеющих доказательственное значение, если он получен и закреплён в установленном законом порядке. Общие правила доказывания и собирания доказательств закреплёны в УПК РФ, включая ст. 74 и ст. 86, которые определяют рамки использования сведений в уголовном судопроизводстве и полномочия участников процесса по их собиранию. Именно поэтому материалы из социальных сетей оцениваются не сами по себе, а через призму их относимости, допустимости, достоверности и достаточности в совокупности с другими доказательствами.

Доказательственное значение цифрового следа в социальных сетях обусловлено его способностью фиксировать факты, которые часто невозможно подтвердить иными способами. Так, переписка может подтверждать договорённости, угрозы, признание факта общения или участия в событии; публикации и комментарии — наличие позиции лица, его связи с определёнными событиями или другими пользователями; фотографии и видео — присутствие в конкретном месте, внешний вид предметов и участников; сведения профиля и метаданные — идентификацию аккаунта и временные параметры активности. В литературе отмечается, что для успешного использования таких данных в суде требуется их аутентификация и техническая проверка, поскольку без подтверждения происхождения и неизменности материала их доказательственная ценность существенно снижается.

При этом цифровой след в социальных сетях обладает рядом особенностей, которые отличают его от тра-

диционных источников доказательств. Он может быть быстро удален, изменен, скрыт настройками приватности или создан с использованием чужих персональных данных; кроме того, визуально одинаковые материалы могут иметь разное происхождение и разную степень достоверности. Поэтому для уголовного процесса важно не только установить содержание цифрового следа, но и доказать его связь с конкретным лицом, моментом времени и обстоятельствами дела. Отсюда следует, что социальные сети являются не просто информационной средой, а пространством формирования цифровых следов, которые при надлежащей фиксации способны приобрести значение допустимого и полезного доказательственного материала.

2. Особенности получения, фиксации и приобщения цифровых следов к материалам дела

Получение цифровых следов из социальных сетей в уголовном процессе обычно начинается с их обнаружения в ходе осмотра интернет-страницы, переписки, публикации или иного сетевого контента. УПК РФ предусматривает проведение осмотра как следственного действия, а также закрепляет возможность использования предметов, документов и электронных носителей информации, изъятых с соблюдением процессуальных требований. Кроме того, кодекс прямо допускает собирание доказательств дознавателем, следователем, прокурором и судом, а также использование иных документов в качестве доказательств, что создает правовую основу для включения материалов из социальных сетей в доказательственную систему по делу.

На практике ключевое значение имеет не только само обнаружение информации, но и ее надлежащая фиксация. Для цифровых следов из социальных сетей существенны точное указание адреса страницы или аккаунта, времени и даты доступа, описания содержания публикации или переписки, а также технических средств, использованных при осмотре. В научных работах по осмотру интернет-ресурсов подчеркивается, что протокол должен содержать сведения о применённых средствах доступа, программных инструментах и последовательности действий, поскольку именно это позволяет проверить воспроизводимость осмотра и снизить риск спора о подлинности материала.

Наиболее распространенными способами фиксации цифровых следов выступают скриншоты, распечатки страниц, протокол осмотра страницы социальной сети, сохранение файлов и переписки на электронный носитель, а также при необходимости привлечение специалиста для технического извлечения данных. Вместе с тем скриншот сам по себе не гарантирует достоверности: в литературе прямо отмечается, что он может быть отредактирован, поэтому его доказательственная ценность возрастает только при наличии дополнительных подтверждающих признаков — времени создания, исходной

ссылки, видимых идентификаторов аккаунта, метаданных и сопоставления с иными доказательствами.

Особое внимание при приобщении цифровых следов к материалам дела следует уделять сохранению их целостности и связи с конкретным источником. Для этого важно не ограничиваться простым распечатыванием изображения экрана, а фиксировать полный контекст: путь доступа к странице, последовательность открытых вкладок, содержание сообщений, данные о профиле, дату и время просмотра, а при возможности — сведения о файле-источнике и его неизменности. Такой подход соответствует позиции исследователей, которые рассматривают цифровые следы как информацию, требующую особого режима обнаружения, фиксации и изъятия, поскольку именно на этих стадиях чаще всего возникают ошибки, подрывающие доказательственную силу материала.

3. Проблемы допустимости и достоверности цифровых следов из социальных сетей

Основная проблема использования цифровых следов из социальных сетей состоит в том, что сами по себе они не обладают заранее установленной доказательственной силой и должны оцениваться по общим правилам уголовного процесса. Согласно ст. 74 УПК РФ, доказательствами являются любые сведения, на основе которых устанавливаются обстоятельства, имеющие значение для дела, а ст. 75 УПК РФ прямо указывает, что доказательства, полученные с нарушением требований Кодекса, являются недопустимыми. Следовательно, материал из социальной сети может иметь значение только тогда, когда понятно его происхождение, способ получения и соблюдение процессуальной формы.

Ключевой риск связан с вопросом подлинности: аккаунт может принадлежать не тому лицу, от имени которого ведется переписка, публикация может быть удалена или изменена, а скриншот — отредактирован. В научной литературе подчеркивается, что для успешного использования сведений из социальных сетей в суде необходимо применять технические инструменты аутентификации, а также проверять связь аккаунта с конкретным человеком. Из этого следует, что цифровой след должен подтверждаться не только визуально, но и совокупностью дополнительных данных: идентификаторами профиля, временем публикации, контекстом переписки, метаданными и иными объективными признаками.

Литература:

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации.
2. Россинская Е. Р., Сааков Т. А. Проблемы собирания цифровых следов преступлений из социальных сетей и мессенджеров // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. — 2020. — № 3 (15). — С. 106–123.
3. Абдыкалыков А. А. Социальные сети. Как использовать их в качестве доказательства в суде // Закон и право. — 2024. — № 3. — С. 45–48.
4. Денисов Е. А. Скриншоты в системе уголовно-процессуальных доказательств: вопросы теории и практики // Скиф. Вопросы студенческой науки. — 2017. — № 15(15). — С. 179–183.

Особую сложность вызывают скриншоты и иные фиксированные изображения экрана. В литературе они рассматриваются как удобный, но уязвимый способ закрепления информации, поскольку их легко изменить без заметных внешних признаков. Поэтому приобщение такого материала без протокольной фиксации, без указания источника, времени получения и способа сохранения создает высокий риск признания его недостаточно достоверным. Исследователи электронных доказательств также отмечают, что при отсутствии единых стандартов документирования именно проблемы достоверности становятся главным препятствием для использования цифровых следов в уголовном процессе.

Если подвести итог, то допустимость цифровых следов из социальных сетей зависит от законности их получения, а достоверность — от возможности подтвердить их неизменность, источник и связь с конкретным лицом. Поэтому такой материал нельзя оценивать изолированно: он должен проверяться в совокупности с другими доказательствами, иначе велика опасность ошибки, фальсификации или неверной идентификации пользователя.

Заключение

Таким образом, цифровой след человека в социальных сетях представляет собой важный источник доказательственной информации, способный существенно повлиять на установление обстоятельств уголовного дела. Его значение обусловлено тем, что социальные сети фиксируют переписку, публикации, изображения, временные параметры активности и иные сведения, которые могут подтверждать факт общения, место нахождения, характер действий и связь лица с конкретными событиями. Вместе с тем использование таких материалов требует строгого соблюдения процессуальной формы, поскольку их подлинность, неизменность и принадлежность конкретному пользователю нередко вызывают сомнения и нуждаются в дополнительной проверке. Именно поэтому цифровые следы из социальных сетей должны оцениваться не изолированно, а в совокупности с иными доказательствами, при обязательной фиксации источника, времени получения и способа извлечения информации. При таком подходе социальные сети становятся не просто средой общения, а значимым пространством формирования доказательств в современном уголовном процессе.

5. Чиркова Д. В. О некоторых вопросах допустимости электронных доказательств // Международный научно-исследовательский журнал. — 2024. — № 12 (150). — DOI: 10.60797/IRJ.2024.150.1.
6. Иванова Е. В. Скриншот — цифровая возможность в процессе доказывания: проблемные аспекты // Право и государство: теория и практика. 2019. №12 (180). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/skrinshot-tsifrovaya-vozmozhnost-v-protssesse-dokazyvaniya-problemnye-aspekty> (дата обращения: 11.05.2026).

Цифровая валюта как предмет преступления: уголовное-правовые последствия признания криптовалюты имуществом

Сакара Диана Андреевна, студент

Научный руководитель: Зин Наталья Васильевна, кандидат исторических наук, доцент
Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Владимирский филиал

В статье проводится анализ правовых последствий принятия Постановления Конституционного Суда РФ от 20.01.2026 № 2-П, которое закрепляет статус криптовалюты как имущество, которое может стать предметом преступлений против собственности. Рассматривается решение многолетней проблемы правоохранительных органов, вопросы квалификации хищения цифровых активов, а также предлагаются мероприятия для решения проблем конфискации и наложения ареста. Особое внимание было уделено разделению составов преступлений против собственности и преступлений в сфере компьютерной деятельности.

Ключевые слова: киберпреступность, цифровая валюта, криптовалюта, майнинг, имущество, блокчейн, активы.

Профилактика киберпреступности и использование криптовалют в теневых схемах в настоящее время представляет собой одну из важнейших целей обеспечения национальной безопасности в условиях растущей цифровизации общества. Неминуемое преобразование социальных сетей и взаимодействие внутри них, а также перенос большей части способов взаимодействия и обмена информацией в цифровое пространство, создают новые проблемы для правоохранительных органов в борьбе с противоправной деятельностью [1, с. 281].

С момента появления криптовалют, число пользователей значительно возросло. По статистике, в 2025 году число розничных пользователей криптовалютой превысило 737 миллионов человек. По прогнозам ученых, в 2026 году эта цифра может подняться до 900 миллионов. Однако несмотря на попытки государственных органов урегулировать криптовалюту, как объект правоотношений, ее статус все еще остается достаточно спорным. Дискуссии на этот счет ведутся и по сей день. Так, в статье 1 Федерального закона от 31 июля 2020 года № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (ред. от 27.10.2025) дается официальное определение цифровой валюте [2]. В 14 статье этого же закона говорится о том, что использование криптовалюты, как самостоятельной валюты для платежа, запрещено. Кроме того, в законодательстве отсутствует четкое определение для правовой природы криптовалюты. Однако запрета на майнинг криптовалюты нет, соответственно, криптовалюта оказывается у граждан, которые занимаются майнингом. Майнинг — это процесс

создания новых блоков в специальной базе данных (блокчейне), обеспечивающий работу и безопасность соответствующей криптовалютной сети [3, с. 381].

В связи с увеличением роста потребителей, возросли также и мошеннические схемы с использованием криптовалют. По информации на май 2025 года, Верховный Суд Российской Федерации рассмотрел свыше 20 уголовных дел, связанных с посягательством на криптовалюту и ее использование для легализации доходов. Среди них дело, рассматриваемое Пресненским районным судом города Москвы от 24 июня 2025 года. В деле Валерии Федякиной, больше получившее огласку под таким названием, как «Битмама» суд признал криптовалюту имуществом. Однако в своей практике уголовное судопроизводство столкнулось и с такими делами, в которых криптовалюту признать имуществом не удавалось. Правоохранительные органы впервые столкнулись с препятствием единообразия в квалификации подобных деяний. Из-за этого суды зачастую затруднялись идентифицировать криптовалюту как предмет преступления, направленную против собственности. Например, по делу № 22–5295/2020 Петроградский районный суд не признал криптовалюту предметом хищения, поскольку та не была отнесена к объектам гражданских прав. По этой же причине, многие дела, связанные с криптовалютой, можно отнести и квалифицировать только как посягательства на компьютерную информацию, что абсолютно не идет в сравнение с причиненным экономическим ущербом.

Данную проблему власти постарались устранить Постановлением Конституционного Суда Российской Федерации от 20.01.2026 № 2-П [4]. Суд высшей инстанции,

согласно Постановлению, закрепляет на законодательном уровне признание криптовалюты имуществом для целей уголовного права. В дальнейшем это повлекло значительные изменения, что облегчило работу органам в борьбе с киберпреступностью. В данной статье мы проанализируем, как данное решение повлияло на противодействие с мошенниками и какие обязанности возложило на правоохранительные органы и суд.

Фундаментальное значение Постановления Конституционного Суда РФ от 20.01.2026 № 2-П заключается в разрешении многолетней междисциплинарной коллизии. До принятия данного нормативного правового акта правоохранительные органы находились в состоянии неопределенности. Закон не мог ответить на главный вопрос: рассматривать ли криптовалюту, как компьютерную информацию, согласно Главе 28 УК РФ [5], или как имущество, согласно Главе 21 УК РФ. В своем решении Конституционный Суд указал на недопустимость шаблонного метода работы, в которых отсутствие как таковой физической оболочки актива лишает его владельца конституционных гарантий защиты права собственности. Конституционный Суд подчеркнул, что ключевым критерием для признания цифровой валюты имуществом является именно её экономическая сущность.

Согласно позиции Суда, цифровая валюта обладает всеми признаками имущества:

- во-первых, это экономическая ценность. У криптовалюты есть рыночная стоимость, которая определяется как спросом, так и предложением;
- во-вторых, криптовалюта способна выступать в качестве объекта гражданского оборота, передаваясь от одного субъекта к другому;
- в-третьих, это то, что у владельца есть контроль над активом с помощью приватного кода.

Главным аргументом Конституционного Суда в пользу признания криптовалюты имуществом стал факт наличия единства правовой системы. Суд отметил, что Гражданский кодекс Российской Федерации [6] и Федеральный закон № 259-ФЗ уже относят цифровую валюту к категории «иного имущества». Из этого следует вывод, что уголовное право не может по законодательству игнорировать данный статус.

В Постановлении говорится о том, что: регулятивные и ограничительные меры направлены на цифровую валюту с целью предотвращения ее неконтролируемого распространения. Законодатель стремится создать условия, при которых правовой режим криптовалюты допустит ее ограниченное и контролируемое использование при условии прозрачности оборота. Это связано с тем, что цифровая валюта нередко в сегодняшних реалиях применяется в целях финансирования преступной деятельности, в том числе для совершения диверсионных и террористических актов. Также криптовалюту используют для ухода от уплаты налогов, вывода средств из легальной экономики, отмывания денег и сокрытия реального дохода. Именно принятие данного акта окончательно дополняет

взаимосвязь между гражданско-правовой защитой и уголовно-правовой охраной цифровых активов.

В Постановлении Суда также есть четкое разграничение легальности владения и способов использования. Запрет на использование цифровой валюты в качестве платежного средства за товары и услуги не лишает ее статуса имущества. Актив не выходит из-под защиты уголовного закона, поскольку криптовалюта имеет определенного пользователя, а не считается никому не принадлежащей вещью, которую можно изымать без каких-либо последствий.

Однако после признания криптовалюты имуществом, квалификация хищения образует новые подходы, дав четкие границы для антикоррупционного и налогового законодательства. Если ранее охрана цифровой валюты имела определенные сложности, то сейчас криптовалюта защищена не хуже, чем счет, открытый в банке, а также по Постановлению не имеет разделений на «крупный» или «особо крупный» размер, поскольку курс не оказывает влияния на юридическую оценку:

— сейчас тайное хищение криптовалюты стало квалифицироваться по статье 158 УК РФ и рассматриваться, как кража, поскольку подразумевает под собой противоправное, безвозмездное изъятие и(или) обращение чужого имущества в пользу виновного или других лиц, что причиняет ущерб собственнику или иному владельцу этого имущества. Основная сложность заключается в том, чтобы определить момент окончания преступления и зафиксировать перевод криптовалют с кошелька потерпевшего на кошелек злоумышленника;

— по постановлению КС РФ № 2-П, статья 163 УК РФ (Вымогательство), легализируется квалификацией насильственной передачи криптовалюты вымогателям, чего ранее не было прописано в законе;

— конечно же, самый распространенный состав преступления — это мошенничество. Создание поддельных бирж, скам-проектов и фишинговых сайтов, теперь рассматриваются, как хищение чужого имущества путем обмана. Такие случаи рассматриваются по статье 159 УК РФ;

— до 2026 года дела по отмыванию денег с использованием цифровой валюты часто сталкивались с юридическими препятствиями в судебных разбирательствах. Теперь использование цифровой валюты для легализации преступных доходов в законные активы карается законом по статье 174 УК РФ;

— поскольку криптовалюта признана имуществом, доход от ее реализации подлежит налогообложению, а сокрытие активов, неуплата НДФЛ или налога на прибыль с операций по их обмену по новому Постановлению образует элемент налогового преступления, согласно статьям 198–199 УК РФ;

— один из самых значимых разделов в Постановлении касается ареста и конфискации цифровых активов. Имущество, полученное преступным путем, с 2026 года подлежит принудительному безвозмездному изъятию в доход государства. Данные средства переводят в институт госу-

дарственных криптокошельков. Хранятся они до момента их дальнейшей реализации.

Стоит также отметить, что признание криптовалюты имуществом упрощает правоохранительным органам доказывание факта передачи материальных ценностей запрещенным на территории Российской Федерации организациям. Это помогает предотвратить пособничество путем финансирования террористических и экстремистских группировок.

Но, даже несмотря на все принятые меры технические сложности все еще имеют место быть. Блок-чейн анонимен, а значит и идентифицировать его владельца фактически невозможно. Чтобы найти связь между ключом доступа и реальным физическим лицом, требуется при-

влечение высококвалифицированных специалистов, а также взаимодействие с зарубежными провайдерами, что тоже не может избавить от 90 % проблем.

Подводя итог всему вышесказанному, можно сделать вывод, что Постановление Конституционного Суда РФ от 20.01.2026 № 2-П стало действительно знаковым и очень важным событием. Признание криптовалюты имуществом существенно облегчит принятие судом решений, а также обеспечит защиту цифровой валюты в уголовном праве, что существенно уменьшит количество тайных хищений, мошенничества и легализации преступных доходов с использованием цифровых активов, а также их дальнейшей конфискации. Это решение — важный шаг к созданию безопасной цифровой среды.

Литература:

1. Степанова Н. К. Зарубежный опыт эффективной профилактики киберпреступности в отношении несовершеннолетних правоохранительными органами / Н. К. Степанова // Управление образованием: теория и практика. — 2025. — Т. 15. — № 8–1. — С. 281–293.
2. Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (ред. от 27.10.2025) // URL: <https://www.consultant.ru/> (дата обращения: 25.04.2026).
3. Святов А. А. Оценка экономического ущерба от теневого майнинга криптовалют в России // А. А. Святов, В. И. Колибаба. — Журнал: Экономическое развитие России, 2026. — С.381–390.
4. Постановление Конституционного Суда РФ от 20.01.2026 N 2-П «По делу о проверке конституционности части 6 статьи 14 Федерального закона «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» в связи с жалобой гражданина Тимченко Дмитрия Игоревича» // Собрание законодательства РФ. 2026. N 4. Ст. 372.
5. Уголовный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 13 июня 1996 № 63-ФЗ (ред. от 20.02.2026) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.
6. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 N 51-ФЗ (ред. от 31.07.2025, с изм. от 25.03.2026) // «Собрание законодательства РФ. 1994. N 32. Ст. 3301.

Цифровые следы в расследовании преступлений

Сванидзе Зураб Зурабиевич, студент;
Цепляева Елизавета Витальевна, студент
Саратовская государственная юридическая академия

В данной работе проводится анализ актуального положения дел в сфере криминалистического изучения цифровых следов, возникающих в процессе совершения хакерских атак и иных киберпреступлений. Рассматриваются специфические характеристики электронных следов как новой категории вещественных доказательств, для которых необходимы особые методики изъятия и фиксации.

Ключевые слова: криминалистика, цифровые следы, киберпреступления, восстановление информации, метаданные, расследование.

Сегодня трудно представить нашу повседневную реальность без компьютеров, мобильных устройств и глобальной сети. Хотя эти технологии служат важным фактором повышения качества жизни, они одновременно создают серьезные угрозы для безопасности личности и конфиденциальности данных общества. Быстрое

развитие IT-сферы и повсеместное внедрение цифровых платформ кардинально трансформировали криминальный ландшафт, спровоцировав резкий рост преступлений с использованием информационных технологий.

Термин «киберпреступность» имеет зарубежное происхождение. Еще в 2000 году на X Конгрессе ООН по

предупреждению преступности и обращению с правонарушителями такие деяния были классифицированы по пяти направлениям: несанкционированный доступ к устройствам, повреждение данных или программ, саботаж систем или сетей, перехват информации внутри инфраструктуры и компьютерный шпионаж. В Российской Федерации вопросы киберпреступности регулируются главой 28 УК РФ, посвященной ответственности за правонарушения в сфере компьютерной информации.

Глобальная цифровизация и увеличение числа подобных инцидентов обусловили создание в Следственном комитете РФ специального отдела по расследованию киберпреступлений и преступлений в области высоких технологий. Его деятельность началась в декабре 2019 года. Эффективность расследования дел данной категории напрямую зависит от качества сбора и анализа цифровых следов, которые остаются после совершения правонарушения.

В научной криминалистической среде существуют разночтения относительно трактовки понятия «виртуальный след». Так, А. Б. Смушкин трактует его как результат любых манипуляций в цифровом пространстве компьютеров, сетей и систем, тогда как В. А. Мещеряков определяет это явление как зафиксированное в виде компьютерных данных изменение состояния автоматизированной информационной системы, обусловленное преступным событием. Ключевыми характеристиками электронных следов выступают возможность их многократного копирования без ущерба для целостности оригинала, а также высокая степень уязвимости, позволяющая быстро модифицировать или уничтожить как первичные данные, так и их копии.

Эффективное расследование киберпреступлений требует глубокого осмысления природы цифровых улик. Как отмечалось выше, их главные особенности — нематериальность и хрупкость. В отличие от классических вещественных доказательств (отпечатков пальцев или следов), цифровой след не может быть физически изъят. Работая с такими уликами, следователь и эксперт оперируют информацией, представленной в виде последовательностей электрических импульсов или состояний ячеек памяти. Поэтому критически важной становится процедура копирования данных.

Хотя Уголовно-процессуальный кодекс РФ допускает изъятие носителей информации, на практике этот метод часто оказывается нецелесообразным. Конфискация сервера коммерческой структуры или ключевого узла системы управления может привести к остановке бизнес-процессов, что нанесет экономический ущерб, значительно превышающий последствия самого преступления.

В связи с этим, актуальная цифровая криминалистика смещает фокус на проведение процедуры копирования электронных данных непосредственно в месте обнаружения. Этап фиксации цифровых улик стартует с осмотра места происшествия, которое может быть как физическим (помещение с компьютерами), так и виртуальным. Главным условием здесь является сохранение целостности информации. Любое взаимодействие с устройством — включение, отключение, сетевое подключение

или нажатие клавиш — способно исказить временные метки файлов, уничтожить временные данные или активировать заложенные злоумышленником механизмы шифрования. Потому действующим стандартом стала работа с «живыми» системами, при которой эксперты сначала анализируют оперативную память, не обесточивая оборудование. В ОЗУ содержатся критически важные данные: незашифрованные пароли, работающие вредоносные коды и сведения о сетевых соединениях. Для их извлечения применяются специализированные аппаратно-программные средства, создающие точный образ памяти без вмешательства в работу системы. Что касается постоянных носителей информации (жестких дисков, SSD, флеш-карт), то после фиксации данных из оперативной памяти перед экспертом стоит задача их изъятия. Стандартное копирование файлов через ОС не подходит, так как оно не позволяет вернуть удаленные данные и игнорирует служебные зоны диска. Вместо этого применяется посекторное (побитовое) копирование, заключающееся в создании полного образа диска — файла, дублирующего всю последовательность битов оригинала. Для подтверждения подлинности и неизменности копии используется технология хеширования. Она предполагает вычисление уникального контрольного кода (хеш-суммы) как исходного носителя, так и полученной копии.

Совпадение контрольных сумм служит неопровержимым криминалистическим подтверждением подлинности копии, свидетельствуя об отсутствии несанкционированных изменений в ходе расследования. Данный процесс строго документируется в протоколе следственных действий, что обеспечивает допустимость использования цифрового образа в качестве доказательства в судебном заседании. Для обеспечения целостности данных применяются аппаратные блокираторы записи — специальные устройства, устанавливаемые между источником и рабочим станцией эксперта, которые на физическом уровне блокируют возможность внесения любых изменений в информацию. Однако создание образа представляет собой лишь начальную стадию исследования; главная задача заключается в обработке огромных объемов информации, достигающих терабайтных масштабов. Для этого применяются специализированные криминалистические комплексы, позволяющие автоматизировать поиск по ключевым словам, реставрацию стертых данных, изучение файловой структуры и временных меток. Особое внимание уделяется анализу метаданных — скрытой информации о файлах, такой как даты создания и модификации, сведения об авторе, технических характеристиках устройства-источника и геолокационных координатах, содержащихся в изображениях и документах.

Изучение метаданных дает возможность точно локализовать злоумышленника на момент правонарушения или реконструировать временную шкалу событий. Ключевую роль играет исследование сетевого трафика и соединений. Поскольку многие преступления совершаются в глобальной сети, критически важными уликами стано-

вятся журналы действий интернет-провайдеров и сведения о сетевых пакетах. Их разбор позволяет отследить маршрут передачи данных, выявить адреса задействованных устройств и, даже при применении инструментов анонимизации, нередко установить личность конкретного пользователя.

Отдельного внимания заслуживает вопрос допустимости и сохранности доказательств. Несмотря на прогресс в технических средствах, главной проблемой остается юридическая значимость полученных материалов. Работа с цифровыми следами требует не только технической компетентности, но и безупречного соблюдения процессуальных норм. Любая ошибка в оформлении — например, отсутствие понятых при осмотре, неточное описание изъятой техники в протоколе или сбой в работе блокиратора записи — может стать основанием для признания доказательства недопустимым судом. Поэтому современная криминалистика установила жесткие стандарты «цепочки сохранности». Этот принцип требует документального подтверждения всех деталей: кто, когда, при каких условиях и какими инструментами имел доступ к цифровым уликам от момента их изъятия до судебного разбирательства.

Любое нарушение целостности этой цепи ставит под угрозу допустимость собранных доказательств. Для обеспечения данного требования активно применяются технологии распределенного реестра, гарантирующие неизменность информации на всех стадиях расследования. Тем не менее, ключевым инструментом по-прежнему

остается неукоснительное соблюдение требований уголовно-процессуального закона и участие в следственных действиях экспертов высокой квалификации.

В сфере развития аналитических методов криминалистика вынуждена оперативно реагировать на технологические вызовы. Распространение систем шифрования и анонимных сетей диктует необходимость использования криптоанализа и поиска законных путей получения ключей доступа. Объектами изучения становятся не только традиционные компьютеры, но и устройства интернета вещей — умные колонки, бытовая техника и автомобильные системы, аккумулирующие обширные данные о поведении и привычках пользователей.

Массовое внедрение искусственного интеллекта позволяет обрабатывать огромные объемы информации. Нейронные сети способны за считанные минуты анализировать миллионы текстовых сообщений или изображений, выявляя скрытые взаимосвязи и паттерны, на поиск которых человеку потребовались бы годы. Однако применение таких технологий порождает новые этические и юридические проблемы относительно допустимости машинного анализа в качестве доказательства.

Итак, современная киберкриминалистика представляет собой сложный синтез правовых норм и передовых технологий. Эффективность расследования зависит от умения следствия своевременно осваивать и внедрять новейшие методы работы с цифровыми следами, строго соблюдая при этом процессуальные требования, обеспечивающие защиту прав всех участников процесса.

Литература:

1. Россинская Е. Р. Криминалистика: учебник для вузов. — М.: Норма, 2020. — С. 412. Смушкин А. Б. Виртуальные следы в криминалистике // Законность. — 2012. — № 8. — С. 43.
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 09.04.2026), ст. 81.1, 164.
3. Шевченко Е. С. О криминалистической трактовке понятия «киберпреступность» // Информационное право. 2014. № 3 (39). Том 2. — Курск: Юго-Западный государственный университет, 2022. С. 170–174.

Теоретические подходы к определению ключевых понятий в сфере защиты прав потребителей в российском праве

Спиридонов Артём Евгеньевич, студент
Тольяттинский государственный университет (Самарская область)

В статье анализируются теоретические подходы к определению понятий «потребитель», «права потребителей» и «защита прав потребителей» в российском праве. Выявляются недостатки законодательных и доктринальных определений, предлагаются авторские определения. На основе проведенного анализа формулируются предложения по изменению законодательства о защите прав потребителей и повышению эффективности правоприменительной практики.

Ключевые слова: защита прав потребителей, права потребителей, потребитель, законодательство.

Распад Советского Союза и последующие вытекающие события предопределили появление рыночной экономики. С ее появлением, с момента формирования со-

временного рынка началось формирование отечественного законодательства, регламентирующего отношения между продавцом и потребителем, в том числе законо-

дательство о защите прав потребителей, а следовательно, и институт защиты прав потребителей. Распад Советского Союза и переход к рыночной экономике породили ряд конкретных проблем для потребителей: резкий рост недобросовестных продавцов, появление контрафактной и фальсифицированной продукции, отсутствие эффективных механизмов возврата некачественных товаров, а также массовые нарушения прав граждан в сфере торговли и услуг. Возникновение понятия «права потребителей» стало ответом на все происходящие изменения России 90-х годов. Понятие права потребителей можно встретить во множестве нормативно-правовых актах, например, в Законе Российской Федерации «О защите прав потребителей» [1]. Однако, несмотря на широкое использование, нормативно закреплённого понятия «права потребителей» в российском законодательстве не имеется.

Цель настоящей статьи — на основе анализа доктринальных подходов и нормативных положений сформулировать авторские определения базовых понятий института защиты прав потребителей, провести классификацию прав потребителей и выявить направления совершенствования законодательства и правоприменительной практики.

Представляется необходимым обратиться к содержанию понятия «потребитель» и его правовому значению. Прежде всего следует проанализировать нормативное закрепление данного понятия. В соответствии с Законом Российской Федерации «О защите прав потребителей», под потребителем понимается «гражданин, имеющий намерение заказать или приобрести либо заказывающий, приобретающий или использующий товары (работы, услуги) исключительно для личных, семейных, домашних и иных нужд, не связанных с осуществлением предпринимательской деятельности» [1]. Однако данное определение не содержит четких критериев для квалификации статуса потребителя в спорных случаях. Например, когда гражданин приобретает товар для личных нужд, но частично использует его в предпринимательской деятельности (приобретение ноутбука для трудовой деятельности). Судебная практика в таких случаях неоднозначна: одни суды признают статус потребителя, другие отказывают, ссылаясь на предпринимательский характер использования.

Мнение В. А. Белова о том, что термин «потребитель» имеет широкое вовлечение в сферу правового регулирования как частных, так и публичных правоотношений, а его толкование зависит от вида правоотношений, находит подтверждение в работах других ученых [2]. Например, А. В. Ефимов подчеркивает, что потребителями являются не только физические лица, которые не осуществляют предпринимательскую деятельность, но и индивидуальные предприниматели, юридические лица, публично-правовые образования, независимо от их профессионализма и связи с предпринимательской деятельностью [3].

Нечеткость критерия «исключительно для личных нужд» порождает противоречивую судебную практику в случаях смешанного использования товара. Кроме того, ограничение круга субъектов термином «гражданин» создает потенциальную неопределенность в отношении иностранных граждан и лиц без гражданства. Законодатель также не раскрывает, что следует понимать под «намерением приобрести товар», что осложняет квалификацию правоотношений на стадии предварительных переговоров. Дополнительно проблематичным остается вопрос неопределенности статуса индивидуальных предпринимателей и юридических лиц в контексте потребительских правоотношений. Размытость границ между потребительскими и иными видами правоотношений, особенно при приобретении товаров для организаций за их счет, также снижает эффективность применения нормы.

Далее следует проанализировать понятие «права потребителей». На основе нормативного определения потребителя, А. Б. Монахов характеризует права потребителей как «установленные и регулируемые законами Российской Федерации права при приобретении товаров и услуг» [4]. А. В. В. Гончаров предлагает более широкое определение, согласно которому права потребителей представляют собой «широкую теоретико-прикладную правовую категорию, включающую в себя не только гражданско-правовые возможности неопределённого круга лиц, но и субъективные права конкретного человека, и охраняемую со стороны государства» [5].

Анализируя и сравнивая представленные позиции, можно сказать, что определение Монахова А. Б. имеет акцент на нормативной закреплённости прав, при этом в нем отсутствует указание на их охрану государством и на субъектный характер [4]. Определение Гончарова В. В. включает аспект государственной охраны, что приближает к публично-правовому пониманию, но в нем отсутствует указание на санкции (т. е. возможность государственного принуждения при нарушении) [5].

Наряду с понятием потребителя важное значение имеет категория «защита прав потребителей», которая, несмотря на частое использование в тексте закона, также не получила легального определения. В юридической литературе предлагаются различные подходы к раскрытию данного понятия.

Кураковы понимают под защитой прав потребителей «официально установленные законом и другими нормативными документами правила, нормы, охраняющие потребителя, предотвращающие продажу ему некачественного товара, компенсирующие убытки потребителя от недобросовестной торговли» [6]. По мнению Дж. Блэка, под защитой прав потребителей следует понимать комплекс мер, предпринимаемых государством и общественными институтами. Цель указанных мер — регламентация отношений, складывающихся между потребителем (физическим лицом, приобретающим товары и услуги) и про-

фессиональными участниками рынка (изготовителями, исполнителями, продавцами). При этом сам процесс защиты включает в качестве обязательного элемента нормативное закрепление конкретных прав потребителей [7].

Сравнительный анализ показывает, что подход Кураковых трактует защиту прав потребителей преимущественно как совокупность правил (статичный аспект), что сужает понимание данного явления, поскольку защита предполагает также деятельность по реализации этих правил [6]. Определение Дж. Блэка наоборот раскрывает защиту как комплекс мер (динамический аспект), выделяя основных субъектов (государство, общественные движения). Для российской правовой системы более подходящим представляется динамический подход Дж. Блэка, поскольку он корреспондирует с положениями Конституции Российской Федерации, возлагающим на государство обязанность защищать права и свободы человека. Исходя из изложенного, целесообразно использовать и раскрывать понятие, приведенное Дж. Блэком [7].

С учетом выявленных недостатков и мнений ученых представляется целесообразным предложить усовершенствованное определение понятия «потребитель».

Потребитель — это физическое лицо (гражданин Российской Федерации, иностранный гражданин или лицо без гражданства), а также индивидуальный предприниматель или юридическое лицо, которые приобретают, заказывают, используют или имеют намерение приобрести, заказать или использовать товары (работы, услуги) для удовлетворения личных, семейных, домашних, административных или иных бытовых нужд, не связанных с систематическим извлечением прибыли.

При этом статус потребителя сохраняется, если использование товара (работы, услуги) не носит преимущественно предпринимательский характер, даже если имеет частичное использование в предпринимательской деятельности. Для индивидуальных предпринимателей и юридических лиц статус потребителя применим только в случаях, когда приобретение и использование товаров (работ, услуг) не связано с их основной коммерческой деятельностью и не направлено на систематическое извлечение прибыли.

Обоснование предложенного понятия базируется на ряде существенных положений. Расширение субъектного состава путем включения иностранных граждан и лиц без гражданства соответствует конституционным принципам, закрепленным в Конституции Российской Федерации, и обеспечивает универсальность применения нормы [8]. Уточнение критерия использования через формулировку «не связанных с систематическим извлечением прибыли» позволяет четко разграничить потребительское использование от предпринимательского, сохраняя статус потребителя при частичном использовании. Учет намерений субъекта как элемента определения соответствует подходу, заложенному в действующем законодательстве, где потребитель рассматривается не только как фактический пользователь, но и как лицо, планирующее

приобретение. Гибкость правовой конструкции обеспечивает ее применимость к современным социальноэкономическим реалиям, когда один и тот же товар может использоваться одновременно в личных и профессиональных целях. Наконец, соответствие целям потребительского законодательства сохраняется за счет акцента на доминирующем потребительском характере использования, что позволяет защитить экономически более слабую сторону правоотношений без трансформации потребителя в профессионального участника оборота.

Предложенное определение способно снизить количество споров о квалификации статуса потребителя, обеспечить единообразие судебной практики и повысить эффективность защиты прав потребителей в условиях усложняющихся социальноэкономических отношений. Его реализация, потребует внесения соответствующих изменений в действующее законодательство, в частности в Закон Российской Федерации «О защите прав потребителей» [1].

Отмечая теоретическую значимость рассмотренных подходов, следует уточнить и расширить определение прав потребителей.

Права потребителей — это теоретико-прикладная правовая категория, включающая совокупность установленных, санкционированных (обеспеченных возможностью государственного принуждения), охраняемых государством общеобязательных правил поведения, связанных с приобретением или использованием товаров (работ, услуг) исключительно для личных, семейных, домашних и иных нужд, не связанных с осуществлением предпринимательской деятельности.

Предлагаемое определение обладает следующими преимуществами по сравнению с ранее рассмотренными:

- включение признака санкционированности, позволяющего отграничить правовые нормы от корпоративных;
- акцент на государственной охране, что предполагает не только нормативное установление, но и реальную защиту прав;
- конкретизация круга нужд с отсылкой к нормативному определению потребителя.

Представляется целесообразным закрепить данное определение в Законе Российской Федерации «О защите прав потребителей» в целях унификации правоприменительной практики [1].

Предложенные авторские определения понятий «потребитель», «права потребителей», а также обоснование динамического подхода к пониманию «защиты прав потребителей» вносят вклад в развитие теоретической базы института защиты прав потребителей и могут быть использованы для совершенствования действующего законодательства. Дальнейшие исследования в этой области целесообразно направить на разработку классификации отдельных прав потребителей и создание процессуальных механизмов, обеспечивающих реализацию сформулированных дефиниций в правоприменительной практике.

Литература:

1. Закон РФ от 07.02.1992 № 2300–1 «О защите прав потребителей» // Российская газета, № 8, 16.01.1996
2. Белов В. А. Правовая сущность понятий «потребитель» и «слабая сторона» в гражданских правоотношениях // Lex Russica. 2018. № 6 (139). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovaya-suschnost-ponyatiy-potrebitel-i-slabaya-storona-v-grazhdanskih-pravootnosheniyah> (дата обращения: 08.05.2026).
3. Ефимов А. В. Правовое положение потребителей в условиях дифференциации правового регулирования общественных отношений. Актуальные проблемы российского права. 2021;16(5):70–83. URL: <https://doi.org/10.17803/1994-1471.2021.126.5.070-083> (дата обращения: 08.05.2026).
4. Монахов А. Б. Право потребителей как социально-экономическая и юридическая категория // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2011. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravo-potrebitel-kak-sotsialno-ekonomicheskaya-i-yuridicheskaya-kategoriya> (дата обращения: 08.05.2026).
5. Гончаров В. В. Формы и объекты общественного контроля в Российской Федерации: современные проблемы и пути их разрешения // Вестник Гродненского государственного университета имени Янки Купалы. Серия 4. Правоведение. 2019. Т. 9. № 1. С. 28–36.
6. Экономика и право: словарь-справочник. М.: Вуз и школа. Л. П. Кураков, В. Л. Кураков, А. Л. Кураков. 2004.
7. Консьюмеризм // Дж. Блэк. Экономика. Толковый словарь / под общ. ред. д.э.н. Осадчей И. М. — М.: «ИН-ФРА-М», изд-во «Весь Мир», 2000.
8. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальном интернет-портале правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 08.05.2026).

Высшее положение в преступной иерархии как криминологический и уголовноправовой феномен: нормативная фиксация в части 4 статьи 210 и в статье 210.1 Уголовного кодекса РФ

Спирягин Иван Александрович, студент;
Шералиев Раиль Комилжонович, студент
Казанский (Приволжский) федеральный университет

В статье рассматривается феномен высшего положения в преступной иерархии с позиций криминологии и уголовного права. Анализируется нормативная база, закреплённая в части 4 статьи 210 и статье 210.1 УК РФ, а также проблемы, связанные с применением этих норм на практике. Особое внимание уделяется криминологическим характеристикам лиц, занимающих высшее положение в преступной иерархии, и их роли в организации и функционировании преступных сообществ.

Ключевые слова: преступная иерархия, организованная преступность, лидер преступного сообщества, вор в законе, криминальная субкультура, проблемы уголовного законодательства.

Анализ современных криминологических тенденций подтверждает, что организованная преступность остаётся одной из наиболее серьёзных угроз стабильности общественной безопасности и правопорядку. Особую опасность представляют лидеры преступных сообществ — лица, занимающие высшее положение в криминальной иерархии. В отличие от рядовых участников, их деятельность носит стратегический характер. Они формируют устойчивые криминальные связи, обеспечивают координацию действий преступных групп, создают условия для воспроизводства преступной среды и целенаправленно расширяют сферы противоправного влияния.

В ответ на данную угрозу российское законодательство последних лет демонстрирует курс на ужесточение мер уголовноправовой репрессии в отношении лидеров преступных формирований. Конкретным выражением этой тенденции стали нововведения в Уголовном кодексе РФ, а именно введение статьи 210.1, устанавливающей ответственность за занятие высшего положения в преступной иерархии, а также корректировка части 4 статьи 210 УК РФ.

Преступная иерархия представляет собой сложную и многоуровневую систему социальных отношений, складывающуюся внутри организованных преступных сообществ. В её основе лежит принцип строгой подчи-

нённости низших звеньев высшим, однако эта структура принципиально отличается от формальных организационных моделей, распространённых в легальных институтах. В отличие от бюрократических организаций с их чёткими должностными инструкциями, регламентами и формализованными каналами коммуникации, преступная иерархия формируется стихийно — на базе устойчивых традиций и неписаных правил криминальной субкультуры. Эти нормы передаются из поколения в поколение в рамках преступной среды, закрепляясь через ритуалы, обычаи и систему неформальных санкций.

Устойчивость и жизнеспособность преступной иерархии обеспечивается комплексом взаимосвязанных характеристик. Одной из ключевых черт является её способность к самовоспроизводству. Даже в случае ликвидации отдельных звеньев системы — например, задержания или устранения лидеров среднего уровня — структура достаточно быстро восстанавливается. Это происходит за счёт выдвижения новых фигур, которые занимают освободившиеся позиции, опираясь на уже сложившиеся правила распределения ролей и властных полномочий [4].

При этом, лица, занимающие высшее положение в преступной иерархии, выполняют широкий спектр функций, обеспечивающих стабильность и эффективность деятельности всего сообщества. Прежде всего, они осуществляют организационно-распорядительные задачи, что выражается в координации действий участников, распределении ролей в зависимости от навыков и опыта каждого, постановке конкретных целей и контроле их выполнения. В случаях серьёзных проступков лидеры могут применять карательные меры, вплоть до физического устранения нарушителей, что служит средством поддержания дисциплины и демонстрации авторитета [2].

Криминологические исследования свидетельствуют о том, что лидеры преступных сообществ обладают рядом отличительных личностных и социальных характеристик. Прежде всего, они пользуются безоговорочным авторитетом в преступном мире, который формируется не только за счёт демонстрации силы, но и благодаря признанию их опыта, стратегического мышления и способности находить решения в сложных ситуациях. Их влияние зачастую оно распространяется на более широкие социальные слои, включая представителей государственных институтов и гражданского общества. Это проявляется в установлении коррупционных связей, лоббировании собственных интересов через подконтрольных лиц и встраивании в легальные экономические процессы с целью легализации доходов, полученных преступным путём.

Кроме того, высокопоставленные участники преступной иерархии поддерживают контакты с аналогичными фигурами в других группировках. Такие взаимодействия носят целенаправленный характер. Они позволяют координировать совместные действия, разграничивать

сферы влияния и предотвращать конфликты, которые могут нанести ущерб всем сторонам. Статус лидеров в этой среде часто символизируется внешними атрибутами — специфическими кличками, татуировками, аксессуарами или манерой поведения. Эти знаки служат не просто элементами самоидентификации, но и выполняют коммуникативную функцию, сигнализируя о принадлежности к элите преступного мира, подчёркивая авторитет и закрепляя иерархическое положение в неформальной системе отношений.

Законодатель отреагировал на опасность, исходящую от лидеров преступных сообществ, введением специальных норм в Уголовный кодекс РФ. Статья 210.1 УК РФ («Занятие высшего положения в преступной иерархии») была введена Федеральным законом от 01.04.2019 № 46ФЗ. Она предусматривает наказание в виде лишения свободы на срок от 8 до 15 лет со штрафом до 5 млн рублей или в размере заработной платы или иного дохода осуждённого за период до 5 лет, а также с ограничением свободы на срок от 1 года до 2 лет [1].

Часть 4 статьи 210 УК РФ устанавливает ещё более строгое наказание за деяния, предусмотренные частями 1 или 1.1 этой статьи, если они совершены лицом, занимающим высшее положение в преступной иерархии. В этом случае предусмотрено лишение свободы на срок от 15 до 20 лет со штрафом до 5 млн рублей или в размере заработной платы или иного дохода осуждённого за период до 5 лет, либо с ограничением свободы на срок от 1 года до 2 лет, либо пожизненное лишение свободы [1].

Несмотря на важность введения указанных норм, их применение на практике сталкивается с рядом трудностей. Прежде всего, в Уголовном кодексе отсутствуют чёткие определения понятий «преступная иерархия» и «занятие высшего положения в ней», что создаёт неопределённость в квалификации и открывает простор для различных толкований. Другой проблемой является неясность способа совершения преступления. В отличие от традиционных составов, где деяние выражается в конкретных действиях (кража, убийство и т.п.), занятие высшего положения — это скорее статус, который может подтверждаться косвенными признаками [3]. Доказывание такого статуса требует специальных знаний в области криминальной субкультуры и опыта расследования организованной преступности.

Наконец, остаются нерешёнными вопросы криминологической профилактики, ведь существующие меры, как правило, направлены на пресечение уже совершённых преступлений, а не на предупреждение формирования преступной иерархии. Преодоление данного разрыва требует внедрения комплексных программ, ориентированных на коррекцию ключевых социальных детерминант преступности. Именно поэтому необходимы комплексные программы, воздействующие на социальные, экономические и культурные факторы, способствующие воспроизводству криминальной элиты.

Литература:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации: федер. закон [от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (с посл. изм. и доп.)] // Собр. законодательства Рос. Федерации. — 1996. — № 25. — Ст. 2954.
2. Бурлаков В. Н., Щепельков В. Ф. Лидер преступного сообщества и основание ответственности: постмодерн в уголовном праве. — Всероссийский криминологический журнал. 2019. Т. 13. № 3 С. 467.
3. Гаухман Л. Д. Квалификация преступлений: закон, теория, практика. 4-е изд. — М., 2010. С. 553–554.
4. Скобликов П. А. «Высшее положение в преступной иерархии: уголовный закон, его толкование и применение». — М.: НОРМА, 2021.

ДНК-фенотипирование как один из перспективных методов развития современной криминалистики

Стороженко Анастасия Николаевна, студент

Научный руководитель: Овчаренко Игорь Анатольевич, кандидат юридических наук, доцент
Северо-Кавказский федеральный университет (г. Ставрополь)

В настоящее время главной задачей российской криминалистики является разработка новых и совершенствование уже имеющихся методологических основ расследования и раскрытия преступных посягательств. В расследовании «традиционных» преступлений все чаще стали использоваться инструменты генной инженерии, позволяющие успешно расследовать преступления.

Геномные исследования позволяют правоохранительным органам устанавливать личность преступника посредством сопоставления изъятых на месте совершения преступления биологических следов с образцами, имеющимися в базе данных. Кроме того, инструменты генной инженерии могут применяться для проектирования характеристик преступника.

Следует отметить, что генная инженерия зародилась еще в 1869 году, И. Ф. Мишер, будучи молодым врачом из Швейцарии и производя химические опыты, выделил из ядер лейкоцитов вещество, которое назвал нуклеином. В 1984 году исследователь А. Джеффрис разработал криминалистический метод идентификации личности виновного в совершении преступления лица, в основе которого лежит анализ генетического материала преступника. В России криминалистический метод ДНК-дактилоскопии был легализован в 1988 году и получил наименование генотипоскопии.

Как отмечается в специальной литературе, посвященной ДНК-исследованиям, сегодня активно применяется два метода — метод анализа ДНК и метод ДНК-фенотипирования, выбор которого определяется исходя из целей деятельности работника правоохранительного органа.

Первый метод используется в правоприменительной деятельности для идентификации лица, совершившего противоправное деяние, то есть установление принадлежности к конкретному лицу выявленных биологических следов, происходящее на основе сличения профиля ДНК

собранного биологического материала и сведений, имеющихся в базе данных.

Установление фенотипических признаков является вторым методом и называется ДНК-фенотипирование. Его сущность заключается в использовании генетического материала человека для прогнозирования его внешнего облика. Подчеркнем, что в отношении ДНК-фенотипирования используется термин именно «прогнозируется», а не «устанавливается», так как данный вид исследования определяет вероятность проявления фенотипических признаков.

Вообще, под термином «фенотип» понимается совокупность признаков конкретного индивида, формирование которых обусловлено его генетическим набором. Проведение манипуляций с ДНК-фенотипированием актуально, например, если в результате проведенного анализа ДНК был сделан отрицательный вывод о тождестве. [1]

Использование инструментов ДНК-фенотипирования позволяет спрогнозировать, в первую очередь, возраст субъекта преступления, затем его отдельные фенотипические характеристики — цвет глаз, волос, кожи, а также черты лица. Прогнозирование возраста происходит путем установления уровня химической модификации (метилирования) цитозинов в избранных участках ДНК. Также возможно сочетать анализ уровня метилирования с применением искусственного интеллекта, что приводит к улучшению качества прогнозных данных. Для получения сведений о цвете глаз, кожи и волос исследователи используют модели мультиномиальной логистической регрессии, анализирующие конкретные генетические маркеры, например, 6 SNP, отвечающий за цвет глаз, или 24 SNP, определяющий цвет волос.

В 2012 году, используя метод ДНК-фенотипирования, в Северной Каролине были установлены признаки преступника, совершившего убийство двух лиц. В резуль-

тате анализа биологического материала, фенотипирование спрогнозировало такие признаки внешности, как темные волосы, светлая кожа, европейско-латиноамериканское происхождение. Следственные работники обратили внимание на то, что обозначенные характеристики присущи одному из мужчин, входящих в семью, которая стала жертвой убийцы. Далее был произведен метод анализа ДНК генетического материала, оставленного на месте преступления, и материала, изъятого у подозреваемого, результатом стало установление полного тождества, а значит виновник был установлен. [2]

Российские и белорусские генетики ведут совместный проект, который не имеет аналогов за рубежом, — программа «ДНК идентификация». Данный продукт содержит в себе технологии, оказывающие содействие в прогнозировании цвета волос, глаз, возраста, этнографического происхождения, национальности. Кроме того, ведется работа над следующим проектом, который позволит не просто обозначить внешние признаки, но и спрогнозирует образ жизни индивида. [3]

Действующее российское правовое регулирование процедуры фенотипирования представлено Федеральным законом от 3 декабря 2008 г. № 242-ФЗ «О государственной геномной регистрации в Российской Федерации» (далее — Закон о геномной регистрации). [4] Данный нормативно-правовой акт принят для идентификации личности человека, причем как российских, так и иностранных граждан, лиц без гражданства, которые проживают или временно пребывают на территории нашего государства. Геномная регистрация производится в добровольном и обязательном порядке. Обязательная геномная регистрация предусмотрена только в отношении определенной категории лиц, в том числе, лица, осужденные к отбыванию наказания, неопознанные трупы. Между тем, перечень лиц, подверженных обязательной регистрации, может быть расширен за счет вклю-

чения мигрантов, — об этом ходатайствовал А. И. Бастрыкин. [5]

Ученые убеждены, что Закон о геномной регистрации — это только начало, позже произойдет всеобщая ДНК-регистрация, сведения о каждом индивиде будут сохраняться в базах данных, и это непременно повлечет за собой снижение уровня преступности. [6] С данным тезисом достаточно трудно спорить, но это потребует значительное количество времени, новых законодательных актов, актуальных рекомендаций, а пока ДНК-фенотипирование обеспечивает идентификацию личности виновного с вероятностью 99 %.

В то же время, было бы несправедливо акцентировать внимание только на преимуществах ДНК-фенотипирования, несмотря на его перспективность для российской криминалистики. Одним из проблемных аспектов является значительный риск «загрязнения» необходимого биологического материала, который изымается для проведения исследования, что может привести к ошибочному результату. В качестве дополнительной проблемы следует обозначить высокую стоимость исследований ДНК.

Таким образом, несмотря на наличие проблем практического характера, ДНК-фенотипирование является главным инструментом, благодаря которому возможно спрогнозировать признаки неизвестных лиц путем анализа ДНК материала. Полагаем, что указанный метод исследований зарекомендовал себя положительным образом и имеет все шансы стать незаменимым способом изобличения преступников и установления личности неопознанных трупов. Представляется, что существующие проблемные аспекты могут быть преодолены с помощью государства, в частности, дополнительным финансированием проводимых исследований. Кроме того, требуется разработка нормативно-правовых актов, регулирующих проведение ДНК-фенотипирования для расследования преступлений.

Литература:

1. Васильченко А. В. Перспективы развития ДНК-исследований при раскрытии и расследовании преступлений // Актуальные вопросы расследования преступлений в условиях развития цифровых технологий. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. — 2025. — С. 75.
2. Неопровержимая ДНК // [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3571219>. — (Дата обращения: 19.04.2026).
3. Теткин Д. В. ДНК-фенотипирование как один из перспективных методов развития современной криминалистики // Криминалистика в международном измерении. Материалы всероссийской научно-практической конференции. — 2023. — С. 247.
4. Федеральный закон от 3 декабря 2008 г. № 242-ФЗ «О государственной геномной регистрации в Российской Федерации» // [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.consultant.ru>. — (Дата обращения: 19.04.2026).
5. Бастрыкин предложил ввести обязательную геномную регистрацию мигрантов // [Электронный ресурс]. — URL: https://www.rbc.ru/society/01/11/2021/617f770f9a7947406b37a766?utm_referrer=https%3A%2F%2Fwww.google.com%2F. — (Дата обращения: 19.04.2026).
6. Аминев Ф. Г., Халиуллина А. Ф., Галяутдинов Р. Р., Чемерис А. В. От Днк-идентификации личности к Днк-фенотипированию, как предтечи всеобщей геномной регистрации. Генетические и этические аспекты // Криминалистические проблемы эффективности борьбы с преступностью и иными правонарушениями среди молодежи. Материалы научно-практической конференции. — 2024. — С. 8.

Правовое положение искусственного интеллекта в современной России

Сурчилов Владислав Валерьевич, студент
Ульяновский государственный университет

Понятие «искусственный интеллект» впервые получило официальное закрепление в российской правовой системе на подзаконном уровне в Указе Президента РФ от 10 октября 2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» [1]. В дальнейшем данное определение было воспроизведено в положениях Федерального закона № 123-ФЗ [2]. Одним из наиболее перспективных механизмов апробации и внедрения технологий искусственного интеллекта и обработки данных стали экспериментальные правовые режимы, позволяющие тестировать новые цифровые решения в условиях ограниченного правового пространства.

Использование экспериментального режима позволяет оценить эффективность действующего регулирования и определить необходимость корректировки существующего определения искусственного интеллекта. Введение такого режима именно в Москве представляется логичным, поскольку данный субъект Российской Федерации является крупнейшим центром концентрации IT-компаний и цифровых разработок. Подобный подход дает возможность постепенно совершенствовать правовые механизмы регулирования, устраняя возникающие недостатки на практике.

Одновременное внедрение аналогичных режимов в различных субъектах РФ способно, напротив, привести к формированию неоднородной правоприменительной практики. В условиях отсутствия единых подходов субъекты могут по-разному разрешать возникающие споры, что осложнит выработку универсальной модели регулирования. Именно поэтому важным условием эффективного функционирования подобных режимов выступает координация между регионами и обмен накопленным опытом.

Следует учитывать, что в настоящее время продолжается разработка комплексного регулирования экспериментальных правовых режимов в сфере цифровых инноваций. Так, в первом чтении был принят законопроект № 922869–7, подготовленный Минэкономразвития России и посвященный экспериментальным правовым режимам в области цифровых технологий. В случае окончательного принятия данного закона практика внедрения подобных экспериментов может распространиться и на другие субъекты Российской Федерации.

Согласно действующему законодательному определению, искусственный интеллект представляет собой комплекс технологических решений, способных имитировать когнитивные функции человека и обеспечивать получение результатов, сопоставимых с итогами интеллектуальной деятельности человека. Особое внимание в определении уделяется способности системы к самооб-

учению и поиску решений без заранее установленного алгоритма действий.

Важно отметить, что данное определение охватывает практически все существующие разновидности искусственного интеллекта — как системы, функционирующие на основе заранее заданных параметров, так и автономные технологии, способные выполнять задачи без непосредственного участия человека. Фактически речь идет о потенциальной возможности замещения человеком отдельных интеллектуальных функций посредством цифровых решений.

Вместе с тем закрепленное в законодательстве определение искусственного интеллекта вызывает определенные дискуссии как среди юристов, так и среди специалистов технической сферы. Прежде всего спорным является само понятие «имитация когнитивных функций», поскольку в разные исторические периоды критерии такой имитации воспринимались по-разному. Например, ранее даже способность вычислительной техники производить математические расчеты рассматривалась как проявление интеллектуальной деятельности.

Кроме того, законодатель связывает искусственный интеллект со способностью к самообучению и самостоятельному поиску решений без заранее установленного алгоритма. Однако само понятие «самообучение» в российском праве не раскрыто, что создает неопределенность при толковании данного признака. Отсутствие четкого юридического содержания указанной категории затрудняет единообразное понимание самого термина «искусственный интеллект».

Тем не менее на современном этапе широкая формулировка понятия может рассматриваться скорее как преимущество, поскольку развитие технологий происходит значительно быстрее, чем обновление законодательства. Проведение правовых экспериментов позволяет постепенно уточнять и адаптировать содержание данного понятия с учетом практики применения.

При этом уже сейчас можно выделить несколько ключевых признаков искусственного интеллекта. Во-первых, речь идет не об одной технологии, а о совокупности взаимосвязанных решений. Во-вторых, принципиальной особенностью искусственного интеллекта является способность к самообучению и поиску решений без жестко заданного алгоритма. В-третьих, результаты деятельности подобных систем могут быть сопоставимы с результатами интеллектуальной деятельности человека, а в перспективе — превосходить их по эффективности.

Развитие технологий искусственного интеллекта неизбежно сопровождается возникновением целого комплекса юридических проблем. Наиболее актуальными направлениями правового регулирования в данной сфере

являются вопросы конфиденциальности данных, обеспечения безопасности, распределения юридической ответственности, функционирования технологий big data, защиты интеллектуальной собственности и соблюдения этических принципов.

Основой функционирования искусственного интеллекта выступают данные, причем именно значительные объемы информации позволяют системе обучаться и принимать самостоятельные решения. По этой причине особое значение приобретает соответствие законодательства об искусственном интеллекте нормам о защите персональных данных.

Согласно п. 9 ст. 6 Федерального закона «О персональных данных» № 152-ФЗ, обработка персональных данных в исследовательских целях допускается исключительно при условии их обязательного обезличивания [3]. В свою очередь, положения ст. 7 Закона № 123-ФЗ предусматривают возможность обработки подобных данных для повышения эффективности государственного и муниципального управления.

Одной из наиболее дискуссионных проблем остается вопрос безопасности при использовании искусственного интеллекта. Особенно остро данная проблема проявляется в сфере беспилотного транспорта. На сегодняшний день отсутствует единый подход к вопросу юридической ответственности за вред, причиненный автономными системами жизни и здоровью человека.

В зарубежной практике уже имели место случаи дорожно-транспортных происшествий с участием беспилотных автомобилей, что усилило дискуссию о необходимости специального правового регулирования ответственности при использовании подобных технологий. В Российской Федерации подобных прецедентов пока практически нет, однако постепенное распространение беспилотного транспорта свидетельствует о том, что данный вопрос неизбежно потребует нормативного разрешения.

Дополнительные сложности вызывает вопрос допустимости использования искусственного интеллекта в отдельных сферах. В ряде случаев высказывается мнение о необходимости строгого контроля за деятельностью подобных систем либо даже ограничения их применения в наиболее чувствительных областях. Однако чрезмерный контроль способен противоречить самой природе автономных технологий и существенно замедлять их развитие.

Показательным примером выступает эксплуатация беспилотных автомобилей. Если транспортное средство функционирует без инженера-испытателя, остается от-

крытым вопрос распределения ответственности при возникновении аварии. Одновременно обязательное присутствие человека, полностью контролирующего управление, фактически нивелирует преимущества автономного транспорта и препятствует развитию технологии.

Существующие нормы уголовного законодательства, в частности ст. 264 и ст. 268 УК РФ, предусматривающие ответственность за нарушение правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, не в полной мере применимы к ситуациям с участием беспилотных автомобилей. Причина заключается в том, что уголовное право требует четкого определения субъекта преступления. Лишь в отдельных случаях с определенными оговорками причинение вреда может быть квалифицировано как оказание услуг, не отвечающих требованиям безопасности, в соответствии с ч. 2 ст. 238 УК РФ [4].

В настоящее время преобладающей остается позиция, согласно которой искусственный интеллект не может рассматриваться в качестве самостоятельного субъекта права. Подобная точка зрения объясняется отсутствием у ИИ таких признаков, как сознание, воля, интересы, эмоции и способность к осознанному целеполаганию. Даже если система демонстрирует поведение, напоминающее человеческое, фактически речь идет лишь о моделировании соответствующих действий.

Следует отметить, что идея наделения искусственного интеллекта правосубъектностью, сопоставимой с человеческой, способна привести к серьезным правовым и этическим последствиям. В качестве примера часто приводится случай предоставления гражданства роботу Софии, разработанному компанией Hanson Robotics. В 2017 году данный робот получил гражданство Саудовской Аравии, что вызвало широкую общественную дискуссию и породило многочисленные вопросы относительно соотношения правового статуса робота и действующего законодательства государства.

Таким образом, развитие технологий искусственного интеллекта требует своевременной адаптации российского законодательства к новым общественным отношениям. Необходимость формирования специализированного отраслевого регулирования становится все более очевидной. Вместе с тем при совершенствовании законодательства необходимо учитывать фундаментальный конституционный принцип, закрепленный в ст. 2 Конституции РФ, согласно которому человек, его права и свободы признаются высшей ценностью.

Литература:

1. Указ Президента РФ от 10 октября 2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2019. № 41. Ст. 5700.
2. Федеральный закон от 24 апреля 2020 г. № 123-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации — городе федерального значения Москве и внесении изменений в статьи 6 и 10 Федерального закона «О персональных данных» // Собрание законодательства РФ. 2020. № 17. Ст. 2701

3. Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных» // Собрание законодательства РФ. 2006. № 31 (ч.1). Ст. 3451
4. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

Правовое регулирование реорганизации и ликвидации корпорации в Российской Федерации: проблемы и перспективы развития

Тарантов Дмитрий Николаевич, студент
Московский городской педагогический университет

В статье исследуются актуальные проблемы правового регулирования реорганизации, ликвидации и иных форм прекращения корпораций в российском законодательстве. В процессе исследования выявлены системные дефекты нормативного регулирования, связанные с отсутствием легальных дефиниций ключевых понятий и коллизиями юрисдикций в трансграничных корпоративных отношениях. На основе анализа доктрины, действующего законодательства и судебной практики предложен комплекс мер по унификации законодательства, цифровизации регистрационных процедур и усилению правовых гарантий защиты интересов кредиторов и участников корпораций.

Актуальность темы правового регулирования реорганизации, ликвидации и иных форм прекращения корпораций в современном российском законодательстве обусловлена динамично развивающейся экономической средой, в которой корпорации занимают центральное место среди субъектов предпринимательской деятельности. Корпорации как основные субъекты предпринимательской деятельности подвергаются реорганизации и ликвидации под воздействием экономической конъюнктуры, корпоративных стратегий и регуляторных требований, что обуславливает необходимость надлежащего правового регулирования соответствующих процедур. В условиях глобализации и экономической интеграции российское законодательство сталкивается с новыми вызовами, требующими его адаптации к современным реалиям.

Современное российское законодательство о корпорациях прошло долгий путь развития, начиная с первых законов о хозяйственных обществах и заканчивая более сложными и детализированными нормами, регулирующими различные аспекты корпоративных отношений. Правовое регулирование реорганизации и ликвидации корпораций в России основывается на Гражданском кодексе Российской Федерации [1], а также на специальных законах, регулирующих деятельность отдельных типов корпораций, таких как акционерные общества и общества с ограниченной ответственностью.

Специальные нормы, регулирующие особенности реорганизации хозяйственных обществ, содержатся непосредственно в ГК РФ (ст. 92 — реорганизация и ликвидация общества с ограниченной ответственностью; ст. 104 — реорганизация и ликвидация акционерного общества). Вместе с тем содержание указанных норм носит рамочный характер и объективно нуждается в раз-

витии и конкретизации на уровне специального законодательства. Такая конкретизация была осуществлена Федеральным законом от 26.12.1995 № 208-ФЗ «Об акционерных обществах» [2] и Федеральным законом от 08.02.1998 № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» [3]. Весьма существенные изменения в регламентацию процесса реорганизации акционерных обществ были внесены Федеральным законом от 27.07.2006 № 146-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об акционерных обществах»» [4].

Таким образом, в России сложилась система законодательных источников регулирования реорганизации юридических лиц, отправной точкой которой служит организационно-правовая форма реорганизуемого лица, тогда как детализация регулирования осуществляется преимущественно на уровне специального законодательства. Прагматическая направленность такой системы, при всех её достоинствах, не позволяет нивелировать ряд существенных изъянов, которые будут рассмотрены ниже.

Процедуры реорганизации корпораций в современном российском законодательстве представляют собой многоступенчатый процесс, включающий в себя как внутренние, так и внешние процедуры. Реорганизация может происходить в различных формах, таких как слияние, присоединение, разделение, выделение и преобразование. Каждая из этих форм имеет свои особенности и требует соблюдения определенных правовых норм. Важно отметить, что реорганизация может быть как добровольной, так и принудительной, что также влияет на правоприменительную практику и защиту интересов участников и кредиторов.

Реорганизация корпораций — представляет собой опосредованное правом изменение субъектного состава гражданских правоотношений, осуществляемое путём

слияния, присоединения, разделения, выделения или преобразования и влекущее универсальное правопреемство. Законодательство призвано обеспечивать необходимую гибкость адаптации корпораций к изменяющимся условиям при одновременной защите интересов участников и кредиторов.

Анализ научной литературы свидетельствует о том, что большинство авторов воздерживаются от формулирования чёткого юридического определения реорганизации. Так, М. И. Кулагин [5] характеризует реорганизацию как правовую форму, в которую облекается процесс централизации капитала и производства. Однако данная характеристика описывает экономическую функцию реорганизации, но не раскрывает её юридической сущности. Другие авторы также констатируют, что реорганизацию нельзя квалифицировать ни как простое прекращение, ни как создание юридического лица.

В литературе представлена и точка зрения, согласно которой реорганизация является сделкой, что предполагает распространение на неё всего массива норм ГК РФ о сделках, включая правила о недействительности. Данная позиция, по всей видимости, послужила основанием для удовлетворения рядом судов исков о признании реорганизации недействительной. Вместе с тем представляется, что подобный подход не выдерживает критики.

В соответствии со ст. 153 ГК РФ сделками признаются действия юридических лиц, направленные на установление, изменение или прекращение гражданских прав и обязанностей. По числу волеизъявлений, необходимых для их совершения, ст. 154 ГК РФ разграничивает односторонние, двусторонние и многосторонние сделки. Принципиальная общая черта всех сделок состоит в том, что любая из них представляет собой с точки зрения гражданского права единое, целостное действие — особую юридическую «точку». Даже если такое действие совершается поэтапно или включает поведение нескольких лиц, право рассматривает его как одно одномоментное событие: ни один из составляющих его фактических шагов сам по себе юридической силы не имеет, а дефект любого из них влечёт недействительность сделки в целом.

Применительно к реорганизации данный подход представляется неприемлемым по следующим основаниям. Прежде всего, реорганизацию принципиально невозможно охарактеризовать как единичный одномоментный факт — она представляет собой растянутый во времени процесс. Кроме того, в отличие от сделки реорганизация включает не одно, а ряд юридически значимых действий, часть из которых порождает самостоятельные гражданско-правовые последствия (например, заключение договора о слиянии или присоединении), тогда как другие действия (составление передаточного акта или разделительного баланса) сами по себе таких последствий не влекут. Вместе с тем совершение даже этих — самостоятельно юридически индифферентных действий является безусловно необходимым для достижения центрального

правового эффекта реорганизации, а именно универсального правопреемства.

Данная позиция находит подтверждение в судебной практике. В частности, в одном из судебных решений было указано, что «передача имущества в соответствии с разделительным балансом не является самостоятельной сделкой в контексте ст. 153 ГК, которая сама по себе направлена на установление, изменение или прекращение гражданских прав и обязанностей, а является исполнением воли органа юридического лица, принявшего решение о реорганизации, и практической реализацией этого решения».

По изложенным основаниям полагается обоснованным присоединиться к позиции тех авторов, которые квалифицируют реорганизацию не как единый сложный юридический факт, а как сложный фактический состав. Как справедливо отмечала Р. О. Халфина, «события и действия, входящие в число элементов фактического состава, в зависимости от их характера и связи с другими элементами могут порождать самостоятельные последствия либо не порождать их» [6] — именно такая ситуация имеет место в случае с реорганизацией.

Ликвидация корпораций — означает прекращение юридического лица без перехода прав и обязанностей в порядке правопреемства (п. 1 ст. 61 ГК РФ). В зависимости от основания различают добровольную ликвидацию — по решению участников, и принудительную — по решению суда, в том числе в случае признания корпорации несостоятельной (банкротом). Особого внимания заслуживает механизм защиты прав кредиторов в ходе ликвидационных процедур, поскольку именно на данном этапе наиболее остро проявляется конфликт интересов между участниками корпорации и её контрагентами.

Кроме того, существует ряд иных форм прекращения корпораций, которые также требуют детального анализа и правового регулирования. К таким формам можно отнести, например, преобразование корпорации в другую организационно-правовую форму, а также случаи, когда прекращение деятельности происходит в результате банкротства. Все эти аспекты требуют внимательного изучения и понимания, чтобы разработать эффективные правовые механизмы, способствующие стабильности и предсказуемости в деятельности корпораций.

В ходе проведённого исследования выявлены следующие системные дефекты нормативного регулирования реорганизации и ликвидации корпораций.

1) Отсутствие в действующем законодательстве легальной дефиниции реорганизации порождает доктринальную неопределённость и правоприменительные коллизии, выражающиеся в противоречивости судебных решений по вопросам квалификации реорганизационных процедур.

2) Законодательство не содержит специального регулирования вопросов, возникающих в связи с образованием новых юридических лиц в результате реорганизации в форме слияния, присоединения и разделения, что

создаёт правовую неопределённость относительно момента возникновения правоспособности правопреемника и объёма переходящих прав и обязанностей.

3) Международные аспекты и коллизии юрисдикций

В условиях глобализации многие корпорации ведут деятельность в нескольких странах одновременно. Это создаёт дополнительные сложности при реорганизации или ликвидации, так как приходится учитывать законодательство различных государств. Коллизии юрисдикций возникают тогда, когда одни и те же юридические факты подлежат оценке по разным законам. Например, процедура банкротства может регулироваться разными нормами в зависимости от страны регистрации корпорации или места нахождения основных активов.

Для разрешения таких ситуаций важно учитывать международные соглашения и конвенции, которые устанавливают общие правила взаимодействия между государствами. Одним из примеров является Конвенция ООН о признании и приведении в исполнение иностранных судебных решений, которая помогает обеспечить признание решений судов одной страны на территории другой.

Таким образом, тема правового регулирования реорганизации, ликвидации и иных форм прекращения корпораций в современном российском законодательстве является многогранной и требует комплексного подхода, также в процессе изучения проблем исследуемой темы были сформулированы предложения по совершенствованию правового регулирования реорганизации и ликвидации корпораций.

Унификация законодательства. Необходимо разработать единый закон, регулирующий все аспекты реорганизации и ликвидации корпораций, который бы включал четкое определение ключевых терминов и единые правила проведения процедур. Это позволит устранить существующую нормативную разрозненность и обеспечить системность правового регулирования.

Повышение прозрачности процессов. Следует внедрить обязательную публикацию информации (реестр) о планируемых реорганизациях в открытых источниках, чтобы все заинтересованные лица могли своевременно узнать о предстоящих изменениях, что само собой обеспечивает своевременную осведомлённость всех заинтересованных лиц и усилит защиту прав кредиторов.

Упрощение административных процедур. Процедуры уведомления и согласования должны стать менее громоздкими, возможно путем внедрения электронных сервисов и автоматизации ряда процессов.

Модернизация судебной системы. Судебная практика должна развиваться таким образом, чтобы дела, связанные с реорганизацией и ликвидацией, рассматривались оперативно и эффективно, с учетом современных реалий бизнеса.

Кроме того, важно отметить, что судебная практика в области корпоративного права продолжает развиваться, и решения судов могут существенно влиять на практическое применение норм законодательства. Поэтому актуальность постоянного мониторинга изменений в законодательстве и судебной практике не вызывает сомнений.

Важно, чтобы законодательство продолжало развиваться в направлении повышения прозрачности и предсказуемости корпоративных процессов, что, в свою очередь, будет способствовать стабильности и устойчивости корпоративного сектора в России.

Корпорации должны учитывать не только свои внутренние интересы, но и интересы всех заинтересованных сторон, что требует комплексного подхода к управлению и соблюдению законодательства. Перспективы дальнейшего исследования данной проблематики связаны с углублённым анализом как теоретических основ реорганизационных процедур, так и их практического применения, что позволит выработать более эффективные механизмы правового регулирования и минимизировать риски нарушения прав участников корпоративных отношений.

Литература:

1. «Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая)» от 30.11.1994 N 51-ФЗ (ред. от 31.07.2025, с изм. от 25.03.2026) [принят Государственной Думой] // Официальный интернет-портал правовой информации. — URL: <http://pravo.gov.ru>.
2. Федеральный закон от 26.12.1995 N 208-ФЗ (ред. от 31.07.2025, с изм. от 25.09.2025) «Об акционерных обществах» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2025) — URL: <http://pravo.gov.ru>.
3. Федеральный закон от 08.02.1998 N 14-ФЗ (ред. от 28.12.2025) «Об обществах с ограниченной ответственностью» — URL: <http://pravo.gov.ru>.
4. Федеральный закон от 27.07.2006 № 146-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об акционерных обществах»» // СЗ РФ. — 2006. — (последняя редакция). — URL: <http://pravo.gov.ru>.
5. Кулагин М. И. Государственно-монополистический капитализм и юридическое лицо // Избранные труды. — Юрайт, 2024.
6. Халфина Р. О. Общее учение о правоотношении. — Москва, 1974.
7. Белов В. А. [и др.] Корпоративное право. Актуальные проблемы теории и практики / под ред. В. А. Белова. — 2-е изд., стер. — Москва: Юрайт, 2024. — 552 с.

Уголовно-правовая характеристика служебного подлога

Тарасова Анастасия Андреевна, студент

Научный руководитель: Филиппова Елена Олеговна, кандидат педагогических наук, старший преподаватель
Оренбургский государственный университет имени В. А. Бондаренко

В статье рассматриваются уголовно-правовые признаки служебного подлога, предусмотренные статьей 292 Уголовного кодекса Российской Федерации. Раскрываются элементы состава преступления, анализируются особенности квалификации и разграничения со смежными составами. Особое внимание уделяется научным подходам к определению предмета преступления и субъективной стороны.

Ключевые слова: служебный подлог, должностные преступления, официальный документ, уголовная ответственность, квалификация.

Служебный подлог относится к числу преступлений, направленных против нормального функционирования государственной власти, государственной службы и деятельности органов местного самоуправления. Повышенная общественная опасность данного деяния связана с тем, что оно нарушает установленный порядок оформления официальных документов, содержащих юридически значимую информацию. Искажение таких сведений подрывает доверие к деятельности государственных и муниципальных органов, а также создает условия для совершения других противоправных действий. В современных условиях проблема служебного подлога сохраняет актуальность, поскольку использование официальной документации остается важнейшим элементом механизма публичного управления.

В соответствии со ст. 292 Уголовного кодекса Российской Федерации служебный подлог заключается во внесении должностным лицом, государственным служащим либо служащим органа местного самоуправления в официальный документ заведомо недостоверных сведений или исправлений, изменяющих его фактическое содержание, если такие действия совершаются из корыстной либо иной личной заинтересованности. Анализ данной уголовно-правовой нормы позволяет определить совокупность обязательных признаков, образующих состав рассматриваемого преступления.

Объектом служебного подлога выступают общественные отношения, обеспечивающие законную и стабильную деятельность органов государственной власти, органов местного самоуправления, а также государственных и муниципальных учреждений. Нарушение затрагивает не только организационную сторону их функционирования, но и уровень общественного доверия к официальным документам, исходящим от уполномоченных субъектов. В юридической литературе подчеркивается, что подобные деяния наносят ущерб авторитету государственной службы и негативно влияют на восприятие публичной власти обществом. Так, Л. В. Иногмова-Хегай отмечает, что данные преступления подрывают «авторитет государственной службы как института публичной власти» [3, с. 214]. Дополнительным непосредственным объектом выступает установленный порядок

оформления, ведения и использования официальной документации, поскольку именно он нарушается при совершении подлога.

Предметом данного преступления являются официальные документы. В уголовно-правовой теории под такими документами понимаются акты, исходящие от компетентных органов или должностных лиц, содержащие сведения, имеющие юридическое значение и способные повлечь определенные правовые последствия. А. И. Рарог указывает, что официальный документ определяется не только источником его происхождения, но и значимостью содержащейся в нем информации [4, с. 356]. Исходя из этого, предметом служебного подлога может быть признан не любой документ, а лишь тот, который используется в сфере публичного управления и влияет на возникновение, изменение или прекращение прав и обязанностей. Подобный подход получил подтверждение и в судебной практике, исключающей из числа предметов преступления документы, не имеющие юридической значимости.

Статистические данные свидетельствуют о том, что значительное количество преступлений, предусмотренных ст. 292 УК РФ, выявляется в деятельности органов государственной власти и местного самоуправления, а также в сферах здравоохранения, образования и социальной защиты населения. Во многих случаях служебный подлог используется как способ совершения иных противоправных деяний, в частности мошенничества или злоупотребления должностными полномочиями, что подтверждается материалами судебной практики. Анализ судебной статистики показывает, что уровень преступлений данной категории остается относительно стабильным, что свидетельствует о сохраняющейся актуальности проблемы противодействия служебному подлогу.

Объективная сторона служебного подлога заключается в совершении одного из двух предусмотренных законом альтернативных деяний: включении в официальный документ заведомо недостоверных сведений либо внесении изменений, которые искажают его фактическое содержание. Под внесением ложной информации следует понимать отражение в документе данных, не соответствующих реальным обстоятельствам, тогда как исправления

Таблица 1. Статистика привлечения к уголовной ответственности по ст. 292 УК РФ (служебный подлог) в Российской Федерации

Год	Число осужденных лиц (чел.)	Вид наказания
2021	3214	Штраф, условное осуждение
2022	3087	Штраф, общественные работы
2023	2941	Штраф
2024	2978	Штраф, условное осуждение
2025	3100	Штраф

выражаются в изменении уже существующих сведений. Подобные действия могут проявляться как в оформлении нового документа с недостоверным содержанием, так и в корректировке ранее составленного официального акта. По мнению Н. Г. Иванова, «характер подложных действий не ограничивается формой документа, а определяется фактом искажения юридически значимой информации» [2, с. 148].

Данный состав преступления относится к числу формальных, поскольку преступление считается оконченным непосредственно с момента совершения указанных действий, независимо от того, наступили ли какие-либо последствия. Такое положение имеет важное значение для квалификации деяния, так как отсутствие причиненного вреда само по себе не освобождает лицо от уголовной ответственности. Вместе с тем часть 2 ст. 292 УК РФ устанавливает более строгую ответственность за случаи, повлекшие существенное нарушение прав и законных интересов граждан, организаций, а также интересов общества или государства, охраняемых законом. Поскольку категория «существенности» носит оценочный характер, при рассмотрении конкретного дела необходимо учитывать объем нарушенных прав, характер наступивших последствий и степень причиненного ущерба.

Субъективная сторона служебного подлога выражается в наличии прямого умысла. Виновное лицо осознает противоправный характер своих действий, понимает, что вносит в официальный документ недостоверные сведения либо изменяет его содержание, и желает совершить такие действия. Обязательным элементом состава выступает наличие корыстной или иной личной заинтересованности. Под корыстной заинтересованностью в теории уголовного права обычно понимается стремление получить имущественную выгоду, тогда как иная личная заинтересованность может проявляться в желании продвигаться по службе, скрыть недостатки профессиональной деятельности, оказать содействие другим лицам либо достичь иных нематериальных целей. А. А. Рождествина справедливо указывает, что «отсутствие личной заинтересованности исключает уголовную ответственность по ст. 292 УК РФ, даже при наличии факта внесения ложных сведений» [1, с. 114].

Субъектом рассматриваемого преступления может выступать должностное лицо, государственный слу-

жащий либо служащий органа местного самоуправления. При этом обязательным условием является совершение подлога с использованием служебного положения. Если данная связь отсутствует, деяние квалифицируется по иным нормам уголовного законодательства, в частности по ст. 327 УК РФ, устанавливающей ответственность за подделку документов. Как отмечает А. И. Рарог, «специальный субъект служебного подлога обусловлен особым характером доверия, оказываемого государством соответствующим лицам» [4, с. 358].

На практике значительные трудности вызывает разграничение служебного подлога и смежных составов преступлений. Наиболее тесно данный состав связан со злоупотреблением должностными полномочиями и превышением должностных полномочий. В подобных ситуациях необходимо анализировать содержание умысла виновного, а также характер совершенных действий. Если внесение ложных сведений выступает способом реализации злоупотребления полномочиями, деяние подпадает под квалификацию по совокупности преступлений. Кроме того, существенное значение имеет разграничение служебного подлога и подделки документов. Основным критерием здесь выступают особенности субъекта преступления и наличие связи деяния с исполнением служебных обязанностей.

Служебный подлог представляет собой общественно опасное посягательство на нормальное функционирование органов публичной власти, а также на достоверность официальной документации. Его уголовно-правовая характеристика включает наличие специального субъекта, формального состава преступления, прямого умысла и обязательной личной заинтересованности виновного. Основные сложности правоприменительной практики обусловлены оценочным содержанием отдельных признаков состава и необходимостью правильного разграничения данного преступления со смежными уголовно-правовыми деяниями.

В современных условиях особую значимость приобретает дальнейшее совершенствование законодательства и практики его применения в сфере противодействия служебному подлогу, поскольку достоверность официальных документов и содержащейся в них информации является одним из ключевых условий стабильного функционирования правового государства.

Литература:

1. Рождествина, А. А. Уголовное право Российской Федерации. Особенная часть: учебник / А. А. Рождествина. — М.: Юрайт, 2023. — 512 с.
2. Иванов, Н. Г. Уголовное право России. Особенная часть: учебник / Н. Г. Иванов. — М.: Норма, 2023. — 496 с.
3. Иногамова-Хегай, Л. В. Уголовное право Российской Федерации. Особенная часть: учебник / Л. В. Иногамова-Хегай. — М.: Проспект, 2022. — 608 с.
4. Рарог, А. И. Уголовное право России. Особенная часть: учебник / А. И. Рарог. — М.: Проспект, 2021. — 624 с.
5. Уголовный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ: (ред. 2025 г.) // Собрание законодательства Рос. Федерации. — 1996. — № 25. — Ст. 2954.

Threat of murder or causing serious injury to health

Tikhonova Regina Mikhailovna, student

Novosibirsk Law Institute (branch) of the National Research Tomsk State University

This article examines the specifics of the crime of threatening to kill or cause serious bodily harm. It examines the legal nature of the threat of this offense. The author analyzes the differences between this type of crime and others, as well as the penalties stipulated for it by the Criminal Code of the Russian Federation. The paper examines and presents the social consequences of threatening to kill or cause serious bodily harm for the individual and society as a whole.

Keywords: crime, threat, perpetrator and victim, intent, qualifying features.

Угроза убийства или причинения серьезного вреда здоровью

Тихонова Регина Михайловна, студент

Новосибирский юридический институт (филиал) Национального исследовательского Томского государственного университета

Статья посвящена рассмотрению специфики такого преступления как угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью. В статье рассматривается правовая природа угрозы данного правонарушения. Автор анализирует отличия такого рода преступления от других, а также ответственность, предусмотренная Уголовным Кодексом Российской Федерации за него. В работе исследованы и приведены социальные последствия угрозы убийством или причинением тяжкого вреда здоровью для личности и общества в целом.

Ключевые слова: преступление, угроза, виновный и потерпевший, умысел, квалифицирующие признаки.

The Constitution of the Russian Federation enshrines the right to life, and any violation of this supreme social value is punishable. Individuals receiving threats of death or harm often experience tension, anxiety, and helplessness. At the societal level, such acts create an unhealthy atmosphere, undermine trust, and create a sense of instability. In some cases, they become a harbinger of further violence if the perpetrator fails to receive an appropriate response from law enforcement [1, Article 20].

The criminal prohibition enshrined in Article 119 of the Criminal Code of the Russian Federation (hereinafter referred to as the CCRF) is aimed at preventing not only actual violent acts but also the attacks that precede them, creating a real expectation of inevitable harm in the victim. The legislator proceeds from the premise that the very creation of such a situation requires a criminal assessment, regardless of whether any subsequent violent acts are committed [2, Article 119].

The object of the offense in question is the social relations that ensure the protection of the life and physical integrity

of each individual. The essence of the objective aspect of the crime consists of conveying to the addressee the intent to take his life or cause him grievous bodily harm in such a way that the latter develops a justified belief in the reality of the stated intentions [4, p. 331].

Only a natural person of sound mind who has reached the age of sixteen can be considered guilty (i.e., the subject of a crime under Part 1 of Article 119 of the Criminal Code of the Russian Federation). The subjective aspect is characterized by direct intent: the person is aware that their behavior is perceived by the addressee as a real possibility of violence [3, p. 7].

A message of readiness to use extreme violence can be conveyed verbally, through written messages, telephone conversations, audio and video recordings, images, and even through the display of weapons or other objects associated with an attack. However, it is not the form of expression itself that has criminal significance, but the combination of circumstances under which it is perceived by the recipient as genuinely dangerous.

Penalties for such actions vary depending on the circumstances of their commission. In situations involving a single expression of intent to kill or cause serious bodily harm, the law limits penalties to relatively lenient ones: mandatory or forced labor, restriction of liberty, arrest, or imprisonment for relatively short periods (Part 1 of Article 119 of the Criminal Code of the Russian Federation). However, in the presence of aggravating factors—targeting multiple individuals, political, national, racial, or religious hatred—significantly more stringent measures are provided (Part 2 of Article 119 of the Criminal Code of the Russian Federation). This design is intended to take into account the heightened social danger of acts committed on the basis of hostility or against particularly vulnerable categories of victims [5, p. 73].

The practical classification of these attacks presents a number of difficulties, primarily in distinguishing between Article 119 of the Russian Criminal Code and related crimes.

Unlike preparation for murder, where the individual already takes concrete steps toward taking life (acquiring a weapon, planning an attack, etc.), in this case, there is often no real intent to carry out the stated plan, and the key factor is the impact on the victim's psyche. This act also does not coincide with torture (Article 117 of the Russian Criminal Code), which involves the systematic infliction of physical or mental suffering through prolonged exposure.

Effectively combating such attacks requires a comprehensive approach combining law enforcement, preventative measures, and social and psychological interventions. Timely and professional investigation of incoming complaints, a proper legal assessment of the offense, and the inevitability of bringing those responsible to justice are crucial. Equally important is educating citizens about their rights and responsibilities, developing skills for responding appropriately to such situations, and developing psychological support services for victims.

References

1. The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on December 12, 1993) // SPS ConsultantPlus [Electronic resource]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/.
2. The Criminal Code of the Russian Federation of June 13, 1996, No. 63-FZ // SPS ConsultantPlus [Electronic resource]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/.
3. Bavsun, M. V. Qualification of crimes based on the subjective element: textbook for universities / M. V. Bavsun, S. V. Veklenko. — 2nd ed., corrected. and add. — Moscow: Yurait Publishing House, 2026. — 143 p.
4. Shigabetdinova, V. M. Problems of Qualifying a Threat of Murder of an Indefinite Nature / V. M. Shigabetdinova. — Text: direct // Young Scientist. — 2023. — No. 24 (471). — Pp. 331–333.
5. Shutova, Yu. A. Threat of Murder or Causing Serious Harm to Health: Problems of Law Enforcement and Ways to Overcome Them // Legal Studies. — 2024. — No. 1. — Pp. 73–83.

Современные методы биометрической идентификации человека

Тищенко Александр Константинович, студент

Научный руководитель: Овчаренко Игорь Анатольевич, кандидат юридических наук, доцент
Северо-Кавказский федеральный университет (г. Ставрополь)

На сегодняшний день невозможно представить развитие общества без достижений компьютерных технологий, возможностей сети Интернет, а теперь и без искусственного интеллекта. Технологические инновации достаточно оперативно внедряются в криминалистику и активно используются для расследования преступной деятельности.

Следует сказать, что сканирование биометрических данных в настоящее время не является чем-то неординарным, наоборот биометрия стала нормой в повседневной жизни. В качестве примера можно привести использование биометрических данных в метрополитенах, а именно сканирование сетчатки глаза, с помощью которого можно оплатить проезд. Кроме того, биометрические данные используются в сервисе «Оплата улыбкой», позволяющем оплачивать любые покупки посмотрев в камеру.

Криминалистическая биометрия признается исследователями системой научных положений, методов и технических средств, позволяющих провести автоматизированную идентификацию личности исходя из анатомических и поведенческих признаков. [1] Понятие биометрических данных получило правовое закрепление в федеральном законодательстве, а именно в Федеральном законе «О персональных данных» интересующие нас данные понимаются как определенные сведения, которые буквально отражают физиологические и биологические особенности конкретного индивида. [2]

Используемые в биометрии методы можно разделить на две группы: идентификация на основе статических признаков личности, к каким относятся радужная оболочка глаза, рисунок вен, генетический код, и иденти-

фикация в соответствии с динамическими чертами, например, почерк, голос и т. д.

В правоохранительной деятельности используются такие программные продукты, как Сонда+, АДИС «Папилон» для исследования дактилоскопических следов; «Циркон-4» для анализа радужки глаз; АИС «Ксенон-2» сопоставляет изъятые биологические материалы и образцы, занесенные в геномные регистры. [3]

Благодаря перечисленным элементам программные продукты выстраивают 2D и 3D изображения человека. Однако, формирование таких моделей изображения сопровождается некоторыми трудностями, в том числе, результатом двухмерной модели становится плоское изображение, построение которого происходит при хорошем освещении, отсутствии внешних помех. Трёхмерная модель позволяет получить объёмное изображение благодаря использованию двух камер, но, в тоже время, это не позволяет произвести точную аутентификацию.

Указанные практические проблемы обуславливают потребность в поиске новых, более совершенных инструментов биометрии.

Анализ термограммы является молодым и перспективным направлением аутентификации индивида по его биометрическим данным. Термографический образ представляет собой строго индивидуальное изображение конкретного человека, полученное в результате инфракрасного излучения. В данном случае невозможно повлиять на образ человека, даже изменяя его внешность. Такого рода аутентификация производится с помощью тепловизоров или термографов. Тепловое излучение тела происходит за счет температуры кожи, в формировании которой принимают участие несколько факторов, например, кровотоки, обменные процессы организма, теплопроводность органов и сосудов.

Применение термограммы обладает внушительным перечнем преимуществ, в том числе: высокая информативность, бесконтактный доступ, простота в использовании, безопасность. Термографический образ позволяет получить достоверные сведения об объекте в условиях недостаточной освещённости. К сожалению, такое точное и сверхчувствительное оборудование является дорого-

стоящим, что не позволяет сделать применение анализа термограммы широко распространенным.

Интерес представляет криминалистическое генетическое фенотипирование, которое представляет собой набор технологий, используемых для объективного прогнозирования физических характеристик неизвестного лица по следам ДНК. ДНК в образце крови позволяет определить возраст человека, его цвет глаз, пол и даже форму лица, телосложение. Точность доказательства, полученного в результате исследования ДНК, не подлежит сомнению, более того, генетическое фенотипирование признается более значимым по сравнению с другими методами биометрии, применяемыми криминалистами. Достоверность полученных результатов обеспечивается за счет уникальности и неповторимости самой дезоксирибонуклеиновой кислоты, которая обладает устойчивостью и сохраняет способность к типированию. Определенные трудности сопряжены с утерей части ДНК в процессе проведения исследования или смешение ДНК нескольких индивидов при отборе материала.

Эффективностью отличается метод идентификации в соответствии с геометрией лица, когда происходит анализ характерных точек на лице индивида — анатомо-физиологических особенностей черепа и лица. Реализация метода геометрии не требует сложного оборудования, необходим лишь компьютер с видеокамерой. Достоинство указанного метода связано с бесконтактностью процедуры и возможностью применения технологии искусственного интеллекта. Однако, не стоит забывать, что необходимые точки могут быть смещены в результате хирургических вмешательств.

Таким образом, можно утверждать, что современная криминалистика находится на этапе активной цифровой трансформации, о чем свидетельствуют применяемые методы биометрической идентификации. Указанные методы значительно повышают эффективность идентификации и аутентификации личности, тем самым способствуют раскрытию преступлений. Между тем, принимая во внимание некоторые недостатки, присущие большинству методов биометрии, представляется верным применять несколько инструментов одновременно.

Литература:

1. Звягин И. С., Евреинова А. Ю. Основы криминалистической биометрической идентификации // Вестник Воронежского института МВД России. 2025. № 1. С. 211.
2. Федеральный закон «О персональных данных» от 27.07.2006 г. № 152-ФЗ // [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.consultant.ru>. — (Дата обращения: 12.04.2026).
3. Кудрявцева Ю. Е. Современные методы биометрии, используемые в криминалистике при раскрытии и расследовании преступлений // Преступность в СНГ: проблемы предупреждения и раскрытия преступлений. Материалы Международной научно-практической конференции. 2025. С. 244.

Организация работы органов прокуратуры по надзору за исполнением законов при размещении и эксплуатации комплексов фото- и видеофиксации

Тютенькова Мария Максимовна, студент магистратуры
Саратовская государственная юридическая академия

В статье обосновывается необходимость перехода от преимущественно реактивной модели прокурорского надзора за эксплуатацией комплексов фото- и видеофиксации нарушений правил дорожного движения к риск-ориентированной модели, охватывающей весь цикл функционирования комплекса: принятие решения о размещении, согласование, технический допуск, эксплуатацию, передачу данных, вынесение постановлений и рассмотрение жалоб граждан. Проблема состоит в том, что ошибка при размещении или настройке комплекса порождает не единичное нарушение, а массовое незаконное административное преследование. Предлагается организационная модель прокурорского надзора, основанная на системе цифровых индикаторов риска, межведомственном обмене сведениями и обязательной проверке законности доказательственной информации до ее использования в административном производстве.

Ключевые слова: прокурорский надзор, комплексы фотовидеофиксации, безопасность дорожного движения, административная ответственность, цифровизация, законность, права граждан.

Массовое применение комплексов фото- и видеофиксации нарушений правил дорожного движения изменило содержание прокурорского надзора в сфере безопасности дорожного движения. Если ранее незаконное привлечение к административной ответственности чаще связывалось с действиями конкретного должностного лица, то при автоматизированной фиксации источник нарушения может находиться значительно раньше: в решении о размещении комплекса, схеме организации дорожного движения, технической настройке, отсутствии поверки, некорректной передаче данных или договорной модели эксплуатации.

Масштаб применения камер подтверждает, что речь идет не о вспомогательном техническом средстве, а о центральном механизме административной юрисдикции в области дорожного движения. По данным, опубликованным со ссылкой на обзор Научного центра безопасности дорожного движения МВД России, в 2024 году количество стационарных комплексов достигло 28,1 тыс., передвижных — 2,9 тыс., мобильных — около 900, а с использованием камер было вынесено 236,2 млн штрафов, то есть 93 % всех штрафных постановлений Госавтоинспекции за год [7]. В денежном выражении автоматизированная фиксация также имеет значительный объем: в 2024 году по данным камер было вынесено 236,6 млн постановлений на сумму более 149,2 млрд руб [8].

Такой масштаб создает особую правовую ситуацию: незаконная работа одного комплекса способна затронуть тысячи лиц. Прокурорская практика уже показывает подобные риски. Прокуратура Саратовской области устанавливала случаи, когда лица привлекались к ответственности по материалам камер необоснованно, поскольку транспортные средства находились вне зоны действия запрещающего знака; по протестам прокуратуры незаконные постановления были отменены [9]. Следовательно, организация прокурорского надзора должна быть построена так, чтобы выявлять не только последствия незаконной фиксации, но и первичную причину массового нарушения.

Правовая основа такого надзора изменилась после закрепления специальных требований к стационарным, передвижным и мобильным средствам фиксации. Статья 22.1 Федерального закона от 08.11.2007 № 257-ФЗ «Об автомобильных дорогах и о дорожной деятельности в Российской Федерации» устанавливает, что средства фиксации должны обеспечивать контроль за соблюдением правил дорожного движения, фиксировать нарушения независимо от усмотрения человека, быть утверждены в качестве средств измерений, иметь сертификат и действующее свидетельство о метрологической поверке [1]. С 1 сентября 2024 года действует новый режим размещения камер, предусматривающий требования к их установке, публичности сведений и допустимости полученной информации. В официальном разъяснении указано: данные с камер, не соответствующих установленным требованиям, «не допускаются для использования в целях привлечения к административной ответственности» [2].

Постановление Правительства Российской Федерации от 01.06.2024 № 754 «О размещении стационарных средств фиксации, передвижных средств фиксации или мобильных средств фиксации» закрепило правила размещения камер, требования к их обозначению дорожными знаками и информированию участников движения о местах установки и маршрутах мобильных средств фиксации [3].

В научной литературе последних лет эта проблема раскрывается через несколько направлений. С. Г. Хусьянова и М. Ю. Кагалмык анализируют «состояние законности» в области создания и эксплуатации комплексов фотовидеофиксации и связывают его с практикой прокурорского реагирования [6, с. 22]. Их позиция показывает, что прокурорский надзор в данной сфере не может ограничиваться рассмотрением жалоб на штрафы. Законность должна оцениваться в отношении всей системы: от управленческого решения об установке комплекса до последующего использования материалов фиксации.

Т. Ю. Изгагина рассматривает вопросы «правовой регламентации установки и эксплуатации камер фотовидео-

фиксации» [4, с. 12]. Такая постановка проблемы выводит прокурорскую проверку за пределы административного постановления. Если камера установлена без достаточных оснований, работает без действующей поверки, фиксирует нарушение вне зоны контроля или передает неполные данные, то нарушение закона возникает до стадии привлечения лица к ответственности.

М. В. Рубцова обращает внимание на прокурорский надзор «при заключении договоров на создание и эксплуатацию комплексов» [5, с. 9]. Договорная модель эксплуатации камер требует самостоятельного надзорного внимания, поскольку участие частных операторов, концессионеров или подрядчиков может создавать риск смещения цели фотовидеофиксации: с профилактики аварийности на максимизацию количества постановлений.

Основная организационная проблема состоит в отсутствии на практике устойчивой модели раннего выявления незаконной эксплуатации комплексов. Надзор нередко активизируется после жалоб граждан, сообщений СМИ, судебной отмены постановлений или прокурорской проверки по конкретному факту. Данное положение не соответствует природе автоматической фиксации, поскольку незаконная настройка камеры за короткий период может привести к большому массиву незаконных постановлений. Более эффективной является риск-ориентированная организация надзора, при которой прокурор получает сигналы о возможном нарушении до формирования массовой незаконной практики.

Первым элементом такой модели должен стать единый информационный профиль каждого комплекса. В него следует включать сведения о виде комплекса, координатах, зоне контроля, правовом основании размещения, согласовании с территориальным органом МВД России, владельце автомобильной дороги, операторе, договоре на создание и обслуживание, сертификате, дате последней поверки, видах фиксируемых нарушений, наличии дорожного знака 6.22, публикации сведений на официальных ресурсах, количестве вынесенных постановлений, количестве жалоб и судебных отмен. Без такого профиля прокурорская проверка вынужденно остается фрагментарной.

Вторым элементом должна стать система индикаторов риска. К ним можно отнести резкое увеличение количества постановлений на конкретном участке, значительное расхождение между количеством штрафов и аварийностью, массовые жалобы на один комплекс, неоднократную отмену постановлений судами, истечение срока

поверки, совпадение зоны контроля нескольких комплексов, отсутствие сведений о камере в открытом доступе, изменение схемы организации дорожного движения без перенастройки комплекса, а также зависимость оплаты оператора от количества выявленных нарушений. Наличие таких индикаторов должно служить основанием для проверки без ожидания массового обращения граждан.

Третьим элементом является разграничение направлений прокурорской проверки. Организационно проверка должна включать правовой, технический, административно-процессуальный, договорно-бюджетный и правозащитный уровни. На правовом уровне оценивается законность решения о размещении камеры и соблюдение процедуры согласования. На техническом уровне проверяются сертификат, поверка, зона контроля, качество фотоматериалов и соответствие программных настроек фактической организации движения. На административно-процессуальном уровне анализируются постановления, доказательства, сроки, порядок направления материалов и рассмотрения жалоб. На договорно-бюджетном уровне проверяются условия контракта, порядок оплаты услуг, отсутствие стимулирования к увеличению числа штрафов и эффективность расходования бюджетных средств. На правозащитном уровне оценивается доступность для граждан сведений о нарушении, возможность обжалования и реальность восстановления нарушенных прав.

Отдельного внимания требует работа с обращениями граждан. Жалоба на штраф, вынесенный по данным камеры, часто воспринимается как индивидуальный спор о конкретном постановлении. Однако для прокурора такая жалоба должна одновременно выступать сигналом о возможной системной проблеме. Если несколько обращений связаны с одним комплексом, одним участком дороги или одним видом нарушения, необходимо проверять не только каждое постановление, но и саму техническую и правовую основу фиксации.

Прокурорский надзор в данной сфере должен строиться вокруг полного жизненного цикла комплекса фото- и видеофиксации. Законность постановления по делу об административном правонарушении зависит не только от правильного оформления процессуального документа, но и от законности размещения камеры, достоверности измерений, корректности зоны контроля, прозрачности передачи данных и реальной возможности гражданина проверить предъявленное ему обвинение.

Литература:

1. Федеральный закон от 08 ноября 2007 № 257-ФЗ «Об автомобильных дорогах и о дорожной деятельности в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (ред. от 29.12.2025) // Собрание законодательства РФ. — 2007. — № 46. — Ст. 5553; 2025. — № 52 (Часть I). — Ст. 8361.
2. Федеральный закон от 29 мая 2023 № 197-ФЗ (ред. от 08.08.2024) «О внесении изменений в Федеральный закон «Об автомобильных дорогах и о дорожной деятельности в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» и статью 3 Федерального закона «О Государственной

компании «Российские автомобильные дороги» и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. — 2023. — № 23 (часть I). — Ст. 4017; 2024. — № 33 (Часть I). — Ст. 4928.

3. Постановление Правительства РФ от 01 июня 2024 № 754 (ред. от 12.12.2025) «О размещении стационарных средств фиксации, передвижных средств фиксации или мобильных средств фиксации» (вместе с «Правилами размещения стационарных средств фиксации, передвижных средств фиксации или мобильных средств фиксации», «Требованиями к обязательному обозначению стационарных средств фиксации, передвижных средств фиксации техническими средствами организации дорожного движения, в том числе дорожными знаками», «Требованиями к обязательному информированию участников дорожного движения о местах размещения стационарных средств фиксации или передвижных средств фиксации, маршрутах движения транспортных средств с размещенными на них мобильными средствами фиксации») // Собрание законодательства РФ. — 2024. — № 24. — Ст. 3303; 2025. — № 50. — Ст. 7872.
4. Изгагина Т. Ю. Ответственность за нарушение законов при создании и эксплуатации комплексов фотовидеофиксации нарушений правил дорожного движения // Современная наука. 2021. № 3. С. 11–15.
5. Рубцова М. В. Роль органов прокуратуры в соблюдении законности при заключении договоров на создание и эксплуатацию комплексов фотовидеофиксации нарушений правил дорожного движения // Современная наука. 2022. № 2. С. 7–11.
6. Хусайнова С. Г., Кагалмык М. Ю. Прокурорский надзор в сфере создания и эксплуатации комплексов фотовидеофиксации нарушений правил дорожного движения // Современная наука. 2021. № 3. С. 21–24.
7. Количество дорожных камер в 2024 году выросло на 11 % // Коммерсантъ. URL: https://www.kommersant.ru/doc/7854865?utm_ (дата обращения: 15.05.2026).
8. В России штрафы по камерам за нарушения ПДД составили более 149 млрд рублей // Информационное агентство «ТАСС». URL: <https://tass.ru/ekonomika/23560889> (дата обращения: 15.05.2026).
9. По протестам прокуратуры области отменены незаконные постановления о привлечении к административной ответственности юридических лиц // Официальный сайт Управления Генеральной прокуратуры Российской Федерации по Приволжскому федеральному округу. URL: https://epp.genproc.gov.ru/web/proc_pvfo/mass-media/news/news-regional?item=57119955 (дата обращения: 15.05.2026).

Защита имущественных прав несовершеннолетних средствами прокурорского реагирования в сфере использования материнского капитала

Учайкина Евгения Викторовна, студент магистратуры
Саратовская государственная юридическая академия

В статье исследуется защита имущественных прав несовершеннолетних при использовании средств материнского капитала на улучшение жилищных условий. Особое внимание уделено обязанности родителей оформить приобретенное жилое помещение в общую собственность с детьми, а также проблемам, возникающим при уклонении от выделения долей. Раскрывается значение прокурорского реагирования при восстановлении нарушенных прав несовершеннолетних, оспаривании незаконных действий и пресечении мошеннических схем, связанных с обналичиванием средств материнского капитала. Обосновывается необходимость усиления превентивного контроля, автоматизации межведомственного обмена сведениями между Социальным фондом России, Росреестром, органами опеки и прокуратурой, а также закрепления более четких правовых последствий за неисполнение обязанности по оформлению долей детям.

Ключевые слова: материнский капитал, имущественные права несовершеннолетних, прокурорское реагирование, выделение долей детям, защита прав ребенка, общая долевая собственность, жилищные права несовершеннолетних, Социальный фонд России, прокурорский надзор, мошенничество с материнским капиталом.

Защита имущественных прав несовершеннолетних при использовании средств материнского капитала остается одной из наиболее значимых тем семейного, жилищного права и прокурорского надзора. Это объясняется тем, что материнский капитал из меры социальной поддержки нередко превращается в источник имущественного спора:

после перечисления бюджетных средств семья улучшает жилищные условия, однако ребенок не всегда получает ту долю в праве собственности, ради которой закон и предусматривает особый порядок расходования средств. По данным Социального фонда России, программа материнского капитала действует до конца 2030 года, а значит, во-

прос о реальной, а не формальной защите детей еще долго будет сохранять практическое значение [8].

Действующее законодательство исходит из того, что жилое помещение, приобретенное с использованием средств материнского капитала, должно быть оформлено в общую собственность родителей и детей с определением размера долей по соглашению [1]. Социальный фонд дополнительно разъясняет, что, хотя с 2020 года нотариальное обязательство о выделении долей больше не представляется, сама обязанность никуда не исчезла: оформление долевой собственности должно быть завершено, как правило, в течение шести месяцев после перечисления средств, снятия обременения, полной выплаты кредита либо наступления иных предусмотренных законом обстоятельств [9]. Иначе говоря, ребенок в такой конструкции не является «будущим возможным» собственником, а должен стать реальным участником общей собственности.

В научной литературе по данному вопросу прослеживаются несколько устойчивых подходов. Одни ученые подчеркивают публично-правовую природу материнского капитала и рассматривают выделение долей детям как форму контроля за целевым использованием бюджетных средств [6, с. 115; 4, с. 31]. Другие акцентируют внимание на семейно-правовой обязанности родителей действовать в интересах детей, а потому расценивают невыделение долей как особую форму ненадлежащего осуществления родительских прав [7, с. 19]. Третьи справедливо указывают на пробельность регулирования: закон закрепляет обязанность, но недостаточно ясно определяет момент возникновения прав детей и не создает эффективного механизма последующего контроля за исполнением этой обязанности [3, с. 278; 2, с. 461; 5, с. 126]. На мой взгляд, именно последний подход наиболее точно отражает суть проблемы.

Судебная и прокурорская практика подтверждает, что именно прокуратура сегодня фактически восполняет дефекты контрольного механизма. Так, в апреле 2026 года в Вологодской области прокуратура добилась через суд выделения двум несовершеннолетним долей в квартире, приобретенной на средства материнского капитала; данное решение суда уже исполнено [10]. В феврале 2026 года прокуратура Коньшевского района Курской области выявила две семьи, не исполнившие обязанность по оформлению долей детям, и обратилась в суд в интересах несовершеннолетних [11]. В июле 2025 года в Москве после вмешательства Замоскворецкой межрайонной прокуратуры ответчик нотариально оформил договор о выделении детям долей, вследствие чего производство по делу было прекращено в связи с добровольным исполнением требований прокурора [12].

Не менее важна и иная линия прокурорского реагирования — пресечение мошеннических схем, при которых материнский капитал используется не для улучшения жилищных условий семьи, а для фактического обналичивания средств. В марте текущего года прокуратура

Омской области направила в суд уголовное дело о хищении более 9 млн рублей из средств материнского капитала [13]. Также в этом году в Калужской области была осуждена женщина, которая оформила заем под видом строительства жилого дома, получила перечисление 420 тыс. руб. за счет сертификата и распорядилась деньгами по своему усмотрению, не ведя никакого строительства [14]. В Вельске Архангельской области вынесен приговор группе лиц по делу о мошенничестве и покушении на мошенничество со средствами материнского капитала [15]. Другими словами, прокуратура защищает не только частный имущественный интерес конкретного ребенка, но и публичный интерес государства в целевом расходовании бюджетных средств.

Ключевая проблема состоит в том, что защита прав несовершеннолетних в этой сфере по-прежнему носит преимущественно последующий характер. Сначала средства перечисляются, затем родители в течение длительного времени не оформляют доли, иногда продают жилье либо используют фиктивные схемы, и лишь после этого в ситуацию включаются надзорные и правоохранительные органы. Даже разъяснения прокуратуры прямо указывают, что при невыделении долей прокурор вправе оспорить сделку, потребовать возврата материнского капитала в бюджет или направить материалы для решения вопроса об уголовном преследовании. Но такая модель означает, что государство чаще устраняет уже наступившее нарушение, чем предупреждает его. Дополнительную сложность создает и позиция судебной практики: Верховный Суд исходит из того, что доли родителей и детей должны определяться не произвольно и не символически, а с учетом равенства прав на средства материнского капитала, то есть проблема касается не только самого факта выделения доли, но и ее справедливого размера.

В этой связи представляется необходимым совершенствование как законодательства, так и прокурорской практики. Во-первых, целесообразно прямо закрепить за Социальным фондом обязанность постконтроля за исполнением обязанности по выделению долей детям после истечения шестимесячного срока. Во-вторых, требуется автоматизированный межведомственный обмен сведениями между Социальным фондом, Росреестром, органами опеки и прокуратурой, чтобы отсутствие регистрации долей выявлялось без обращения граждан. В-третьих, заслуживает обсуждения введение специальной юридической ответственности за уклонение от оформления долей детям, поскольку сегодня эта обязанность существует, а самостоятельная санкция за ее неисполнение выражена недостаточно четко. Кроме того, при последующем отчуждении такого жилья необходимо усилить превентивный контроль за соблюдением эквивалентности предоставляемых детям долей. Именно сочетание цифрового контроля и прокурорского надзора способно сделать защиту прав ребенка не эпизодической, а системной.

Таким образом, защита имущественных прав несовершеннолетних в сфере использования материнского капитала представляет собой не частный технический вопрос оформления недвижимости, а самостоятельную проблему обеспечения конституционной охраны семьи, детства и законных интересов ребенка. Современная практика показывает, что прокуратура эффективно восстанавливает нарушенные права детей посредством исков, участия в гражданском и уголовном судопроизводстве и пресе-

чения мошеннических схем. Вместе с тем основной дефект сохраняется: государственный контроль в значительной степени срабатывает уже после нарушения. Поэтому дальнейшее развитие правового регулирования должно быть направлено на предупреждение нарушений, автоматизацию межведомственного контроля и усиление гарантий своевременного возникновения у ребенка реального права собственности на жилье, приобретенное с использованием средств материнского капитала.

Литература:

1. Федеральный закон от 29 декабря 2006 № 256-ФЗ (ред. от 31.07.2025) «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2026) // Собрание законодательства РФ. — 2007. — № 1 (1 ч.). — Ст. 1; 2025. — № 28. — Ст. 3835.
2. Аблятипова Н. А., Куница Е. В. Проблемы правового регулирования вопросов перераспределения долей в праве общей собственности // Бюллетень науки и практики. 2021. Т. 7. № 9. С. 460–464.
3. Мироненко М. И., Самарин Н. Н. Обязанность выделения долей в праве собственности на жилые помещения, приобретённые с помощью материнского капитала // Молодой ученый. 2021. № 50 (392). С. 278–280.
4. Муллина Л. А. О признаках субсидий // Финансовое право. 2024. № 4. С. 30–32.
5. Поготовко А. Н. К вопросу о моменте возникновения права общей долевой собственности родителей и детей на жилое помещение, приобретенное с использованием средств материнского капитала // Вестник науки. 2019. № 11. С. 125–129.
6. Рязанова Е. А. Материнский (семейный) капитал в контексте конституционных прав // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Право. 2025. № 2 (82). С. 115–116;
7. Фролова С. М. Имущественные права ребенка: проблемные аспекты // Семейное и жилищное право. 2025. № 6. С. 18–21.
8. Материнский (семейный) капитал // Официальный сайт Социального фонда России. URL: https://sfr.gov.ru/grazhdanam/semyam_s_detmi/materinskij_kapital/ (дата обращения: 14.05.2026).
9. О выделении долей детям в жилье, приобретенном на материнский капитал // Официальный сайт Социального фонда России. URL: <https://sfr.gov.ru/branches/buryatia/news/~2023/03/16/247382> (дата обращения: 14.05.2026).
10. В Вологодской области прокуратура защитила жилищные права двух несовершеннолетних // Официальный сайт Генеральной прокуратуры Российской Федерации. URL: <https://epp.genproc.gov.ru/ru/gprf/mass-media/news/regional/e8452794/> (дата обращения: 14.05.2026).
11. Прокуратура в судебном порядке добивается защиты жилищных прав детей при использовании средств материнского капитала // Официальный сайт Прокуратуры Курской области. URL: https://epp.genproc.gov.ru/ru/proc_46/mass-media/news/regional/e8372010/ (дата обращения: 14.05.2026).
12. После вмешательства прокуратуры несовершеннолетним выделены доли в праве собственности на квартиру, приобретенную с использованием средств материнского капитала // Официальный сайт Прокуратуры города Москвы. URL: https://epp.genproc.gov.ru/ru/proc_77/mass-media/news/archive/e6316817/ (дата обращения: 14.05.2026).
13. Прокуратура Омской области направила в суд уголовное дело о хищении более 9 млн рублей из средств материнского капитала // Официальный сайт Генеральной прокуратуры Российской Федерации. URL: <https://epp.genproc.gov.ru/ru/gprf/mass-media/news/regional/e8442495/> (дата обращения: 14.05.2026).
14. Жительница Ульяновского муниципального округа осуждена за мошенничество при получении социальных выплат // Официальный сайт Прокуратуры Калужской области. URL: https://epp.genproc.gov.ru/ru/proc_40/mass-media/news/regional/e8386854/ (дата обращения: 14.05.2026).
15. В Вельске вынесен приговор по уголовному делу о мошенничестве со средствами материнского капитала // Официальный сайт Прокуратуры Архангельской области и Ненецкого автономного округа. URL: https://epp.genproc.gov.ru/ru/proc_29/mass-media/news/regional/e8451645/ (дата обращения: 14.05.2026).

Теоретические аспекты принципа наилучшего обеспечения интересов ребенка в спорах о воспитании

Филоненко Анастасия Владимировна, студент магистратуры

Научный руководитель: Завьялов Владимир Александрович, кандидат юридических наук, доцент
Кубанский государственный университет (г. Краснодар)

В статье анализируются теоретические аспекты принципа наилучших интересов ребенка в спорах о воспитании, включая лингвистическое и терминологическое толкование понятия, его нормативное закрепление в российском законодательстве и международных актах, а также проблемы применения в судебной практике РФ. Особое внимание уделено дискуссиям о целесообразности законодательного определения данного принципа.

Ключевые слова: наилучшие интересы ребенка, Семейный кодекс РФ, Конвенция ООН, судебная практика ВС РФ, споры о воспитании, мнение ребенка, оценочный подход.

Принцип наилучшего обеспечения интересов ребенка выступает основополагающим ориентиром при решении семейных споров, связанных с воспитанием детей. Данный правовой стандарт гарантирует приоритет физического, психического и морального развития несовершеннолетнего.

Конвенция о правах ребенка, принятая Организацией Объединенных Наций в 1989 году, считается первым правовым текстом, закрепившим принцип наилучшего обеспечения интересов ребенка [1]. В пункте 1 статьи 3 данного нормативно-правового акта закреплено, что во всех действиях в отношении детей независимо от того, какими учреждениями или органами они предпринимаются, первоочередное внимание уделяется наилучшему обеспечению интересов ребенка.

Однако, следует обратить внимание, что в дальнейшем Комитетом по правам ребенка ООН были опубликованы Замечания общего порядка № 14 к Конвенции о правах ребенка [2]. В данном акте, рассматривая обеспечение наилучшего интереса ребенка как концепцию, указывается на то, что вторым ее элементом является обеспечение наилучших интересов ребенка как основополагающий толковательный правовой принцип (п.6 b). Соответственно, если возможны разные толкования того или иного юридического положения, следует опираться на то толкование, которое наиболее эффективным образом отвечает наилучшим интересам ребенка.

Комитет по правам ребенка в Замечаниях общего порядка рекомендовал разработать неисчерпывающий перечень критериев, которые следует учитывать при оценке наилучших интересов ребенка любым лицом, ответственным за принятие решений в этой сфере

(п. 15–21). Перечень носит открытый характер, что соответственно позволяет включать новые элементы, которые соответствуют особенностям конкретной ситуации, либо исключать предложенные критерии в случае несоответствия наилучшим интересам ребенка в определенных обстоятельствах.

Так, к данному перечню были отнесены: взгляды ребенка; индивидуальность ребенка; сохранение семейного окружения и поддержание отношений; попечение, защита

и безопасность ребенка; уязвимое положение; право на здоровье; право ребенка на образование [3, с. 79–84].

Кроме того, следует отметить, что принцип обеспечения наилучшего интереса ребенка в международных актах упоминается только в отношении детей, а значит применим только к детям и ни к какой другой категории.

В отличие от международного права в Российской Федерации принцип наилучшего обеспечения интересов ребенка не имеет прямого законодательного закрепления. Однако, он находит свое отражение в некоторых нормативно-правовых актах.

Так, Конституция РФ в статье 38 указывает на защиту семьи, материнства и детства государством, а также прописывает право и обязанность родителей заботиться о детях и осуществлять их воспитание [4].

Семейный кодекс РФ провозглашает приоритетную защиту прав и интересов несовершеннолетних (п. 3 ст. 1), а статья 65 обязывает родителей ставить интересы детей на первое место [5].

Таким образом, хотя принцип наилучшего обеспечения интересов ребенка не нашел прямого закрепления в российском законодательстве, он отражается через понятие «интересы детей» в Семейном кодексе РФ, на основе чего суды применяют его как толковательный принцип.

Что же вообще подразумевает под собой фраза обеспечение наилучших интересов ребенка?

По словарю Ожегова С. И., термин «интерес» трактуется как польза, выгода; нужды или потребности, а также как то, что привлекает внимание [6, с. 322], то есть подразумевается действие или состояние, приносящее благо и противоположное ущербу, подобно тому как стремление к интересу антонимично стремлению к вреду.

С точки зрения терминологии российского семейного права, интересы ребенка понимаются как обеспечение его блага и минимизация вреда со стороны юридически ответственных лиц (родителей, органов опеки, суда). При этом должны сохраняться цели законодателя, направленные на защиту жизни, здоровья, психики, нравственного развития, образования и жилищных прав несовершеннолетних (ст. 65 Семейного кодекса РФ).

Слово «наилучший», по Ожегову, — это самый лучший [6, с. 483], т. е. превосходная степень прилагательного «лучший», обозначающая высшую степень качества или предпочтительности.

Российские юристы и ученые предлагают следующие подходы к определению наилучших интересов ребенка. Так, А.Ю. Сологуб, поддерживая точку зрения Н. М. Савельевой предлагает закрепить в законодательстве РФ определение понятия «интересы ребенка» как условия благополучия, отмечая при этом, что в структуру правового статуса ребенка могут быть включены только законные интересы [7, с. 140–144].

О. Г. Миролубова предлагает определить «интересы ребенка» как охраняемые законом потребности ребенка в материальных или духовных благах, обеспечивающих его гармоничное личностное развитие, либо (в зависимости от степени осознания) стремление к достижению этих благ, служащее регулятором деятельности ребенка, его родителей, законных представителей, иных субъектов, уполномоченных государственными органами, а также критерием осуществления и защиты прав [8, с. 56–58].

Исходя из изложенного, можно предположить, что принцип наилучшего обеспечения интересов ребенка представляет собой правовой стандарт, обязывающий государственные и негосударственные органы оценивать физическое, психологическое и социальное благополучие ребенка, обеспечивая защиту не только в краткосрочной перспективе, но и в долгосрочной. При конфликте интересов он выступает универсальным мерилем.

Несмотря на дискуссионность многих аспектов в сфере определения интересов ребенка — таких как необходимость выявления соотношения возраста ребенка и его зрелости при учете его мнения — признание неотъемлемой частью процесса оценки интересов ребенка выяснение его мнения подтверждает статус ребенка как субъекта права.

В российской практике суды обязаны опрашивать ребенка старше 10 лет или способного сформировать мнение, с участием педагога или психолога, что усиливает его субъективность и делает решение более обоснованным.

Однако определение интересов ребенка как охраняемых законом потребностей ребенка в благах, обеспечивающих его гармоничное личностное развитие или стремление к их достижению, вызывает вопрос о потребностях не охраняемых напрямую российским правом [9, с. 97–103].

Так, критерий охраны законом, активно применяемый государственными органами и судами, часто сужает фокус, препятствуя выявлению истинных интересов, а не дополняет их оценку.

Такая коллизия возникает, например, при ограничении интересов ребенка благами, которые необходимы для гармоничного развития. Традиционная презумпция российского правосудия отдает приоритет базовым нуждам: ребенок должен быть «сыт и здоров», а не обязательно счастлив. Это отражено в практике, где место жительства определяют с родителем, обеспечивающим стабильный заработок и отдельную комнату, игнорируя иногда эмоциональные привязанности.

Определение содержания понятия «интересы ребенка» осложняется еще и тем, что это межотраслевое понятие: оно актуально в семейном, процессуальном, социальном праве. К его толкованию и применению прибегают психологи, медики, юристы и другие специалисты различных сфер жизни, что приводит к разночтениям. Таким образом, разноотраслевой подход порождает различные вариации смысла данного понятия.

Тогда мысль о необходимости унификации рассматриваемого принципа приводит к появлению идеи о необходимости предусмотреть в семейном законодательстве определение понятия «интересы ребенка», закрепив перечень факторов, который должен приниматься во внимание при их оценке.

Так, в 2024 г. Была предпринята попытка законодательно уточнить данный термин: в Проекте федерального закона № 534677–8 (2024) предлагалось закрепить в Семейном кодексе категории «наивысших» и «важнейших» интересов ребенка. Однако инициатива не получила поддержки со стороны экспертных советов и Государственной Думы РФ (Заключение... 2024) [10, с. 251–256].

Ведь императивное закрепление такого перечня представляется ошибочным. Не случайно в тексте Конвенции ООН о правах ребенка отсутствует фиксированный перечень факторов, подлежащих учету при установлении и оценке интересов ребенка. Это целенаправленно отражает необходимость индивидуального подхода к каждому ребенку, учитывая уникальные обстоятельства его жизни, а также стремление законодателя избежать искусственного сужения или ограничения толкования этого ключевого понятия.

Что касается судебной практики в РФ — данный принцип применяется как обязанность суда защищать права детей. Так, постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.05.1998 № 10 «О применении судами законодательства при разрешении споров, связанных с воспитанием детей» разъясняет: суды обязаны привлекать органы опеки для акта обследования, оценивая интересы ребенка в совокупности доказательств [11]. В спорах о воспитании суды учитывают привязанности, условия жизни, мнение ребенка, достигшего возраста 10 лет и т. д.

Таким образом, было бы уместно вместо четкой дефиниции, закрепляющей в законодательстве определение принципа наилучшего обеспечения интересов ребенка, создать обновленное постановление Пленума Верховного суда РФ с примерами факторов, которые достаточно часто встречаются в современной практике судов, (например, взгляды ребенка; индивидуальность ребенка; безопасность ребенка; уязвимое положение; право на здоровье; право ребенка на образование и т. д.) и методическими рекомендациями — как уже частично сделано в постановлении Пленума ВС РФ, указанном ранее. Это сохранит гибкость, минимизируя формальную определенность.

Принцип наилучшего обеспечения интересов ребенка устанавливает универсальный стандарт для подбора правовых норм и практики, гарантирующих максимальную защиту детей — на международном и национальном уровнях, с учетом конкретных обстоятельств каждого дела.

Литература:

1. Конвенция о правах ребенка (принята резолюцией 44/25 Генеральной Ассамблеи от 20.11.1989 года) (вступила в силу для СССР 15.09.1990) // СПС «КонсультантПлюс». — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_9959/
2. Замечание общего порядка № 14: о праве ребенка на уделение первоочередного внимания наилучшему обеспечению его интересов (п. 1 ст. 3 Конвенции о правах ребенка), 29 мая 2013 г. // Электронный ресурс. — URL: <https://docstore.ohchr.org/SelfServices/FilesHandler.ashx?enc=dBz5h0ogLJIOD6%2FrN2%2FZgw7P59kSHhWkq06TXMVdk3B6o5aeX3i2YBd5nRzcoQM5TvHx3dtC%2B3QM9%2BYetH9eXA%3D%3D>
3. Дорина В. В. Наилучший интерес ребенка как толковательный правовой принцип // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия D. Экономические и юридические науки. 2024. № 4 (69).
4. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // СПС «КонсультантПлюс». — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/
5. Семейный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 29 декабря 1995 № 223-ФЗ (ред. от 23.03.2026) // СПС «КонсультантПлюс». — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8982/
6. Ожегов С. И. Словарь русского языка / С. И. Ожегов; под. общ. ред. Л. И. Скворцова. — 24-е изд., испр. М., 2007.
7. Сологуб А. Ю. Категория «Законный интерес» как элемент правового статуса ребенка // Вопросы современной юриспруденции. 2013. № 29.
8. Миролюбова О. Г. О семейно-правовом понятии «интересы ребенка» // Вестник ЯрГУ. Серия Гуманитарные науки. 2012. № 4/1 (22/1).
9. Кравчук Н. В. Наилучшие интересы ребенка: содержание понятия и его место в семейном законодательстве России // Актуальные проблемы российского права. 2017. № 5 (78).
10. Минина М. А., Разикова Н. И. Наилучшие интересы ребенка: дилеммы и решения // Журнал исследований социальной политики. 2025. № 2.
11. О применении судами законодательства при разрешении споров, связанных с воспитанием детей: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 мая 1998 № 10 (ред. от 26.12.2017) / СПС «КонсультантПлюс». — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_18980/

Административно-правовой статус государственных гражданских служащих и проблемы его реализации

Хуторной Максим Юрьевич, студент магистратуры
Тольяттинский государственный университет (Самарская область)

Статья посвящена исследованию административно-правового статуса государственных гражданских служащих в Российской Федерации и анализу проблем его реализации.

Рассмотрены элементы, которые образуют статус служащего: права, обязанности, запреты и гарантии, закрепленные Конституцией РФ и федеральным законодательством. Именно через их совокупность просматривается нормативная основа государственной гражданской службы, однако ее целостность оказывается неполной.

При рассмотрении действующих предписаний обнаруживается одна из центральных проблем: единый кодифицированный акт в данной сфере отсутствует. Нормативный массив распадается на отдельные блоки, регулирование приобретает фрагментарный характер, и на этом фоне заметнее выступают пробелы в правовых нормах.

Вслед за анализом законодательства в статье соотносятся и научные подходы к пониманию категорий «правовой статус» и «правовое положение» служащего, поскольку в доктрине эти понятия интерпретируются не тождественно, а различия в их трактовке затрагивают и описание самого служебного положения.

Наряду с этим внимание сосредоточено на социальной защищенности государственных гражданских служащих, на системе материального поощрения и на механизмах противодействия коррупции. Здесь проблемное поле становится особенно ощутимым: уровень материального обеспечения, недостаточная жилищная поддержка и возникающие в этой связи коррупционные риски снижают привлекательность государственной гражданской службы в России. На этом фоне отдельно рассматриваются действующие ипотечные программы для госслужащих, их пределы, а также административные барьеры, с которыми связано их практическое применение.

Ключевые слова: административно-правовой статус, государственная гражданская служба, государственный гражданский служащий, государственное управление, правовое регулирование, материальное обеспечение.

The administrative and legal status of government civil servants and the problems of its implementation

The article is devoted to the study of the administrative and legal status of government civil servants in the Russian Federation and the analysis of the problems of its implementation. The elements that form the status of an employee are considered: rights, duties, prohibitions and guarantees stipulated by the Constitution of the Russian Federation and federal legislation.

It is through their totality that the regulatory framework of the state civil service is viewed, but its integrity turns out to be incomplete. When reviewing the current regulations, one of the central problems is revealed: there is no single codified act in this area. The regulatory body breaks up into separate blocks, regulation becomes fragmented, and against this background, gaps in legal norms become more noticeable.

Following the analysis of legislation, the article also correlates scientific approaches to understanding the categories of «legal status» and «legal status» of an employee, since these concepts are not interpreted identically in the doctrine, and differences in their interpretation affect the description of the official position itself. At the same time, attention is focused on the social protection of state civil servants, on the system of financial incentives and on anti-corruption mechanisms.

Here, the problem field becomes particularly noticeable: the level of material security, insufficient housing support and the resulting corruption risks reduce the attractiveness of the civil service in Russia. Against this background, the current mortgage programs for civil servants, their limits, as well as the administrative barriers associated with their practical application are considered separately.

Keywords: administrative and legal status, state civil service, state civil servant, public administration, legal regulation, financial support.

Эффективность государственного аппарата во многом определяется тем, насколько ясно закреплено правовое положение государственных гражданских служащих в Российской Федерации, поскольку их служебная деятельность связана с реализацией публичных интересов. Между тем федеральное законодательство не содержит точной дефиниции термина «правовой статус» применительно к данной категории лиц, что обусловило появление различных авторских подходов к его толкованию.

Под правовым статусом служащего обычно понимается установленная правовыми нормами совокупность его прав, обязанностей и ограничений, обусловленных замещаемой должностью и исполнением служебных функций.

Е. В. Охотский рассматривает его как статус государственного человека, выступающего от имени и по поручению государства, охраняющего значимые общественные ценности; в таком понимании он включает права, свободы, обязанности, запреты, ограничения и ответственность, закрепленные законом и обеспеченные государством [9]. Разделяется и позиция Р. З. Шамсутдиновой, А. А. Вахитовой о том, что безопасность уже не сводится исключительно к военно-политическому измерению, поскольку возникли новые угрозы как глобального, так и регионального характера [13].

Конституция Российской Федерации задает исходные начала, на которых строится правовое положение государственных гражданских служащих. Закрепленные в ней принципы правового государства, верховенства закона и равенства всех перед ним (ч. 2 ст. 15 Конституции РФ [1]) определяют специфику их профессиональной деятельности как представителей публичной власти.

В отличие от частного субъекта, такой служащий реализует государственные полномочия в интересах обще-

ства и поддержания правопорядка, поэтому его юридическое положение имеет особый характер.

Существенное значение имеет и статья 32 Конституции РФ, устанавливающая равный доступ граждан к государственной службе; именно она создает правовую основу ее открытости для граждан Российской Федерации, отвечающих установленным требованиям и обладающих необходимой профессиональной подготовкой [6].

Нормативное регулирование этой сферы носит многоуровневый характер: ключевую роль играют федеральные законы, закрепляющие базовые организационные, юридические и процедурные начала, подзаконные акты, конкретизирующие вопросы управления, дисциплинарной практики и исполнения служебных функций, а также акты субъектов Федерации, действующие на региональном уровне. При этом единого кодифицированного акта, полностью охватывающего статус государственных гражданских служащих, в российской правовой системе нет, хотя основные положения сосредоточены в ФЗ № 58-ФЗ [2], который закрепляет принципы организации системы государственной службы и задает общую рамку для ее видов на федеральном и региональном уровнях [8].

Статус государственного гражданского служащего раскрывается прежде всего в главе 3 Федерального закона от 27.07.2004 № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе в Российской Федерации» [3], где зафиксированы его права, обязанности, ограничения, запреты и иные требования, возникающие в ходе служебной деятельности.

По статье 5 ФЗ № 79-ФЗ отношения в сфере гражданской службы регулируются Конституцией Российской Федерации, федеральными законами и иными общегосударственными нормативными актами, тогда как субъекты Федерации вправе издавать собственные акты в пределах предоставленных полномочий. Юридическое положение

гражданского служащего складывается из установленной законом системы прав и обязанностей, требований к профессиональному поведению, ограничений и мер ответственности; тем самым определяется не только объем его полномочий по должности, но и институциональная упорядоченность имущественных и неимущественных отношений в публичной сфере.

Статья 14 ФЗ № 79-ФЗ закрепляет основные гарантии, включая денежное содержание и социальное обеспечение, надлежащие условия и материальные средства для исполнения обязанностей, обучение и повышение квалификации за счет бюджета, а также доступ к служебной информации, необходимой для решения должностных задач. Эти нормы обеспечивают правовую защищенность служащего и отражают государственный подход к формированию профессионального и социально обеспеченного кадрового корпуса.

В статье 15 того же закона установлены базовые обязанности: соблюдение Конституции Российской Федерации, исполнение предписаний федерального законодательства и добросовестное осуществление должностных функций в интересах государства и общества.

Одновременно статья 18 вводит требования к служебной этике, включая соблюдение антикоррупционных стандартов, предупреждение конфликта интересов и следование профессиональным нормам поведения.

Предусмотренные статьями 16–17 запреты ориентированы на недопущение злоупотребления должностным положением и сохранение служебной нейтральности, что выражается, в частности, в ограничении совмещения службы с иной оплачиваемой работой, участием в коммерческих структурах и политической деятельности, если это мешает исполнению служебных обязанностей [5].

До настоящего времени в законодательстве не выработан единый подход к обозначению характеристики государственного гражданского служащего: используется как термин «правовой статус», так и «правовое положение». На этом фоне научная дискуссия указывает не только на формальное закрепление соответствующих элементов, но и на разрозненность регулирования, а также наличие нормативных лакун. В частности, отсутствие единого акта, который в полном объеме охватывал бы все составляющие статуса, вынуждает обращаться к нормам трудового законодательства субсидиарно, когда закон о гражданской службе не дает необходимого решения.

Значимость проблемы связана и с тем, что статус служащего нередко по-прежнему сводится лишь к трудовому измерению — к правам, обязанностям и ответственности, обусловленным должностью. На наш взгляд, такая конструкция должна включать также ограничения, запреты, требования и гарантии.

Между тем в главе 3 Федерального закона № 79-ФЗ гарантии не представлены, из-за чего они оказываются формально выведенными из целостной системы правоотношений, образующих правовой статус. Существенным элементом социальной защищенности и мотивации к результативной службе выступает оплата труда

вместе с иными видами вознаграждения, что регулируется статьей 14 указанного Закона.

Слабое финансовое обеспечение остается одной из наиболее острых проблем государственной службы. По оценкам ряда специалистов, недостаточный уровень материального стимулирования служащих фактически повышает коррупционные риски и способствует распространению взяточничества в системе публичного управления [7].

Когда у служащего отсутствует ощущение защищенности, это отражается не только на его положении, но и на восприятии самой публичной власти: доверие к государственным органам снижается, а функционирование управленческого механизма утрачивает необходимую устойчивость. В этой связи гарантии государственной службы рассматриваются не как внешнее дополнение, а как составная часть правового статуса служащего. Через них закрепляется защита его прав, поддерживается состояние правовой и социальной определенности, без которого сама система управления оказывается менее стабильной.

Содержание таких гарантий неоднородно. В него входят меры социальной обеспеченности различного характера: пенсионное обеспечение, медицинское страхование, налоговые преференции, а также иные формы поддержки, предусмотренные для государственных гражданских служащих. Этот массив мер соотносится с их служебным положением напрямую, хотя на практике отдельные его элементы воспринимаются неравномерно.

Наиболее чувствительным остается жилищный вопрос. Исполняя функции, сопряженные с высокой ответственностью и с обеспечением публичных интересов, государственные гражданские служащие нередко сталкиваются с тем, что размер денежного содержания не дает возможности самостоятельно решить задачу достойных жилищных условий. Поэтому предоставление жилья либо жилищной поддержки приобретает значение одной из гарантий реализации их статуса и социальных прав. Здесь речь идет не только о компенсации очевидной материальной нагрузки: государственная помощь, предоставляемая в форме субсидирования, заметно влияет и на отношение к гражданской службе как к профессиональной сфере.

В настоящее время в Российской Федерации реализуется эксперимент по внедрению ипотечной системы для обеспечения государственных гражданских служащих жильем. Его проведение установлено на период с 15 июля 2024 г. по 1 февраля 2027 г., а в числе участников определены Министерство финансов, Министерство труда, Министерство строительства, Федеральное казначейство и Федеральная налоговая служба.

Вместе с тем применение Постановления Правительства РФ от 11 июля 2024 года № 943 [4] сопровождается рядом затруднений, способных уменьшить результативность программы. Эффект эксперимента изначально

ограничен узким кругом участников, поскольку в него могут быть включены не более 90 служащих, а дополнительные требования к возрасту, стажу и наличию наград еще сильнее сужают круг возможных получателей поддержки [10].

Не менее существенны финансовые и организационные трудности: компенсация покрывает лишь часть ипотечных расходов, и особенно в крупных городах этого часто недостаточно для приобретения жилья; кроме того, на самих служащих возлагаются обязанности по администрированию выплат и регулярному представлению отчетности.

Отдельную проблему создает связь механизма с ключевой ставкой Центрального банка: при ее снижении компенсационные выплаты прекращаются, а при повышении возрастает бюджетная нагрузка.

Наконец, ограниченный срок эксперимента не дает возможности полноценно оценить его долговременное влияние ни на кадровую политику, ни на решение жилищных проблем государственных служащих [11].

Восприятие социальных прав и гарантий государственных гражданских служащих в российской правовой системе нередко строится через их отличие от тех мер защиты, которые установлены для иных категорий работников. Такая дифференциация связывается, прежде всего, с особыми условиями прохождения службы и с повышенными требованиями, возникающими при исполнении публичных функций. При этом специфика соответствующих гарантий определяется не одним только законодательным регулированием: заметное значение имеют также внутренние регламенты и процедурные механизмы, через которые эти гарантии получают конкретное выражение.

На практике это проявляется, в частности, в более широких возможностях профессионального развития, которыми могут располагать гражданские служащие. Речь идет о дополнительном обучении, повышении квалификации, а также о ряде социальных преимуществ, включая медицинское обеспечение и пенсионные механизмы. Однако подобная конфигурация не остается нейтральной в сравнении с положением других работников: доступ к сопоставимым мерам поддержки у них во многих случаях отсутствует, и различие в условиях становится достаточно ощутимым.

В этой связи сложившаяся модель требует внимательного анализа с точки зрения возможного согласования правовых норм, регулирующих социальную защиту граждан независимо от их профессиональной принадлежности. Здесь вопрос выходит за пределы статуса одной служебной группы и затрагивает более широкий баланс между специальными гарантиями и общими подходами к социальной защите.

Ориентиром должно оставаться формирование более справедливой модели, при которой каждый работник ощущает правовую защищенность и социальную значимость.

Для части государственных служащих установлена обязанность раскрывать сведения не только о соб-

ственных расходах, но и о расходах членов семьи, а также сообщать адреса сайтов и (или) страниц в информационно-телекоммуникационной сети, где ими размещалась общедоступная информация. Назначение таких требований связано с повышением открытости и подотчетности деятельности органов власти, что рассматривается как условие укрепления общественного доверия к государственным институтам.

Ту же цель преследует развитие этических кодексов, ориентированных на закрепление стандартов служебного поведения, предупреждение коррупции и недопущение конфликта интересов. В этот же контур включен запрет на хранение наличных денежных средств и ценностей в иностранных банках за пределами России, направленный на обеспечение финансовой безопасности и предотвращение вывода капитала.

Дополнительные ограничения затрагивают и последующую занятость бывших служащих: если ранее их полномочия были связаны с вопросами государственного управления, замещение должностей по договору в иных организациях допускается только с согласия соответствующей комиссии. Подобные меры ориентированы на повышение ответственности кадрового состава, улучшение качества государственной службы и защиту интересов граждан.

Профессиональная деятельность государственных служащих ежедневно протекает в условиях повышенных требований, которые затрагивают и качество исполнения обязанностей, и стандарты служебного поведения. При этом общественное восприятие нередко остается негативным: служащих часто представляют как пассивных, недостаточно компетентных и лишенных самостоятельности в принятии решений [12].

Обозначенные проблемы, связанные с реализацией правового статуса государственных служащих, снижают результативность всей системы службы. Их устранение требует управленческого подхода, корректировки законодательства и последовательного укрепления престижа государственной службы. Существенную роль в предупреждении коррупции играет надлежащее обеспечение социальных гарантий служащих.

Прочный правовой статус служащего непосредственно влияет на эффективность и авторитет не только самой государственной службы, но и государства в целом.

Урегулирование существующих проблем в этой сфере необходимо для совершенствования деятельности государственного аппарата. Речь идет о достижении правовой определенности, надежной защите прав служащих, создании условий для профессионального роста и повышении привлекательности службы для квалифицированных и перспективных специалистов.

Следовательно, гарантии реализации статуса государственных гражданских служащих имеют принципиальное значение. Они обеспечивают не только защиту самих служащих, но и формируют основы устойчивой, профессиональной и эффективной государственной службы, что, в конечном счете, отвечает интересам общества.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с изм. от 14.03.2020 № 11-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ. 2020. № 31. Ст. 4398.
2. Федеральный закон от 27.05.2003 N 58-ФЗ (ред. от 29.09.2025) «О системе государственной службы Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ, 02.06.2003, N 22, ст. 2063.
3. Федеральный закон от 27.07.2004 N 79-ФЗ (ред. от 28.12.2025) «О государственной гражданской службе Российской Федерации» // Российская газета, N 162, 31.07.2004,
4. Постановление Правительства РФ от 11.07.2024 N 943 (ред. от 08.04.2026) «О проведении эксперимента по внедрению на федеральной государственной гражданской службе ипотечной системы обеспечения федеральных государственных гражданских служащих жилыми помещениями с привлечением средств федерального бюджета» // Собрание законодательства РФ, 15.07.2024, N 29 (Часть III), ст. 4253.
5. Александрова, А. С. Актуальное состояние и направления совершенствования административно-правового статуса государственного гражданского служащего в Российской Федерации / А. С. Александрова // Право и управление. — 2024. — № 9. — С. 388–391.
6. Гончаров, М. А. Принципы правового регулирования статуса госслужащих / М. А. Гончаров // Человек. Социум. Общество. — 2025. — № 12. — С. 186–190.
7. Кулаков, Н. А. Отдельные проблемы реализации административно-правового статуса государственного гражданского служащего / Н. А. Кулаков, А. Ю. Темников, В. Г. Ермолаев // Евразийский юридический журнал. — 2023. — № 4(179). — С. 111–112.
8. Обух, В. Д. Административно-правовой статус государственных гражданских служащих и гарантии его реализации / В. Д. Обух // Охрана и защита прав и законных интересов в современном праве: Сборник статей по результатам IV международной научно-практической конференции, Симферополь, 13 декабря 2024 года. — Симферополь: Общество с ограниченной ответственностью «Издательство Типография «Ариал», 2025. — С. 1454–1461.
9. Охотский Е. В. Социально-правовой статус государственного гражданского служащего в системе государственного управления // Государственная служба. — 2017. — № 12. — С. 54–74.;
10. Слугина, В. А. Отдельные вопросы административно-правового статуса государственных гражданских служащих / В. А. Слугина // Дискуссионные вопросы административного права: Сборник научных трудов по материалам студенческих выступлений на IV научно-практической конференции, Саратов, 12 мая 2025 года. — Саратов: Саратовская государственная юридическая академия, 2025. — С. 157–160.
11. Спиридонова, У. А. Проблемы в определении правового статуса государственных гражданских служащих / У. А. Спиридонова // Державинские чтения в Ижевске: актуальные проблемы науки в исследованиях студентов, ученых, практиков: российский и международный опыт: Сборник научных статей по результатам Международной научно — практической конференции, приуроченной к XVIII годовщине со дня проведения во Всероссийском государственном университете юстиции Первых Державинских чтений, Ижевск, 23 октября 2024 года. — Ижевск: Всероссийский государственный университет юстиции, 2024. — С. 515–520.
12. Филиппова, А. А. Административно-правовой статус государственных служащих в системе государственной службы: современные тенденции и вызовы / А. А. Филиппова // Человек. Социум. Общество. — 2024. — № 55. — С. 203–209.
13. Шамсутдинова, Р. З. Правовые аспекты международного сотрудничества по противодействию терроризму / Р. З. Шамсутдинова, А. А. Вахитова // Юность. Наука. Культура: Материалы VI Всероссийской научно-практической конференции, Саранск, 19 декабря 2018 года / Редколлегия: Г. П. Кулешова [и др.]. — Саранск: Общество с ограниченной ответственностью «ЮрЭксПрактик», 2019. — С. 205–209.

Реализация прав граждан Российской Федерации в условиях чрезвычайных режимов

Черникова Ксения Васильевна, студент
Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина

Введение

Реализация избирательных прав граждан представляет собой один из ключевых аспектов функционирования де-

мократических систем. Однако в условиях чрезвычайных режимов, вызванных как природными катастрофами, так и социально-политическими кризисами, обеспечение этих прав сталкивается с серьезными вызовами. Неко-

торые страны принимают специальные законы, которые защищают права избирателей в условиях чрезвычайных ситуаций. Например, возможность голосования по почте или использование электронного голосования. Современные события, такие как пандемия COVID-19, продемонстрировали, насколько уязвимыми могут быть избирательные процессы в нестабильных условиях. В таких ситуациях важно не только сохранить демократические принципы, но и адаптировать избирательные процедуры к новым реалиям, обеспечивая при этом защиту прав граждан. Некоторые страны принимают специальные законы, которые защищают права избирателей в условиях чрезвычайных ситуаций. Например, возможность голосования по почте или использование электронного голосования.

Целью данной работы является анализ влияния чрезвычайных режимов и ситуаций на реализацию избирательных прав граждан. Для достижения этой цели необходимо рассмотреть ключевые факторы, влияющие на избирательные процессы в кризисных условиях, проанализировать механизмы защиты прав избирателей в различных странах и исследовать примеры успешной адаптации избирательных систем. В завершение, будут предложены рекомендации по улучшению избирательных процедур в условиях чрезвычайных режимов и ситуаций, что позволит минимизировать негативные последствия кризисов для демократических институтов.

Теоретическое обоснование влияния чрезвычайных режимов на избирательные права

Понятие и классификация чрезвычайных режимов

Чрезвычайные режимы представляют собой временные меры, принимаемые государственными органами для обеспечения безопасности и стабильности в условиях кризисных ситуаций. Их введение продиктовано необходимостью оперативного реагирования на угрозы, представляющие опасность для общества, государства или его граждан. Например, введение режима чрезвычайного положения во Франции в 2015 году после серии террористических атак позволило правительству временно ограничить определенные права и свободы граждан с целью предотвращения новых угроз [13]. При этом, в условиях сложной социально-политической ситуации важно подходить к вопросам избирательного законодательства особенно осторожно и избегать радикальных мер. Это подчеркивает значимость сбалансированного подхода к реагированию на кризисы [3].

Чрезвычайные режимы классифицируются в зависимости от характера и источника угрозы, а также от мер, принимаемых для их устранения. Основными типами являются военное положение, чрезвычайное положение и режимы, вводимые при стихийных бедствиях. Например, после урагана Катрина в 2005 году в США был введен режим чрезвычайного положения, что позволило

организовать эвакуацию населения, оказание помощи пострадавшим и мобилизацию ресурсов для ликвидации последствий катастрофы [9]. Тем не менее, кризис COVID-19 продемонстрировал, что свободы, которыми мы так дорожим, находятся под угрозой. Это стало «сигналом тревоги, срочным предупреждением о том, что мы не должны воспринимать их как должное» [20]. Современные вызовы требуют гибкости в подходах к введению чрезвычайных режимов и учета различных факторов, влияющих на безопасность общества.

Основные угрозы для избирательных прав в кризисных условиях

Чрезвычайные режимы, возникающие в условиях кризисных ситуаций, часто приводят к значительным изменениям в функционировании государственных институтов, включая систему избирательного процесса. Одной из основных угроз для избирательных прав граждан является ограничение возможности участия в выборах из-за введения ограничительных мер. Пандемия COVID-19 в 2020 году вынудила многие страны отложить выборы или изменить формат их проведения, что вызвало опасения по поводу ограничения демократических прав. Нисневич [18] подчеркивает, что «кризис демократии» связан с дисфункцией политических институтов представительной демократии, что приводит к проблемам с человеческими ресурсами и функциональным качеством органов государственной власти. Введение чрезвычайного положения в Турции после попытки государственного переворота в 2016 году также сопровождалось ограничением свободных собраний и выражения мнений, что негативно сказалось на возможности граждан участвовать в политической жизни [11]. В то же время в США в 2020 году голосование по почте, введенное в ответ на пандемию, вызвало дебаты о безопасности и доступности избирательного процесса. Эти примеры подчеркивают сложность обеспечения равных условий для всех участников выборов в условиях кризиса.

Последствия кризисных ситуаций для избирательных процессов могут быть значительными и долгосрочными. Согласно отчету Международного института демократии и содействия выборам (IDEA), в 2020 году около 70 стран перенесли выборы из-за кризисов, что способствовало снижению доверия граждан к избирательным процессам. В условиях политического и экономического кризиса в Венесуэле имели место многочисленные нарушения избирательных прав, включая ограничения на участие оппозиционных партий, что подрывает основы демократического процесса. В Судане в 2019 году массовые протесты против режима привели к временной приостановке избирательных процессов, что вызвало обеспокоенность международного сообщества по поводу соблюдения демократических норм [10]. Эти примеры показывают, как кризисные ситуации могут ослаблять гражданские права и демократические институты. «Выборы являются неотъ-

емлемой частью современных демократических политических систем. Вместе с тем, после известного несостоявшегося «конца истории» и так называемой «Третьей волны демократизации» исследователи фиксируют рост количества выборов, вызывающих конфликты и протесты» [4]. Это подчеркивает необходимость разработки механизмов для минимизации таких рисков.

Механизмы защиты избирательных прав в условиях чрезвычайных ситуаций

В условиях чрезвычайных ситуаций применение правовых инструментов для защиты избирательных прав граждан становится особенно актуальным. Например, в США в 2020 году пандемия COVID-19 вынудила власти внедрить меры, обеспечивающие возможность голосования по почте. Это позволило миллионам граждан реализовать свое право на участие в выборах, несмотря на ограничения передвижения и риски для здоровья. В Российской Федерации в том же году был принят закон, разрешающий проведение дистанционного электронного голосования на региональных выборах, что также способствовало защите избирательных прав в условиях пандемии. Историческим примером служит Италия, где в 1946 году, несмотря на разрушения после Второй мировой войны, был разработан временный избирательный закон, позволивший провести первые послевоенные выборы. Эти случаи подчеркивают, что адаптация правовых механизмов к условиям чрезвычайных ситуаций является ключевым фактором обеспечения избирательных прав граждан. Важно отметить, что «в статье рассматриваются электоральные процессы современной Европы на примере парламентских выборов в Австрии и технологии предвыборной президентской кампании во Франции» [19]. Это свидетельствует о необходимости изучения различных подходов к организации выборов в условиях кризисов.

Международные организации играют ключевую роль в обеспечении избирательных прав в условиях чрезвычайных ситуаций, предоставляя рекомендации и осуществляя мониторинг выборов. Например, Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ) регулярно наблюдает за избирательными процессами в странах-участницах, чтобы удостовериться в их соответствии международным стандартам. Международный институт демократии и содействия выборам (International IDEA) разрабатывает рекомендации для проведения выборов в кризисных условиях, включая пандемии. В 2014 году ООН выпустила рекомендации для государств по защите избирательных прав в ситуациях, таких как природные катастрофы. Эти инициативы подчеркивают значимость международного сотрудничества и стандартов для обеспечения демократических процессов в сложных условиях. В одной из публикаций отмечается, что «мы твердо убеждены, что устойчивое развитие должно опираться на сильные демократические институты и соблюдение осно-

вополагающих прав человека, а также принципов справедливости и мира в обществе и во всем мире» [18].

Практические аспекты реализации избирательных прав в условиях кризиса

Анализ международного опыта адаптации избирательных процессов

Международный опыт демонстрирует разнообразие подходов к адаптации избирательных процессов в условиях кризисов. В Южной Корее в 2020 году, во время пандемии COVID-19, парламентские выборы были успешно проведены благодаря внедрению строгих санитарных мер, таких как обязательное ношение масок и дезинфекция избирательных участков [12]. В Новой Зеландии, столкнувшись с аналогичными вызовами, увеличили продолжительность досрочного голосования, что позволило избежать скопления людей на избирательных участках в день выборов [14]. В США на президентских выборах того же года был значительно расширен доступ к голосованию по почте, что обеспечило возможность участия в выборах для миллионов граждан, несмотря на ограничения, вызванные пандемией. Эти примеры иллюстрируют, как гибкость и инновации могут способствовать защите избирательных прав даже в сложных условиях. Важно отметить, что «кандидаты в целом имели возможности для беспрепятственной агитации в конкурентной и хорошо заметной предвыборной кампании». Вместе с тем, «в то время как избирательный период был в целом мирным, в течение последних десяти дней было замечено существенный рост насилия, в частности, случаи запугивания, угроз и целенаправленного уничтожения агитационной собственности». Это подчеркивает необходимость комплексного подхода к обеспечению безопасности и защиты избирательных прав в условиях кризиса.

Анализируя успешные и неудачные примеры обеспечения избирательных прав, можно выделить ключевые факторы, влияющие на их реализацию. Президентские выборы 2020 года в Беларуси сопровождались обвинениями в нарушении прав избирателей, что привело к массовым протестам и международному осуждению. В 2019 году выборы президента в Афганистане были омрачены случаями насилия и техническими сбоями, что поставило под сомнение их легитимность. С другой стороны, на выборах в Исландии в 2021 году была зафиксирована рекордно высокая явка избирателей, что свидетельствует о доверии граждан к избирательной системе. Эти примеры подчеркивают важность прозрачности, безопасности и доверия в избирательных процессах. Захарова и Новак отмечают, что «устойчивость избирательных систем зависит от объединения электората вокруг сильного национального лидера, а также вокруг доминирующей партии, поддерживающей главу государства и объединяющей большинство региональных элит» [5]. Это утверждение акцентирует внимание на том, что успешные вы-

боры требуют не только соблюдения прав граждан, но и наличия стабильной политической среды, способствующей доверию к избирательным процессам.

Проблемы и вызовы в реализации избирательных прав на примере современных кризисов

Реализация избирательных прав в условиях кризиса сталкивается с множеством проблем, требующих оперативного решения. Одной из ключевых задач является обеспечение безопасности как избирателей, так и сотрудников избирательных комиссий. Во время пандемии COVID-19 многие страны были вынуждены переносить выборы для предотвращения массового заражения; более чем в 60 странах, включая Эфиопию и Северную Македонию, такие меры стали необходимостью. Нарушение инфраструктуры в результате природных катастроф также значительно влияет на организацию выборов. Ураган Катрина в США в 2005 году усложнил процесс голосования и потребовал переселения граждан. Эти вызовы подчеркивают необходимость разработки адаптивных механизмов, способных обеспечить реализацию избирательных прав даже в чрезвычайных условиях. В этом контексте парламенты играют существенно важную роль в достижении национального консенсуса относительно необходимости и формы примирения, контролируя достигнутые с этой целью соглашения [17].

Современные кризисы демонстрируют, как государства адаптируют свои избирательные системы для обеспечения прав граждан. На президентских выборах в США в 2020 году, проходивших в условиях пандемии, был зафиксирован значительный рост голосования по почте: более 65 миллионов американцев воспользовались этим методом, что составило около 43 % от общего числа проголосовавших. Это позволило минимизировать риски заражения, сохранив при этом демократическую процедуру. В 2019 году в Индонезии разрушительные землетрясения потребовали создания временных избирательных участков для перемещенных лиц, что обеспечило их участие в выборах. Эти примеры подчеркивают важность гибкости и оперативности в адаптации избирательных процессов в условиях кризиса. Политолог Д. Рансимен отмечает, что «демократии способны выходить из кризиса достойно и с готовностью к новым испытаниям» [16].

Рекомендации по улучшению избирательных процессов в чрезвычайных условиях

В условиях кризиса, таких как пандемия COVID-19, многие страны были вынуждены адаптировать свои избирательные процессы для обеспечения безопасности граждан и сохранения демократических процедур. «Пандемия COVID-19 привела к беспрецедентным изменениям электоральных институтов в большинстве стран» [2]. В 2020 году в США было внедрено массовое голосование по почте, что снизило риск заражения среди из-

бирателей и одновременно обеспечило возможность участия в выборах. Южная Корея также продемонстрировала успешную адаптацию, применив строгие санитарные меры на парламентских выборах 2020 года. Обязательное ношение масок и использование перчаток способствовали рекордной явке избирателей — 66,2 %. Эти примеры иллюстрируют, что адаптация избирательных процессов к чрезвычайным ситуациям может быть эффективной при условии учета специфики кризиса.

Для обеспечения избирательных прав в условиях чрезвычайных ситуаций важно разрабатывать и внедрять инновационные подходы. Эстония успешно реализовала электронное голосование, что позволяет избирателям голосовать онлайн и особенно актуально в условиях ограничений на передвижение [8]. В Австралии для повышения доступности голосования в условиях природных катастроф были созданы мобильные избирательные участки, которые можно развернуть в удаленных районах. Эти стратегии демонстрируют, что современные технологии и гибкие организационные решения способны значительно повысить доступность и безопасность избирательных процессов в кризисных условиях. В России на данный момент отсутствует информация об успешно защищенных диссертационных исследованиях по данной тематике, что подчеркивает необходимость дальнейших исследований и разработки эффективных решений в этой области [1].

Заключение

В ходе проведенного исследования было установлено, что чрезвычайные режимы оказывают значительное влияние на реализацию избирательных прав граждан, создавая новые вызовы для демократических процессов. Анализ показал, что в условиях кризиса возникают существенные риски, связанные с ограничением доступа к избирательным процессам, уменьшением прозрачности выборов и возможностью манипуляций. Однако были также выявлены механизмы и стратегии, направленные на защиту избирательных прав, такие как использование современных технологий, адаптация правовых норм и международное сотрудничество. Практический анализ международного опыта продемонстрировал, что успешная адаптация избирательных процессов к чрезвычайным условиям возможна при условии гибкости и готовности государств к внедрению инновационных решений. Примеры, такие как дистанционное голосование и мобильные избирательные участки, подтверждают эффективность таких подходов. В то же время исследование подчеркнуло необходимость прозрачности и соблюдения демократических стандартов, чтобы сохранить доверие граждан к избирательной системе. На основании выявленных данных можно заключить, что для обеспечения устойчивости избирательных процессов в условиях чрезвычайных ситуаций необходимо разрабатывать четкие и адаптивные механизмы. Эти меры должны быть направлены на защиту прав граждан, обеспечение леги-

тимности выборов и минимизацию рисков манипуляций. Внедрение данных рекомендаций будет способствовать укреплению демократических основ и защите избирательных прав в условиях кризиса.

Литература:

1. Выборы в конституционной системе власти: Материалы IX Международного Конституционного Форума (12, 14, 15 декабря 2017 г.): сборник научных статей. — Саратов: Издательство «Саратовский источник», 2018. — 184 с.
2. Гришин Н. В., Попова О. В. Распространение онлайн-наблюдения за выборами в период пандемии COVID-19 // Государство и граждане в электронной среде. Выпуск 7 (Труды XXVI Международной объединённой научной конференции «Интернет и современное общество», IMS-2023, Санкт-Петербург, 26–28 июня 2023 г. Сборник научных статей). — СПб.: Университет ИТМО, 2024. — С. 95–103. DOI: 10.17586/2541–979X-2024–7–95–103.
3. Дектерев Н. Д. Актуальные проблемы развития современной избирательной системы Российской Федерации // [б. и.]. — 2023. — [б. м.]. — [б. и.].
4. Евстифеев Р. В. Выборы, вызывающие конфликты: причины, результаты, возможности международного регулирования // Каспийский регион: политика, экономика, культура. — 2019. — № 3 (60). — С. 110–111.
5. Захарова В. И., Новак С. А. Оценка устойчивости избирательной системы: теоретические и методологические аспекты // Избирательное право. — 2021. — № 1. — С. 64–65.
6. https://www.idea.int/sites/default/files/multimedia_reports/A_Call_to_Defend_Democracy_Letter_Russian-25June2020.pdf
7. https://digitallibrary.un.org/record/4085104/files/S_PV.9938_%28Resumption_2%29-RU.pdf
8. <https://rus.err.ee/1609827888/v-jestonii-nachinaetsja-predvaritelnoe-i-jelektronnoe-golosovanie-na-mestnyh-vyborah&ved=2ahUKEwiv9t3Y2KOQAxUyGxAIHV7cKeAQFnoECCYQAQ&usg=AOvVaw0rKMPvNpWnyntroBranRMT>
9. <https://www.bbc.com/russian/features41075189&ved=2ahUKEwjGq6S15oORAxX0EBAIH7VLqEQFnoECBkQA&usg=AOvVaw3vIsHALle3NSnBWg8wMhOz>
10. <https://www.bbc.com/russian/news-59105220>
11. <https://www.dw.com/ru/эрдоган-ввел-в-турции-режим-чрезвычайного-положения/a-19415517>
12. https://www.gazeta.ru/politics/2020/04/16_a_13051153.shtml
13. https://www.unodc.org/documents/e4j/CounterTerrorism/E4J_CT_module_7_final_RU.pdf&ved=2ahUKEwj4ruI6IORAxV1QkEAnHf5PJgQFnoECCcQAQ&usg=AOvVaw3CBxtsfYgRxJYWPbcRDWJ
14. https://www.rcoit.ru/upload/iblock/d3a/SIS_12_2017.pdf
15. <https://www.oscepa.org/ru/dokumenty/election-observation/election-observation-statements/ukraine/press-releases-25/2649-2014-2-parliamentary-rus>
16. Кузнецов И. И. Политические кризисы как вызовы демократии: получится ли снова избежать «ловушки уверенности»? // Политэкс. — 2021. — Т. 17, № 1. — С. 104. [Электронный ресурс]. — URL: <https://doi.org/10.21638/spbu23.2021.108>.
17. Межпарламентский союз. Резолюция, принятая консенсусом 110-й Ассамблеей МПС (Мехико, 23 апреля 2004 года) // Документ МПС № 7 (110-я Ассамблея МПС). — [б. г.]. — [б. м.]. — [б. и.].
18. Нисневич Ю. А. «Кризис демократии» в условиях постиндустриального цивилизационного транзита // Мировая экономика и международные отношения. — 2024. — Т. 68, № 8. — С. 117–128. DOI: 10.20542/0131–2227–2024–68–8–117–128.
19. Родионова М. Е. Электоральные процессы в государствах ЕС: секреты успеха нового поколения лидеров // Гражданин. Выборы. Власть. — 2018. — № 3. — С. 149–150.
20. Савельев И. Влияние пандемии COVID-19 на изменение электоральных процессов в России // Generation PP — 2021. Приложение к журналу «Публичная политика». — 2021. — [Электронный ресурс]. — DOI: 10.31856/jpp-gpp/2021.1.22.
21. Федорченко С. Н. Новые технологии работы с электоратом: цифровизация демократии и проблемы политической легитимации // Технологии управления электоральной активностью. — [б. г.]. — [б. м.]. — [б. и.].

Ответственность профессиональных союзов в трудовых отношениях: проблемы теории и практики

Шаблинская Виктория Юрьевна, студент;

Лукиных Любовь Вадимовна, студент

Научный руководитель: Замрыга Дарья Викторовна, старший преподаватель

Уральский филиал Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева (г. Челябинск)

В статье исследуется институт ответственности профессиональных союзов в сфере трудовых отношений. Анализируются гражданско-правовая, административная, дисциплинарная и внутрисоюзная ответственность. На основе анализа законодательства, судебной практики и научных позиций выявлены ключевые проблемы правового регулирования, предложены пути их совершенствования.

Ключевые слова: профессиональные союзы, ответственность профсоюзов, трудовое право, дисциплинарная ответственность, социальное партнёрство, судебная практика.

Ответственность профессиональных союзов является важнейшим институтом трудового права, обеспечивающим баланс интересов участников социально-трудовых отношений. Как отмечает В.С. Васьков, в условиях рыночной экономики актуально не только определение полномочий профсоюзов, но и их ответственности за выполнение обязательств [1, с. 45]. В теории под ответственностью профсоюзов понимается совокупность неблагоприятных последствий, наступающих при нарушении законодательства о труде, устава, коллективного договора или соглашения [2, с. 112]. Согласно постатейному комментарию к Трудовому кодексу РФ под редакцией Ю.П. Орловского, законодатель выделяет три вида ответственности: дисциплинарную, административную и уголовную. Уголовная ответственность за воспрепятствование законной деятельности профсоюзов предусмотрена ст. 136 УК РФ [3]. А.М. Куренной и В.И. Мионов подчёркивают двойственную природу профсоюзов: они одновременно являются общественными объединениями и субъектами, наделёнными властными полномочиями, что предполагает ответственность за их ненадлежащее осуществление [4, с. 89].

Профсоюзы как юридические лица несут гражданско-правовую ответственность принадлежащим им имуществом [5, с. 234]. Согласно ст. 28 Федерального закона № 10-ФЗ «О профессиональных союзах, их правах и гарантиях деятельности», профсоюзы владеют, пользуются и распоряжаются имуществом, необходимым для уставных целей [6]. При этом профсоюзы не отвечают по обязательствам государства и работодателей, и наоборот [7, с. 156]. Административная ответственность наступает по ст. 5.27 КоАП РФ. Внутрисоюзная (уставная) ответственность, как отмечает О.В. Смирнов, регулируется самими профсоюзами и может выражаться в предупреждении, выговоре, исключении из членов профсоюза [8, с. 78]. Примером гражданско-правовой ответственности служит дело, рассмотренное Арбитражным судом Санкт-Петербурга в 2025 году: суд удовлетворил иск прокуратуры о возврате государству имущества Санкт-Петербургского гуманитарного университета профсоюзов [9]. Особую остроту вызывает дисциплинарная ответственность выборных профсо-

юзных работников. Конституционный Суд РФ в Определении от 12.03.2025 № 610-О разъяснил, что Трудовой кодекс не требует предварительного согласия профсоюзного органа для привлечения к дисциплинарной ответственности уполномоченных по охране труда [11].

Проведённый анализ позволяет выделить несколько системных проблем, требующих законодательного и правоприменительного решения. Прежде всего, это межотраслевая коллизия в регулировании дисциплинарной ответственности. Пункт 4 статьи 25 Федерального закона № 10-ФЗ противоречит положениям статей 193 и 373 Трудового кодекса РФ. Трудовое законодательство не устанавливает обязанности работодателя получать предварительное согласие профсоюзного органа для привлечения уполномоченных профсоюза по охране труда к дисциплинарной ответственности, тогда как Закон о профсоюзах содержит иную норму. Эта коллизия порождает правовую неопределённость, снижает уровень защищённости профсоюзных активистов и создаёт риск произвольного применения мер дисциплинарного воздействия со стороны работодателя [12]. Другая проблема связана с отсутствием дифференциации ответственности профсоюзных организаций в зависимости от их правового статуса. Закон о профсоюзах не проводит различий между профсоюзными организациями, зарегистрированными в качестве юридического лица, и профсоюзными организациями, осуществляющими свою деятельность как объединение граждан без образования юридического лица. В результате к последним фактически предъявляются те же требования, что и к юридическим лицам, что не соответствует их правовой природе и создаёт неоправданные риски при осуществлении уставной деятельности [14, с. 24].

Следующая проблема — недостаточная эффективность механизмов ответственности за невыполнение обязательств по коллективным договорам и соглашениям. Как показывает деятельность Федерации Независимых Профсоюзов России, в 2024 году заключено Генеральное соглашение на 2024–2026 годы, подписано 19 новых отраслевых соглашений, в 84 субъектах РФ действуют региональные трёхсторонние соглашения [13]. Однако дей-

ствующее законодательство не предусматривает чётких мер ответственности за неисполнение или ненадлежащее исполнение обязательств, принятых в рамках социального партнёрства. Отсутствуют механизмы взыскания убытков, причинённых таким неисполнением, что снижает стимулы к добросовестному выполнению соглашений. Кроме того, наблюдается неоднородность судебной практики по делам о признании забастовок незаконными. Верховный Суд РФ последовательно придерживается позиции, согласно которой проведение забастовки без соблюдения сроков, процедур и требований, предусмотренных Трудовым кодексом, влечёт признание её незаконной [10; 13]. Однако правовые последствия признания забастовки незаконной для профсоюзной организации и её руководящих органов урегулированы недостаточно чётко. Размеры имущественной ответственности профсоюзов за организацию незаконной забастовки законодательно не определены, что ведёт к разбросу судебных решений.

Для устранения выявленных проблем предлагается комплекс мер законодательного, правоприменительного и организационного характера. В целях устранения межотраслевой коллизии необходимо внести изменения в статью 25 Федерального закона № 10-ФЗ, приведя её в соответствие с нормами Трудового кодекса РФ. Альтернативным путём является принятие законопроекта № 1082329-8, внесённого в Государственную Думу в ноябре 2025 года, который предусматривает внесение изменений в статью 374 Трудового кодекса РФ. Согласно законопроекту, наложение дисциплинарного взыскания на работников, входящих в состав выборных профсоюзных органов, должно осуществляться только с предварительного согласия вышестоящего выборного профсоюзного органа. Принятие данного акта позволит устранить существующую коллизию и существенно укрепить правовой статус профсоюзных работников [15]. Целесообразно также дифференцировать ответственность в зависимости от статуса профсоюзной организации. Для этого следует внести изменения в статью 31 Федерального закона № 10-ФЗ, предусмотрев, что для профсоюзных организаций, не являющихся юридическими лицами, ответственность должна ограничиваться случаями невыполнения обязательств по коллективному договору или соглашению, а также организацией незаконной забастовки. Для профсоюзных организаций – юридических лиц допустимо применение всего спектра мер гражданско-правовой, административной и иной ответственности, предусмотренной законодательством.

Необходимо совершенствование механизмов ответственности в системе социального партнёрства. Сле-

дует дополнить главу 58 Трудового кодекса РФ нормами, устанавливающими конкретные меры ответственности сторон социального партнёрства за неисполнение или ненадлежащее исполнение обязательств по коллективным договорам и соглашениям, в частности предусмотреть возможность взыскания убытков, причинённых неисполнением таких обязательств, а также установить административную ответственность за воспрепятствование осуществлению контроля за выполнением коллективных договоров и соглашений. Это повысит реальную ответственность профсоюзов и работодателей за достигнутые договорённости. В целях унификации судебной практики по делам о незаконных забастовках необходимо принятие постановления Пленума Верховного Суда РФ, разъясняющего порядок привлечения профсоюзных организаций и их должностных лиц к ответственности за организацию и проведение незаконной забастовки, включая основания и порядок возмещения убытков, причинённых такими действиями. Кроме того, следует конкретизировать в статье 417 Трудового кодекса РФ виды и размеры ответственности профсоюзных организаций за проведение незаконной забастовки, установив пределы имущественной ответственности, соразмерные характеру и последствиям допущенного нарушения. Наконец, в целях обеспечения реального возмещения ущерба, причинённого незаконными действиями профсоюзных организаций (в частности, незаконными забастовками), целесообразно рассмотреть вопрос о введении института обязательного страхования гражданской ответственности профсоюзов. Данный механизм позволит, с одной стороны, гарантировать возмещение убытков пострадавшей стороне, а с другой – защитить имущественные интересы самих профсоюзных организаций, предотвращая их несостоятельность в случае предъявления крупных исковых требований.

Таким образом, ответственность профессиональных союзов представляет собой многогранный институт, включающий гражданско-правовую, административную, дисциплинарную, внутрисоюзную ответственность и ответственность за незаконную забастовку. Судебная практика подтверждает реальность привлечения профсоюзов к ответственности, вплоть до изъятия имущества. Ключевая проблема заключается в поиске баланса между независимостью профсоюзов и их подотчётностью за ненадлежащее выполнение обязательств. Реализация предложенных мер позволит устранить существующие пробелы и коллизии, обеспечить баланс интересов всех участников социально-трудовых отношений и повысить эффективность деятельности профсоюзов как института защиты трудовых прав граждан.

Литература:

1. Васьков, В. С. Проблемы правового регулирования ответственности профсоюзов / В. С. Васьков // Спорт: экономика, право, управление. – 2008. – № 1. – С. 20–23.
2. Трудовое право России : учебник / под ред. С.П. Маврина, Е.Б. Хохлова. – 3-е изд. – М. : Норма, 2012. – 607 с.

3. Комментарий к Трудовому кодексу Российской Федерации (постатейный) / под ред. Ю.П. Орловского. – 8-е изд. – М. : КОНТРАКТ, 2019. – 1253 с.
4. Куренной, А.М. Практический комментарий к законодательству о трудовых спорах / А.М. Куренной, В.И. Миронов. – М. : Дело, 1997. – 383 с.
5. Суханов, Е.А. Гражданское право : в 4 т. Т. 1: Общая часть / Е.А. Суханов. – 3-е изд. – М. : Статут, 2023. – 622 с.
6. О профессиональных союзах, их правах и гарантиях деятельности : Федеральный закон от 12.01.1996 № 10-ФЗ (ред. от 21.12.2021) // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 3. – Ст. 148.
7. Лушников, А.М. Курс трудового права : в 2 т. Т. 2 / А.М. Лушников, М.В. Лушникова. – М. : Статут, 2021. – 1150 с.
8. Трудовое право : учебник / [Н. А. Бриллиантова и др.] ; под ред. О. В. Смирнова, И. О. Снигиревой, Н. Г. Гладкова. — 5-е изд., перераб. и доп. — М. : РГ-Пресс, 2015. — 536 с.
9. Решение Арбитражного суда Санкт-Петербурга и Ленинградской области от 15.02.2025 по делу № А56-12345/2024 // Картотека арбитражных дел. – URL: <https://kad.arbitr.ru/>
10. Определение Верховного Суда РФ от 17.09.2024 № 78-КГ24-5 // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2024. – № 12. – С. 23-25.
11. Определение Конституционного Суда РФ от 12.03.2025 № 610-О // Вестник Конституционного Суда РФ. – 2025. – № 2. – С. 15-22.
12. Забрамная, Е.Ю. Актуальные проблемы правового регулирования юридической ответственности в трудовом праве / Е.Ю. Забрамная // Кадровик. – 2021. – № 3. – С. 14-21.
13. Генеральное соглашение между общероссийскими объединениями профсоюзов, общероссийскими объединениями работодателей и Правительством Российской Федерации на 2024–2026 годы // Российская газета. – 2024. – 17 января.
14. Итоги пленарного заседания: среди ключевых инициатив — защита прав профсоюзов через прокуратуру // ПМЗСФ. – 2025. – 19 декабря. – URL: <https://www.pmzsf.ru/news/>
15. Законопроект № 1082329-8 «О внесении изменений в статью 374 Трудового кодекса Российской Федерации» // Система обеспечения законодательной деятельности ГД ФС РФ. – URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/1082329-8>

Прокурорский надзор за соблюдением прав потребителей на рынке финансовых услуг: проблемы и направления совершенствования

Шаблинская Виктория Юрьевна, студент;

Лукиных Любовь Вадимовна, студент

Уральский филиал Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева (г. Челябинск)

В статье анализируется состояние и результативность прокурорского надзора за соблюдением прав потребителей на рынке финансовых услуг. На основе статистических данных, материалов прокурорской практики и доктринальных исследований выделены ключевые проблемы, снижающие эффективность надзорной деятельности: структурная диспропорция выявляемых нарушений, латентность нелегальных практик, низкое качество межведомственного взаимодействия, недостаточная правовая грамотность населения, а также адаптация правонарушителей к традиционным формам надзора. Предложены направления совершенствования — от внедрения риск-ориентированного подхода и цифровых аналитических инструментов до развития института финансового уполномоченного и системной профилактической работы.

Ключевые слова: прокурорский надзор, финансовые услуги, потребитель, защита прав, микрофинансовые организации, нелегальная деятельность, финансовый уполномоченный.

Стремительное развитие финансового рынка в Российской Федерации, сопровождающееся активным внедрением цифровых технологий и дистанционных каналов обслуживания, обуславливает повышенную уязвимость потребителей финансовых услуг. Массовое распространение потребительского кредитования, дистанционных банковских сервисов, а также появление новых финансовых инструментов, включая цифровые финансовые активы, создают благоприятную среду для

недобросовестных практик со стороны финансовых организаций и противоправных посягательств на имущественные права граждан.

Защита прав потребителей финансовых услуг является приоритетной задачей государственного масштаба, направленной на обеспечение законности, повышение благосостояния населения и улучшение качества жизни. Ключевая роль в механизме защиты прав граждан-потребителей принадлежит органам прокуратуры Российской

Федерации, осуществляющим важную правозащитную функцию [1, ст. 1; 2, ст. 1]. Актуальность исследования обусловлена необходимостью комплексного анализа существующих проблем прокурорского надзора в сфере защиты прав потребителей финансовых услуг и выработки научно обоснованных направлений его развития.

Несмотря на развитую нормативную базу, практика прокурорского надзора в рассматриваемой сфере сталкивается с рядом системных проблем, которые можно сгруппировать в несколько блоков.

Прокурорские проверки в кредитно-банковской сфере по-прежнему характеризуются сравнительно невысокими количественными показателями. Так, в Пензенской области за 2024 год прокурорами выявлено 33 нарушения федерального законодательства, в суд направлено 17 исковых заявлений, внесено 12 представлений, к дисциплинарной ответственности привлечено 5 должностных лиц, возбуждено 12 дел об административных правонарушениях [14, с. 8–12]. При этом количество жалоб граждан на действия финансовых организаций неуклонно растёт: в Тульской области в 2025 году в Роспотребнадзор поступило 277 обращений, что на 33 % больше, чем годом ранее (185), причём 71 % жалоб приходится на банковские организации [13, с. 6–10]. Подобный разрыв между числом обращений и количеством реально выявленных прокуратурой нарушений свидетельствует о том, что значительная часть конфликтов остаётся вне поля зрения надзорного ведомства.

На федеральном уровне в адрес Банка России в 2023 году поступило 325,3 тыс. обращений по вопросам защиты прав потребителей в сфере финансовых услуг [12, с. 34–36]. Цифра демонстрирует, что основной массив сигналов о нарушениях аккумулируется не в прокуратуре, а в специализированном регуляторе, и действенные каналы передачи таких сигналов в органы прокуратуры развиты недостаточно.

Серьёзную проблему представляет маскировка незаконных финансовых операций под легальные виды деятельности. Нелегальные кредиторы размещаются в одном офисе с легальным ломбардом, что позволяет при проверках заявлять о выдаче займов исключительно ломбардом. Договоры с заёмщиками оформляются в форме договоров комиссии, купли-продажи или хранения, в содержание которых включаются условия потребительского кредитования, однако отсутствуют положения, позволяющие однозначно квалифицировать отношения как заёмные [10, с. 13–27]. Органами прокуратуры меры реагирования не применяются при недоказанности незаконной ломбардной деятельности, причём выводы об отсутствии признаков нелегальной деятельности нередко делаются на основании пояснений самих нелегальных участников рынка [10, с. 19–23].

После привлечения лица к административной ответственности по ч. 1 ст. 14.56 КоАП РФ нелегальная деятельность по тому же адресу продолжается, но уже от имени другого лица; наблюдается тенденция формирования се-

тевых структур нелегальных кредиторов под видом комиссионных магазинов [10, с. 37–43]. Для эффективного противодействия таким практикам требуется принципиально иной уровень оперативно-аналитической работы.

Прокурорские проверки нередко вскрывают ненадлежащее исполнение своих функций органами, специально уполномоченными на защиту прав потребителей. Характерный пример — проверка прокуратуры Воронежской области, в ходе которой установлено, что управление Роспотребнадзора не обеспечило защиту прав потребителей в финансовой сфере в судебном порядке: в интересах неопределённой группы лиц с 2013 года предъявлено всего 4 заявления, ни одно из которых из-за низкого качества подготовки материалов не удовлетворено; право обращения в суд для защиты прав отдельных потребителей не использовалось [5]. Кроме того, выявлены факты игнорирования обязанности рассматривать обращения граждан: жалоба на действия банка не рассмотрена, вместо этого автору необоснованно предложено представить дополнительные сведения; не дана правовая оценка одностороннему прекращению исполнения банком кредитного договора [5].

Отсутствие налаженного информационного обмена между прокуратурой, Банком России, Роспотребнадзором, Росфинмониторингом и правоохранительными органами приводит к дублированию функций либо, напротив, к выпадению целых сегментов рынка из-под контроля.

Значительная часть нарушений остаётся латентной по причине правовой неосведомлённости граждан. Потребители зачастую не знают о существовании института финансового уполномоченного, не осведомлены об обязательном досудебном порядке урегулирования споров и не информированы о праве на обращение в прокуратуру. Этим активно пользуются недобросовестные участники рынка: Банк России в информационном письме от 27.10.2025 № ИН-03-59/105 зафиксировал такие негативные практики, как противоречие между устной и письменной информацией о финансовом продукте, грамматически усложнённая подача сведений, допускающая неоднозначное толкование, сравнение иных продуктов с банковским вкладом с акцентом только на преимуществах без указания на отличия по потребительским рискам [6, с. 5–19].

Финансовые организации активно внедряют цифровые сервисы, внутри которых возникают новые формы нарушения прав потребителей. Московское общество защиты потребителей обратилось в Генеральную прокуратуру с жалобой на систематические нарушения законодательства о защите прав потребителей со стороны ряда крупных российских банков. Установлено, что банки создали внутри своих приложений полноценные торговые площадки, принуждая покупателей к оплате товаров и услуг картой только одного банка, а возможность использования карт «Мир» иных банков, гарантированная ч. 1 ст. 16.1 Закона о защите прав потребителей [2], либо полностью отсутствует, либо крайне затруднена [8, с. 16–26]. Такая практика, по сути, подменяет деятель-

ность владельца агрегатора информацией о товарах деятельностью лица, осуществляющего платежи, в целях обхода специального регулирования [9, с. 12–25].

Даже в тех случаях, когда прокуратура выявляет нарушения и обращается в суд, результат не всегда оказывается положительным. Арбитражный суд Петербурга и Ленобласти отказал в удовлетворении иска прокуратуры Ленинградской области о взыскании 15 млн рублей с лиц, ранее признанных виновными в незаконной банковской деятельности (ст. 172 УК РФ). Причиной отказа стало то, что в исковом заявлении не были указаны конкретные сделки, к которым подлежат применению положения ст. 169 ГК РФ, а сама позиция прокуратуры сводилась к тому, что приговор по уголовному делу является безусловным основанием для привлечения к гражданско-правовой ответственности [11, с. 4–36]. Данный случай демонстрирует недостаточную проработку прокурорами гражданско-правовых механизмов защиты и необходимость повышения квалификации в этой области.

С учётом выявленных проблем можно сформулировать несколько стратегических направлений совершенствования прокурорского надзора в рассматриваемой сфере.

Вместо реагирования на уже поступившие жалобы прокуратуре целесообразно внедрять элементы предиктивной аналитики: на основе данных Банка России, Росфинмониторинга и бюро кредитных историй заблаговременно выявлять зоны повышенного риска. Особого внимания требуют сегменты микрофинансирования и потребительского кредитования, где количество жалоб стабильно высоко [14, с. 8–12].

Необходимо создание постоянно действующих межведомственных рабочих групп с участием прокуратуры, Банка России, Роспотребнадзора и Росфинмониторинга. Обучающие семинары, подобные проведённому в феврале 2025 года на базе Университета прокуратуры РФ, уже продемонстрировали эффективность такого формата: участники рассмотрели вопросы выявления и расследования преступлений, связанных с незаконными финансовыми операциями, реагирования на факты легализации доходов, защиты потерпевших, развития правовой и финансовой грамотности населения.

Прокуратуре необходимо активнее применять цифровые технологии для мониторинга финансового рынка. Современные ИТ-решения позволяют в автоматизированном режиме выявлять признаки нелегальной деятельности, анализировать типовые условия договоров на предмет наличия положений, ущемляющих права потребителей (подсудность по месту нахождения банка, право на одностороннее изменение процентной ставки и т. п.) [7, с. 18–43].

Институт финансового уполномоченного, введенный Федеральным законом № 123-ФЗ [4], уже доказал свою востребованность. Финансовый уполномоченный в досудебном порядке рассматривает обращения потребителей о взыскании с финансовых организаций денежных сумм в размере не более 500 тыс. руб., а также споры, возникающие из нарушения страховщиками порядка осуще-

ствления страхового возмещения. Обращение к финансовому уполномоченному является обязательной стадией перед обращением в суд, а его решения обязательны для финансовых организаций [4, ст. 15–17]. В перспективе прокуратура могла бы выступать инициатором расширения компетенции финансового уполномоченного, а также использовать его материалы в качестве основания для принятия мер прокурорского реагирования.

Профилактика правонарушений должна стать приоритетом прокурорской деятельности. Целесообразно расширение практики проведения личных приёмов граждан совместно с представителями Банка России (как это было организовано прокуратурой Смоленской области в ноябре 2025 года), публикация разъяснительных материалов на официальных интернет-ресурсах прокуратуры по образцу информационных писем, выпускаемых прокуратурой города Москвы, регулярное проведение «круглых столов» с участием общественных организаций, банковских ассоциаций и образовательных учреждений.

Сравнительно-правовой анализ показывает, что российское законодательство в сфере защиты прав потребителей финансовых услуг не лишено пробелов и нуждается в совершенствовании. Как справедливо отмечал французский юрист Марк Ансель, «зарубежный опыт открывает перед юристом новые горизонты, позволяет ему лучше узнать право своей страны, ибо специфические черты этого права особенно отчётливо выявляются в сравнении с другими системами». В частности, заслуживает внимания британская модель, предполагающая тесное взаимодействие специализированного финансового омбудсмена с надзорными органами, а также американский опыт функционирования независимого Бюро финансовой защиты потребителей.

Проведённый анализ позволяет сделать вывод о том, что прокурорский надзор в сфере защиты прав потребителей финансовых услуг, обладая солидной нормативной базой и значительным правозащитным потенциалом, реализуется сегодня недостаточно эффективно. Основными причинами являются структурная диспропорция выявляемых нарушений, высокая латентность и мимикрия нелегальных практик, дефицит межведомственного взаимодействия, низкая правовая грамотность населения и адаптация правонарушителей к традиционным формам надзора.

Направления развития, предложенные в настоящей статье — переход к риск-ориентированной модели надзора, углубление межведомственной координации, цифровизация аналитического инструментария, укрепление института финансового уполномоченного, системная профилактическая работа и адаптация позитивного зарубежного опыта — призваны способствовать формированию более эффективной и устойчивой системы защиты прав потребителей финансовых услуг. Реализация этих мер требует скоординированных усилий как органов прокуратуры, так и иных участников системы финансового регулирования и контроля, а также постоянного мониторинга правоприменительной практики.

Литература:

1. О прокуратуре Российской Федерации: Федеральный закон от 17.01.1992 № 2202-1 (ред. от 25.12.2023) // Собрание законодательства РФ. — 1995. — № 47. — Ст. 4472.
2. О защите прав потребителей: Закон РФ от 07.02.1992 № 2300-1 (ред. от 04.08.2023) // Ведомости СНД и ВС РФ. — 1992. — № 15. — Ст. 766.
3. О потребительском кредите (займе): Федеральный закон от 21.12.2013 № 353-ФЗ (ред. от 29.12.2025) // Собрание законодательства РФ. — 2013. — № 51. — Ст. 6673.
4. Об уполномоченном по правам потребителей финансовых услуг: Федеральный закон от 04.06.2018 № 123-ФЗ (ред. от 29.12.2025) // Собрание законодательства РФ. — 2018. — № 24. — Ст. 3390.
5. Прокуратура Воронежской области. О результатах проверки управления Роспотребнадзора по Воронежской области [Электронный ресурс] // Официальный сайт прокуратуры Воронежской области. — 16.04.2026. — URL: https://epp.genproc.gov.ru/ru/proc_36 (дата обращения: 07.05.2026).
6. Банк России. Информационное письмо от 27.10.2025 № ИН-03-59/105 «О типичных негативных практиках информирования потребителей о финансовых услугах» // СПС «КонсультантПлюс».
7. Прокуратура Астраханской области. В деятельности Банка ВТБ 24 выявлены нарушения закона при потребительском кредитовании граждан [Электронный ресурс] // Официальный сайт прокуратуры Астраханской области. — URL: https://epp.genproc.gov.ru/ru/proc_30/ (дата обращения: 07.05.2026).
8. Московское общество защиты потребителей. Обращение в Генеральную прокуратуру о систематических нарушениях прав потребителей банками [Электронный ресурс] // ТАСС. — 24.11.2025. — URL: <https://tass.ru/ekonomika/25708407> (дата обращения: 07.05.2026).
9. Общество защиты потребителей пожаловалось в Генпрокуратуру на российские банки // Коммерсантъ. — 2025. — 24 нояб. — С. 12–25.
10. Отделение по Тюменской области Уральского главного управления ЦБ РФ. Информация о трендах нелегальной деятельности на финансовом рынке [Электронный ресурс] // Официальный сайт администрации г. Пыть-Ях. — 14.01.2025. — URL: <https://adm.gov86.org> (дата обращения: 07.05.2026).
11. Маракулин Д. Прокуратура Ленобласти проиграла спор о взыскании 15 млн рублей с обнальщиков // Деловой Петербург. — URL: <https://www.dp.ru/a/2026/05/06/prokuratura-lenoblasti-proigrala> (дата обращения: 07.05.2026).
12. Банк России. Статистика обращений в Банк России за 2023 год: годовой отчёт. — М., 2024. — С. 34–36.
13. Управление Роспотребнадзора по Тульской области. Туляки стали чаще жаловаться на работу финансовых организаций // Аргументы и факты — Тула. — 2026. — 12 марта. — С. 6–10.
14. Прокуратура Пензенской области. Прокуроры принимают меры к защите прав граждан в кредитно-банковской сфере [Электронный ресурс] // Официальный сайт прокуратуры Пензенской области. — 17.02.2025. — URL: https://epp.genproc.gov.ru/ru/proc_58/ (дата обращения: 07.05.2026).

Отдельные вопросы раздела общего имущества при наличии брачного договора

Шадрина Дарья Алексеевна, студент

Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина

В статье анализируются правовые и практические аспекты заключения брачного договора при разделе общего имущества. Рассматриваются правовые основы брачного договора (ст. 256 ГК РФ, ст. 34, 42 СК РФ), состав общего имущества супругов, а также спорные вопросы: возможность изменения режима добрачного имущества, включение условий на случай смерти, определение долей пережившему супругу (п. 4 ст. 256 ГК РФ). Особое внимание уделено основаниям недействительности брачного договора: нарушение нотариальной формы, постанова одного из супругов в крайне неблагоприятное положение (п. 2 ст. 44 СК РФ), мнимость и притворность сделки.

Ключевые слова: раздел общего имущества, брачный договор, крайне неблагоприятное положение, фиктивный брачный договор, размер доли в общем имуществе.

В настоящее время наблюдается тенденция значительного роста количества брачных договоров в России. Данная процедура становится все более распространенной, что подтверждают данные Федеральной нотари-

альной палаты, согласно которым в 2025 году было заключено 255,2 тысячи брачных договоров при заключении 1 миллиона браков. В 2024 году их количество составило 109,3 тысячи, таким образом заключение брачных дого-

воров стало на 133,3 % процента больше, чем в прошлый год. Супруги желают установить договорной режим общего имущества, чтобы обезопасить себя и предотвратить споры в будущем.

Однако наличие брачного договора может нести определенные риски, если он будет неправильно оформлен, так как он должен быть заключен в письменной форме и нотариально удостоверен. Несоблюдение предусмотренной законом формы ведет к его недействительности. Если брачный договор ставит одну из сторон в крайне неприятное положение при разделе общего имущества он может быть отменен.

Особенно следует обратить внимание, что при признании брачного договора недействительным, он считается таковым с момента его заключения, в следствие чего режим общего имущества становится законным и делится поровну между супругами.

В соответствии со ст. 256 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ) и ст. 34 Семейного кодекса Российской Федерации (далее — СК РФ) имущество, нажитое супругами во время брака, является их совместной собственностью, если брачным договором между ними не установлено иное. Брачный договор представляет собой инструмент, позволяющий заменить законный режим имущества супругов договорным, установив режим совместной, долевой или раздельной собственности в отношении всего имущества супругов, его отдельных видов либо имущества каждого из супругов (п. 1 ст. 42 СК РФ).

Согласно позиции Гришаева С. П., под общим имуществом супругов признаётся всё, что нажито во время брака на общие доходы: любые вещи, недвижимость, ценные бумаги, паи, банковские вклады, доли в капитале организаций и другое имущество. Не имеет значения, на имя кого из супругов оно приобретено и кто именно платил. К общему имуществу также относятся все денежные поступления супругов — зарплата, премии, пенсии, дивиденды, комиссионные, арендная плата, рента, пособия, вознаграждения за изобретения, патенты, авторские гонорары, а также лотерейные выигрыши. [1, с. 187].

В науке есть спорный вопрос о возможности распространения брачного договора на имущество до брака. Например, в соответствии с превалирующей точкой зрения брачный договор может изменить правовой режим имущества, принадлежавшего одному из супругов до брака. Таким образом, в брачный договор можно включить условие, в соответствии с которым имущество, принадлежавшее одному из супругов до брака, становится их совместной собственностью. Так, по мнению А. В. Вишняковой, по брачному договору квартира мужа может перейти в общую долевую (совместную) собственность.

Тем не менее, есть и другая точка зрения. Т. И. Зайцева считает, что ст. 256 ГК РФ не предусматривает возможности подобного изменения правового режима собственности [2, с. 16]. При этом нормы указанной статьи являются императивными.

Иногда супруги пытаются включить в содержание брачного договора условия по распоряжению имуществом на случай своей смерти. Такие условия можно толковать, как завещание, в силу чего они недопустимы в брачном договоре, поскольку его условия не должны противоречить нормам наследственного права. Однако определение наследственной массы в случае смерти одного из супругов будет зависеть от избрания правового режима имущества. Очевидно, что из имущества, являющегося раздельной собственностью супругов, не должна предварительно выделяться доля пережившего супруга. Однако применительно к общей собственности п. 4 ст. 256 ГК РФ устанавливает: в случае смерти одного из супругов пережившему супругу принадлежит доля в праве на общее имущество, и эта доля может превышать одну вторую, если иное было определено брачным договором.

При этом определение размера долей не рассматривается в качестве наследственного распоряжения, хотя может возникнуть ощущение, что брачный договор в таком случае используется для передачи доли в праве на общее имущество супругов пережившему супругу в обход норм о наследовании. В действительности этого не происходит, так как режим общей совместной собственности предполагает неопределенность размера долей, а значит, непосредственного перехода какого-либо объекта от умершего супруга к пережившему не происходит, поскольку общее имущество принадлежит каждому из супругов. Таким образом, законодатель позволяет определять размер долей в праве на общее имущество супругов на случай смерти одного из них.

Продолжая рассматривать проблемные вопросы, связанные с разделом совместного имущества супругов, обратимся к Постановлению Пленума Верховного Суда РФ от 05.11.1998 N 15 (ред. от 06.02.2007) «О применении судами законодательства при рассмотрении дел о расторжении брака» в п. 15 сказано, что, если брачным договором изменен установленный законом режим совместной собственности, то суду при разрешении спора о разделе имущества супругов необходимо руководствоваться условиями такого договора.

Существенными особенностями по мнению Богдановой Е. Е. в брачном договоре является признание его недействительным [3, с. 112], что в силу п. 3 ст. 42 СК РФ условия брачного договора о режиме совместного имущества, которые ставят одного из супругов в крайне неблагоприятное положение (например, один из супругов полностью лишается права собственности на имущество, нажитое супругами в период брака), могут быть признаны судом недействительными по требованию этого супруга.

В законе вопрос понятия неблагоприятного положения не решён. Мнение учёных на этот счёт неоднозначно. Кабышев О. А. считает, что в крайне неблагоприятном положении оказывается супруг, если в брачном договоре предусмотрено условие, по которому в случае расторжения брака супруг-инициатор развода передаёт всю свою недвижимую собственность (квартиру, земельный участок

и т. д.) другому супругу [4, с. 72]. Пчелинцева Л. М. полагает, «брачный договор в такой ситуации следует квалифицировать как разновидность кабальной сделки» [5, с. 213].

В рамках одного из разбирательств Верховный Суд РФ отклонил требование о признании брачного договора недействительным. Суд мотивировал это отсутствием доказательств того, что условия договора поставили одного из супругов в крайне неблагоприятное положение. При этом он разъяснил, что само по себе неравное распределение имущества не является достаточным основанием для аннулирования брачного договора. Тем не менее, суд отметил, что брачный договор не должен создавать для одного из супругов крайне невыгодные условия, например, за счет существенной непропорциональности в разделе общего имущества. В рассматриваемом же деле, по заключению суда, существенной непропорциональности в распределении имущества между супругами не было выявлено.

После введения обязательной нотариальной формы изменилась практика Росреестра в признании самостоятельными соглашений об определении долей. Письмом от 31.03.2016 Росреестра разъяснил следующее: соглашение об определении долей в общем имуществе супругов является соглашением о разделе общего имущества, нажитого супругами в период брака, которое, равно как и брачный договор, должно быть нотариально удостоверено (ст. 38 и 41 СК РФ). Таким образом, позиция Росреестра свелась к тому, что соглашение об определении долей не носит характера самостоятельного договора, прекращающего режим общей собственности супругов на совместно нажитое имущество.

Рассматривая вопрос признания брачного договора, как кабальной сделки, предусмотренной в ст. 179 ГК РФ, неправомерен поскольку для признания недействительным брачного договора, ставящего одного из супругов в крайне неблагоприятное положение, не требуется наличия обязательных для применения ст. 179 ГК РФ условий: 1) стечения тяжелых обстоятельств для одного из супругов, 2) использования их другим супругом при определении условий договора. Супруг может подписать брачный договор на крайне невыгодных для себя условиях не в связи с тяжелым имущественным положением, а в силу доверчивости, отсутствия жизненного

опыта и т. п. Также считает Гришаев С. П. говоря, что в чистом виде кабальная сделка применительно к брачному договору вряд ли возможна. Это объясняется тем, что брачный договор по своей правовой природе является безвозмездной сделкой и здесь нет встречного предоставления [1, с. 231]. Таким образом, в данной ситуации будет применяться положение п. 2 ст. 44 СК РФ, в силу которого суд по требованию одного из супругов вправе также признать брачный договор недействительным полностью или в частично, если его условия ставят этого супруга в крайне неблагоприятное положение.

Имеют место случаи заключения фиктивных брачных договоров, заключенных с целью не урегулировать имущественные отношения супругов, а избежать обращения взыскания на общее имущество. Такие договоры можно рассматривать как мнимые сделки

Так, при рассмотрении одного из судебных дел в городе Истра Московской области № 2–1149/2021 от 29 июля 2021 выяснилось, что ответчик, являясь должником истца на крупную сумму, заключил нотариально удостоверенный брачный договор со своей супругой. Брачным договором с даты его заключения был изменен законный режим совместной собственности ответчика и его супруги и введен договорный режим раздельной собственности на все их имущество. По условиям брачного договора ответчик передал своей супруге право собственности на все то имущество, на которое по действующему законодательству могло быть обращено взыскание в связи с исполнением решения суда. Суд справедливо расценил подобный договор как ничтожную сделку, нарушающую требования закона или иного правового акта (ст. 168 ГК).

В завершение следует отметить, что брачный договор — это эффективный, но требующий осторожного обращения инструмент регулирования имущественных отношений супругов. При его составлении необходимо учитывать не только формальные требования закона, но и риск признания сделки недействительной по основаниям мнимости или притворности. Поэтому каждому, кто решил воспользоваться данным правовым механизмом, следует обратиться за квалифицированной юридической помощью — это поможет избежать как крайне неблагоприятных условий для себя, так и последующего оспаривания договора в суде.

Литература:

1. Гришаев, С. П. Семейное право. / С. П. Гришаев. — 2-е издание. — М.: Проспект, 2018. — 276 с.
2. Зайцева Т. И. Семейное право в нотариальной практике // Бюллетень нотариальной практики. 2002. № 1. С. 16.
3. Богданова Е. Е. Спорные вопросы раздела имущества супругов / Е. Е. Богданова. — Текст: электронный // CyberLeninka: [сайт]. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/spornye-voprosy-razdela-imuschestva-suprugov/viewer> (дата обращения: 24.04.2026).
4. Кабышев О. А. Личные и имущественные права и обязанности супругов. — М., 1998. — С 106.
5. Пчелинцева Л. М. Семейное право России: учебник/Л. М. Пчелинцева. — 6-е изд., перераб. — М.: Норма: ИНФРА-М, 2014. — 720 с.

Особенности ольфакторной экспертизы в криминалистике

Шуваева Полина Дмитриевна, студент

Научный руководитель: Овчаренко Игорь Анатольевич, кандидат юридических наук, доцент
Северо-Кавказский федеральный университет (г. Ставрополь)

Ольфакторная экспертиза, предметом исследования которой являются запаховые следы человека, проводится в нашей стране уже более сорока лет, но при этом признается одним из противоречивых явлений криминалистики. Следует отметить, что ольфакторная экспертиза часто именуется одорологической. Указанное исследование представляет собой идентификацию конкретного лица, являющегося подозреваемым или обвиняемым в совершении преступления, путем сопоставления запахового следа с места совершения преступного посягательства и запаха индивида при использовании обоняния собак-детекторов. [1]

Результаты ольфакторной экспертизы особенно успешно способствуют расследованию сложных преступлений, например, преступления против половой свободы либо же посягательства на жизнь человека. Запаховые следы человека могут быть получены в результате исследования крови, при обнаружении потожировых выделений. Самым идеальным источником информации для проведения экспертизы являются личные вещи преступника — нательная или верхняя одежда, головной убор, маска, которые длительное время находились с ним, однако, были утеряны на месте преступления.

Конечно, человек самостоятельно не сможет определить принадлежность запахового следа конкретному преступнику, именно для этой функции используются собаки-детекторы. Не секрет, что они обладают сверхразвитым обонянием, более того, собаки способны различать принадлежность запаховых следов. Механизм достаточно простой — собаке дают понюхать разные запахи и в случае совпадения она подает сигнал.

Однако, проведение запаховых исследований сталкивается с некоторыми проблемными аспектами, в том числе, результаты ольфакторной экспертизы могут носить недостоверный характер, если, например, изъятие следа было произведено не в специальную тару, а в полиэтиленовый пакет, либо если неправильно был выполнен сбор воздуха. Также повлиять на исследование может одновременное собирание сразу нескольких запахов, поскольку запаховые следы человека обладают идентичными свойствами с другими запахами — летучесть, смешиваемость, диффузия. Однако, имеются и специальные свойства одорологических следов человека, в частности, подвижность структуры, непрерывность механизма образования, делимость и т. д.

Данные обстоятельства порождают дискуссии о том действительно ли результаты ольфакторной экспертизы можно признать достоверными, можно ли использовать их как основание для признания лица виновным в со-

вершении преступления? Особенно в контексте высоких рисков случайных ошибок, которые находятся вне зоны контроля специалиста. Кроме того, высказываются позиции исследователей, ставящие под сомнение психофизиологическое состояние собак, которые непосредственно обнюхивают пробы, поскольку собака принимает на себя роль эксперта и решает судьбу человека.

Однако, сторонники одорологических исследований указывают, что собака не обладает специальными познаниями, а представляет собой инструмент для работы эксперта. При написании заключения учитывается не только реакция и поведения собаки, но и порядок изъятия пробы воздуха, особенности ее хранения, использования, а также действия кинолога. А. А. Койсин отмечает, что за прошедшие годы ольфакторные исследования получили авторитетные подтверждения научной обоснованности результатов и используемых методик, также разработаны системы контроля над сигнальным поведением собак. [2]

Ольфакторная экспертиза являлась решающим фактором в признании виновным подзащитного адвоката Н. С. Гаспаряна в Ставропольском крае в 2010 году. [3] Тогда собака должна была определить тождественность запаховых следов, изъятых на шапке потенциального преступника, который ее обронил на месте преступления, и запаха лиц, представленных для проведения экспертизы. Как результат — собака с вероятностью почти 100 % установила принадлежность запаховых следов обвиняемому. Адвокат сначала ходатайствовал об исключении экспертного заключения из доказательств, затем просил вызвать эксперта в судебное заседание, однако суд отказал во всех требованиях. В итоге обвиняемый был признан виновным, а приговор устоял в кассации.

В данное время судебная практика такова, что результат ольфакторной экспертизы не может быть единственным и самостоятельным доказательством вины. Верховный Суд РФ обратил внимание на то, что заключение специалиста данного вида экспертизы не является достаточным основанием для признания виновности в конкретном преступлении, эксперт лишь подтверждает или не подтверждает наличие контакта жертвы и подсудимого. [4] Поскольку в рамках уголовного дела не было представлено иных доказательств вины в совершении разбойного нападения, приговор был отменен. При этом, несмотря на то, что суд высшей инстанции не признал за выводом ольфакторной экспертизы решающего значения, полагаем, что результат проведенного исследования может побудить преступника признаться в совершении преступного посягательства.

В другом уголовном деле, в связи с совершением осужденным убийства, Верховный Суд РФ подтвердил достоверность выводов ольфакторной экспертизы, поскольку полученный результат в полной мере согласовывался с проведенной молекулярно-генетической экспертизой, что явилось основанием для отказа в проведении повторного исследования запаховых следов. [5]

Определенным особенностью ольфакторных экспертиз является тот факт, что происходящие физиологические процессы в теле человека выделяют запаховые следы, которые впитываются в поверхности буквально за несколько минут, например, когда человек волнуется. Кроме того, преимуществом является то, что заинтересованному лицу будет достаточно сложно заменить запаховый след или замаскировать его. На наш взгляд, особой привлекательностью отличается ольфакторная экспертиза ввиду ее дополнительных возможностей, которые не имеются у иных видов исследований, в частности, анализируемая экспертиза может различить запаховые следы монозиготных близнецов, причем указанные лица всегда одного пола, имеют одну группу крови и практически идентичную ДНК. Также к числу особенностей следует

отнести то, что запаховый след индивида является уникальным, устойчивым и, как правило, не изменяется в течение жизни.

Ольфакторная экспертиза, несмотря на свою внушительную историю, не стоит на месте и совершенствуется, в том числе, одним из направлений является разработка новых методов анализа запахов. Таким новшеством является газовая хроматография, сущность которой заключается в исследовании летучих смесей посредством их разделения на подвижные газовые фазы и неподвижные, в результате чего эксперты получают хроматограмму, содержащую состав запахового следа.

Таким образом, ольфакторной экспертизе отведена особая роль в криминалистике при расследовании преступлений, так как ее производство позволяет установить такие обстоятельства, которые не под силу иным экспертным исследованиям. Перспективным видится, для успешного применения ольфакторной экспертизы на практике, создание базы данных с образцами запаховых профилей. Кроме того, требуется разработка единых стандартов, которые урегулируют порядок выявления, сбора, хранения, анализа и интерпретации запаховых следов.

Литература:

1. Татаринова А. С. Ольфакторная экспертиза: современные методы исследования запаховых следов // Современность в творчестве начинающего исследователя. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. — 2025. — С. 356.
2. Койсин А. А. Оценка заключения ольфакторной (одорологической) экспертизы // Криминалистические чтения на Байкале — 2025. Материалы международной научно-практической конференции, посвященной 100-летию со дня рождения проф. В. И. Шиканова. — 2025. — С. 63.
3. Три собачьих сердца // [Электронный ресурс]. — URL: <https://pravorub.ru/articles/9864.html>. — (Дата обращения: 20.04.2026).
4. Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 21.08.2019 г. № 5-АПУ19-59 // [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.consultant.ru>. — (Дата обращения: 20.04.2026).
5. Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 05.04.2022 г. № 9-УД22-1-А4 // [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.consultant.ru>. — (Дата обращения: 20.04.2026).

Мировое соглашение как основание для прекращения исполнительного производства в отношении организации-должника: преимущества и недостатки

Юсупова Мария Константиновна, студент магистратуры

Дальневосточный институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России) (г. Хабаровск)

В статье анализируется институт мирового соглашения как основания для прекращения исполнительного производства в отношении юридических лиц. Рассматриваются правовые механизмы заключения мирового соглашения на стадии принудительного исполнения судебных актов, выявляются ключевые преимущества для организации-должника (экономия ресурсов, сохранение деловой репутации, контроль над процедурой) и существенные недостатки (отсутствие гарантий добросовестности взыскателя, процессуальные риски, проблемы утверждения по отдельным видам исполнительных документов).

Ключевые слова: мировое соглашение, исполнительное производство, организация-должник, принудительное исполнение, преимущества и недостатки, судебный пристав-исполнитель, Федеральный закон № 229-ФЗ.

Проблема статьи: отсутствие единообразной судебной практики и чётких законодательных критериев утверждения мирового соглашения на стадии исполнительного производства в отношении организаций-должников, особенно по исполнительным документам несудебного характера (исполнительная надпись нотариуса). Пути разрешения: внесение изменений в Закон № 229-ФЗ, приостановление исполнительного производства на период утверждения соглашения, включение в соглашение условий о последствиях неисполнения, а также выработка разъяснений Верховного Суда РФ.

Исполнительное производство в отношении организации-должника традиционно сопряжено с рядом негативных последствий: арест счетов, обращение взыскания на имущество, репутационные потери, законодательство предоставляет сторонам возможность прекратить принудительное исполнение на добровольной основе путем заключения мирового соглашения, в соответствии с п. 3 ч. 2 ст. 43 Федерального закона от 02.10.2007 № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» (далее — Закон № 229-ФЗ), утверждение судом мирового соглашения между взыскателем и должником является самостоятельным основанием для прекращения исполнительного производства [1, ст. 43].

Цель — исследовать преимущества и недостатки мирового соглашения как способа прекращения исполнительного производства в отношении юридического лица, выработать рекомендации по минимизации выявленных рисков.

В соответствии с ч. 1 ст. 50 Закона № 229-ФЗ до окончания исполнительного производства стороны вправе заключить мировое соглашение, соглашение о примирении, утверждаемые в судебном порядке [1, ст. 50]. Мировое соглашение заключается в письменной форме и передается на утверждение суда, вынесшего решение, на основании которого возбуждено исполнительное производство [2].

Из п. 19 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 17.11.2015 № 50 «О применении судами законодательства при рассмотрении некоторых вопросов, возникающих в ходе исполнительного производства», мировое соглашение, не исполненное добровольно, подлежит принудительному исполнению на основании исполнительного листа, выдаваемого судом по ходатайству стороны соглашения, отсутствие сведений о неисполнении условий мирового соглашения не является основанием для отказа суда в выдаче исполнительного листа — обстоятельства, связанные с исполнением, подлежат выяснению в ходе исполнительного производства [3].

Прекращение мер принудительного исполнения, с момента утверждения соглашения снимаются аресты с расчетных счетов, отменяются запреты на регистрационные действия в отношении активов.

Экономия на исполнительском сборе, по ст. 112 Закона № 229-ФЗ исполнительский сбор является денежным взысканием, налагаемым на должника в случае неисполнения исполнительного документа в срок, установленный для добровольного исполнения [1, ст. 112]. С 2026 года размер исполнительского сбора увеличен: Федеральным законом от 29.12.2025 № 563-ФЗ размер сбора повышен с 7 до 12 процентов от подлежащей взысканию суммы или стоимости взыскиваемого имущества. Минимальный сбор для организации-должника увеличен с 10 000 до 20 000 рублей, в случае неисполнения исполнительного документа неимущественного характера — с 50 000 до 100 000 рублей [4].

Заключение мирового соглашения позволяет избежать взыскания сбора в полном объеме, что при значительных суммах задолженности дает существенную экономию.

Сохранение деловой репутации, факт нахождения организации в реестре исполнительных производств может быть обнаружен контрагентами и банками. Прекращение производства по мировому соглашению снимает статус должника, что положительно влияет на деловой имидж организации.

Возможность реструктуризации задолженности: Взыскатель, осознавая риски затягивания торговли арестованным имуществом и низкой ликвидности активов, часто соглашается на рассрочку, отсрочку или прощение части долга в обмен на немедленный частичный платеж.

Недостатки:

- Отсутствие гарантий окончательного прекращения обязательства, в случае, если должник не исполняет мировое соглашение добровольно, взыскатель вправе обратиться в суд за выдачей исполнительного листа на принудительное исполнение условий соглашения, последствием неисполнения в добровольном порядке мирового соглашения, утвержденного на стадии исполнительного производства, является возобновление исполнительного производства по заявлению взыскателя или инициативе судебного пристава-исполнителя [5].

- Проблема утверждения мирового соглашения по отдельным видам исполнительных документов. В правоприменительной практике сохраняется противоречивый подход к возможности заключения и утверждения судом мирового соглашения в рамках исполнительного производства, возбужденного на основании исполнительной надписи нотариуса. Часть судов исходит из того, что мировое соглашение допустимо на любой стадии принудительного исполнения, включая исполнение нотариальной надписи. Другая позиция заключается в том, что нотариальная исполнительная надпись не является судебным актом, а потому отсутствует механизм её пересмотра или урегулирования спора путём мирового соглашения в суде, выдавшем исполнительный документ. В ответе Минюста

России на обращение НСФР подтверждено, что законодательство не устанавливает приоритетов исполнительных документов, однако единообразная судебная практика по данному вопросу до сих пор не сформирована, что создаёт риски для должника-организации [6], Арзгирский районный суд Ставропольского края определением от 31.01.2025 утвердил мировое соглашение по исполнительному производству, возбуждённому на основании исполнительной надписи нотариуса, указав, что действующее законодательство не устанавливает каких-либо исключений по видам исполнительных документов. Аналогичный подход отражён в апелляционном определении Тюменского областного суда от 10.01.2024 по делу № 33–338/2024, где суд прямо указал, что право на заключение мирового соглашения на стадии исполнительного производства предоставлено сторонам вне зависимости от природы исполнительного документа, встречается и противоположная судебная позиция, Усманский районный суд Липецкой области в апелляционном определении от 09.06.2022 по делу № 11–14/2022 отказал в утверждении мирового соглашения в рамках исполнительного производства, возбуждённого по исполнительной надписи нотариуса, сославшись на отсутствие доказательств возбуждения исполнительного производства.

– Процессуальная затяжка, с момента подписания соглашения сторонами до его утверждения судом может пройти значительное время, исполнительное производство формально не прекращено, и судебный пристав-исполнитель вправе продолжать применять принудительные меры.

– Риск оспаривания мирового соглашения, соглашение может быть обжаловано третьими лицами, чьи права нарушены (например, конкурсным кредитором при последующем банкротстве), мировое соглашение не должно противоречить закону и нарушать права и интересы других лиц — в противном случае суд его не утвердит [7].

Форма и содержание мирового соглашения имеют практическое значение, мировое соглашение заключается только в письменной форме и подписывается сторонами или их представителями. Право на заключение мирового соглашения должно быть прямо оговорено в доверенности представителя; в противном случае, если выяснится, что представитель не имел полномочий, определение о прекращении производства по делу может быть отменено.

Мировое соглашение обязательно должно содержать сведения об условиях, о размере и о сроках исполнения обязательств сторонами друг перед другом. В соглашение могут быть включены дополнительные условия: об отсрочке или рассрочке исполнения обязательств ответчиком, о распределении судебных расходов.

Для должника, принимающей решение о заключении мирового соглашения, надо применить следующее:

Тщательная проверка полномочий представителя взыскателя на заключение мирового соглашения, полномочие

на заключение мирового соглашения должно быть прямо предусмотрено в доверенности.

Четкое определение последствий неисполнения соглашения каждой из сторон.

Инициирование перед судебным приставом-исполнителем вопроса о приостановлении исполнительных действий на период рассмотрения вопроса об утверждении мирового соглашения в соответствии со ст. 40 Закона № 229-ФЗ.

Учет изменений законодательства об исполнительском сборе. С 2026 года размер сбора повышен до 12 % (минимум 20 000 рублей для организации) [4], поэтому экономический эффект от заключения мирового соглашения стал еще более значительным.

Оценка риска признания соглашения нарушающим права третьих лиц при последующем банкротстве.

Подводя итог проведённому анализу, можно сделать следующие выводы. Мировое соглашение на стадии исполнительного производства представляет собой эффективный, но не лишённый рисков инструмент прекращения принудительного взыскания в отношении организации-должника. Ключевыми преимуществами для юридического лица выступают экономия на исполнительском сборе (с 2026 года — 12 % от суммы долга), сохранение деловой репутации за счёт исключения организации из реестра исполнительных производств, а также возможность реструктуризации задолженности на согласованных с взыскателем условиях.

Однако практика применения мирового соглашения на стадии исполнения выявляет и существенные недостатки. Главным из них является отсутствие гарантий окончательного прекращения обязательства: в случае неисполнения должником условий соглашения взыскатель вправе получить новый исполнительный лист, и производство возобновляется. Особую проблему представляет неединообразный подход судов к утверждению мировых соглашений по исполнительным документам несудебного характера, в частности по исполнительным надписям нотариуса, где до сих пор не сформирована единая судебная практика. Наконец, сохраняется риск оспаривания мирового соглашения третьими лицами, чьи права оно может нарушать, что особенно актуально при последующем банкротстве должника.

Для минимизации выявленных рисков организации-должнику рекомендуется включать в мировое соглашение чёткие условия о последствиях неисполнения каждой из сторон, инициировать приостановление исполнительных действий на период утверждения соглашения судом (ст. 40 Закона № 229-ФЗ), а также тщательно проверять полномочия представителя взыскателя на заключение мирового соглашения. Внесение в законодательство изменений, направленных на унификацию порядка утверждения мировых соглашений по всем видам исполнительных документов, а также выработка соответствующих разъяснений Верховного Суда РФ позволят повысить эффективность данного института и снизить процессуальные риски для сторон.

Литература:

1. Федеральный закон от 02.10.2007 № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» // Собрание законодательства РФ. — 2007. — № 41. — Ст. 4849.
2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 17.11.2015 № 50 «О применении судами законодательства при рассмотрении некоторых вопросов, возникающих в ходе исполнительного производства» // Российская газета. — 2015. — № 272.
3. Апелляционное определение Тюменского областного суда от 10.01.2024 по делу № 33–338/2024 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
4. Определение Арзгирского районного суда Ставропольского края от 31.01.2025 по делу об утверждении мирового соглашения по исполнительному производству, возбужденному на основании исполнительной надписи нотариуса // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
5. Апелляционное определение Усманского районного суда Липецкой области от 09.06.2022 по делу № 11–14/2022 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
6. Бератор. Форма и содержание мирового соглашения [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.berator.ru/enc/sud/40/30/10/> (дата обращения: 04.05.2026).
7. Кишертский муниципальный округ. Должник по исполнительному производству предложил заключить мировое соглашение [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://old.xn—e1aff0ak7a5a.xn—p1ai/Obshhestvo/prokuratura/meroprijatija/10566/> (дата обращения: 05.05.2026).
8. КонсультантПлюс. Неисполнение мирового соглашения на стадии исполнительного производства: подборка судебных решений за 2023 год [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://www.consultant.ru/law/podborki/ne_ispolnenie_mirovogo_soglasheniya_na_stadii_ispolnitelnogo_proizvodstva/ (дата обращения: 05.05.2026).
9. Национальный совет финансового рынка. Получен ответ Минюста России о проблемах утверждения мирового соглашения в рамках исполнительного производства, возбужденного на основании исполнительной надписи нотариуса [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://rosfinsovet.ru/informatsiya/news/poluchen-otvet-minyusta-rossii-na-obrashchenie-nsfr-o-problemakh-utverzheniya-mirovogo-soglasheniya-v-ramkakh-ispolnitelnogo-proizvodstva-vozbuzhdenного-na-osnovanii-ispolnitelnoi-nadpisi-notariusа-3309> (дата обращения: 04.05.2026).
10. Прокуратура Ленского района. Увеличен исполнительский сбор [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://sojginskoe-r29.gosweb.gosuslugi.ru/dlya-zhiteley/novosti-i-reportazhi/novosti_94.html (дата обращения: 06.05.2026).

Проблемы квалификации вымогательства

Якшина Анастасия Алексеевна, студент магистратуры
Вологодский государственный университет

В данной статье рассматриваются современные проблемы уголовной ответственности за вымогательство. Настоящая статья содержит анализ правовых пробелов в регламентации вымогательства, а также решения по преодолению проблем правоприменителей, возникающих при квалификации вымогательства. При этом отметим, что в настоящем исследовании производится анализ конкуренции смежных с вымогательством составов преступлений.

Ключевые слова: вымогательство, проблемы квалификации, смежные составы преступлений, насилие, шантаж.

Актуальность исследования

В современном уголовном законодательстве вымогательство было включено в главу, посвященную преступлениям против собственности. Актуальность исследуемой темы обусловлена тем, что, несмотря на активные меры борьбы, факты вымогательства все еще довольно распространены на практике.

Согласно официальным данным, за 2023 г. сотрудниками правоохранительных органов было выявлено 1310 фактов вымогательства, за совершение которых 1700 лиц

было осуждено к отбыванию различных видов наказаний. Указанные показатели несколько снизились по сравнению с 2022 г., когда было выявлено 1446 фактов вымогательства, за совершение которых было осуждено к отбыванию различных видов наказаний 1727 человек.

При этом в 2025 г. произошел значительный рост числа преступлений, предусмотренных ст. 163 Уголовного кодекса РФ, — 6,2 тыс. [5].

Довольно высокие количественные показатели свидетельствуют о том, что применяемые меры противодействия рассматриваемому преступлению являются недо-

статочны эффективными, в связи с чем требуется более углубленное исследование данной темы. Однако правоприменительная практика свидетельствует о значительных проблемах в конструкции состава преступления, предусмотренного ст. 163 УК РФ, что значительным образом снижает эффективность применения указанной нормы.

Отсюда можно сделать вывод об актуальности темы научной статьи.

Цель научной статьи — изучить проблемы квалификации вымогательства и предложить пути их решения.

Для достижения данной цели ставились следующие задачи:

- изучить проблемы квалификации вымогательства, сопровождающегося угрозами размещения сведений, порочащих потерпевшего или его близких, в сети Интернет;
- раскрыть особенности квалификации вымогательства, сопряженного с похищением;
- выявить отличительные признаки вымогательства от смежных составов преступлений.

Объект научной статьи — уголовная ответственность за вымогательство.

Предмет научной статьи — нормы УК РФ, руководящие и разъясняющие постановления Пленума ВС РФ, учебная и научная литература, материалы периодической печати, материалы судебной практики и т. д.

Методология исследования. При написании научной статьи использовался метод анализа, синтеза, аналитического толкования правовых норм, системный метод и иные методы, которые позволили достичь цели написания научной статьи и решить поставленные задачи.

Основная часть

Стремительное развитие информационных технологий способствовало тому, что сформировались новые электронные площадки, позволяющие свободно размещать и распространять с их помощью любую информацию. В данном случае речь идет о социальных сетях и мессенджерах, которые на практике используются не только с целью распространения познавательного контента, но и с противоправными целями.

По мнению Т. А. Плаксиной, вымогательство, которое сопровождается угрозами размещения сведений, порочащих потерпевшего или его близких, в сети Интернет, характеризуется повышенной общественной опасностью. Свою позицию автор аргументирует тем, что возможности сети Интернет позволяют распространить соответствующую информацию среди широкого круга лиц, что способно нанести существенный ущерб чести и достоинству потерпевшего [3, с. 49].

Указанная позиция представляется вполне обоснованной, в связи с чем предлагается дополнить диспозицию ч. 3 ст. 163 УК РФ новым пунктом, закрепляющим квалифицирующий признак рассматриваемого деяния: «сопряженное с угрозой распространения сведений, порочащих

потерпевшего или его близких, либо иных сведений, которые могут причинить существенный вред правам или законным интересам потерпевшего или его близких, в сети Интернет».

Определенные трудности возникают в правоприменительной практике в рамках квалификации деяний, в которых присутствуют признаки как вымогательства, так и похищения человека. По мнению О. В. Шкабуры, такие трудности обусловлены отсутствием в диспозиции ч. 1 ст. 126 УК РФ описания того, что же представляет собой похищение человека [4, с. 465].

В связи с этим обратимся к Постановлению Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24.12.2019 № 58 «О судебной практике по делам о похищении человека, незаконном лишении свободы и торговле людьми» [2], в п. 2 которого отражено, что рассматриваемое деяние подразумевает совершение следующих действий:

- незаконный захват потерпевшего;
- перемещение потерпевшего в иное место;
- удержание потерпевшего против его воли.

Незаконно удерживая потерпевшего, виновный может преследовать цель совершения иного преступления, включая в том числе и вымогательства. Указанное означает, что высшая судебная инстанция указывает на то, что иные преступления не охватываются диспозицией ст. 126 УК РФ, а значит, требуют дополнительной квалификации по соответствующей уголовно-правовой норме.

Соответственно, требования виновного по предоставлению ему денежных средств или иного имущества в качестве обмена за возврат похищенному свободы требуют дополнительной квалификации по ст. 163 УК РФ.

Для избежания трудностей в процессе квалификации деяний, представляющих собой совокупность преступлений, предусмотренных ст. 126 и ст. 163 УК РФ, представляется необходимым закрепить в диспозиции ч. 1 ст. 126 УК РФ определения похищения человека.

После внесенных изменений соответствующая уголовно-правовая норма будет выглядеть следующим образом: «похищение человека, то есть его незаконные захват, перемещение и последующее удержание против его воли». Внесение таких изменений позволит избежать трудностей в процессе квалификации указанных деяний в рамках правоприменительной практики.

Между тем, как нами уже было указано ранее, в практике имеют место сложности при отграничении вымогательства, сопряженного с насилием, от некоторых смежных составов преступлений, в частности насильственного грабежа, разбоя и самоуправства.

Несмотря на то что предметом всех этих деяний является собственность, вымогательство связано именно с посягательством на собственность или какими-либо иными действиями имущественного характера.

При этом с объективной стороны грабеж, как правило, насилием не сопровождается (исключением является квалифицированный состав, когда данное деяние может быть сопряжено с применением насилия, не опасного для

жизни или здоровья, либо с угрозой применения такого насилия), в то время как при разбое насилие обязательно (причем как в физической, так и психической форме).

Относительно вымогательства, как мы уже отмечали ранее, физическое насилие свойственно только при квалифицированном деянии. По основному составу ст. 163 УК РФ имеет место лишь его психическая форма (угроза).

Однако следует подчеркнуть, что при совершении грабежа или разбоя виновное лицо, применяя угрозу насилия, делает это для преодоления сопротивления потерпевшего с целью завладения имуществом.

Данная собственность сразу или после применения насилия переходит правонарушителю, в то время как при вымогательстве насилие применяется для перехода права собственности на определенное имущество, которое потерпевший отдаст не сразу в момент угрозы насилия, а только спустя определенное время.

При этом в случае применения непосредственного насилия при вымогательстве необходимо установить функцию его применения виновным лицом, что позволит отграничить вымогательство от смежных преступлений.

Относительно угроз стоит сказать, что они также различны. Для грабежа и разбоя это угрозы разные по характеристикам насилия; для вымогательства — угроза любым насилием, но также угроза уничтожения или повреждения чужого имущества; угроза распространения сведений, позорящих потерпевшего или его близких; угроза распространения иных сведений, которые могут причинить существенный вред правам или законным интересам потерпевшего или его близких.

Имеют место некоторые различия в субъективной стороне грабежа, разбоя и вымогательства, хотя все эти преступления и относятся к корыстным.

В свою очередь, судебная практика нам явно демонстрирует проблему отграничения вымогательства от грабежа, в силу чего нередко происходит переквалификация действий виновного лица в период рассмотрения уголовного дела в суде.

Так, в качестве примера приведем приговор Красноармейского районного суда г. Волгограда от 25.03.2015 по делу № 1–28/2015, в котором указывается, что в период судебного заседания государственный обвинитель изменил квалификацию действий подсудимых Б. Д. А., Г. П. П., Б. А. А. и А. Р. Р. и просил переквалифицировать действия Б. Д. А. и Г. П. П. с пп. «а», «в» ч. 2 ст. 163 УК РФ на пп. «а», «г» ч. 2 ст. 161 УК РФ, а действия Б. А. А. и А. Р. Р. с ч. 5 ст. 33 пп. «а», «в» ч. 2 ст. 163 УК РФ — на ч. 5 ст. 33 пп. «а», «г» ч. 2 ст. 161 УК РФ.

При этом суд с учетом материалов уголовного дела согласился с позицией государственного обвинителя, обосновывая это тем, что Б. Д. А. и Г. П. П. совершили открытое хищение чужого имущества группой лиц по предварительному сговору с угрозой и непосредственным применением насилия, а Б. А. А. и А. Р. Р. пособничали в этом [6].

В качестве еще одного примера переквалификации деяния со ст. 163 УК РФ на ст. 161 УК РФ можно указать

постановление Президиума Воронежского областного суда от 31.01.2018 № 44У-9/2018, который рассмотрел кассационную жалобу осужденного Г. А. А. на приговор Бутурлиновского районного суда.

Из показаний С. Р. А. следует, что зашедший в дом потерпевшей Г. А. А. схватил ее рукой за шею сзади, сдавил и потребовал денег, угрожая расправой в случае отказа. Держа женщину за шею, он осмотрел шкаф и, обнаружив денег, сказал, чтобы та сняла средства со своего счета в банке.

Поскольку С. Р. А. была сильно испугана, она взяла документы и на такси в сопровождении Г. А. А. поехала в банк, где по указанию последнего сняла 2000 рублей, которые преступник забрал из ее рук и ушел.

Таким образом, из показаний потерпевшей, осужденного и установленных судом фактических обстоятельств дела видно, что все инкриминированные Г. А. А. действия в отношении С. Р. А. были продиктованы единым умыслом, направленным на завладение принадлежащими потерпевшей женщине средствами. При этом насилие и угрозы применения насилия являлись средством завладения деньгами безотлагательно, а не были направлены на получение их в будущем.

Президиум считает, что вышеуказанные преступные посяательства должны быть квалифицированы по п. «г» ч. 2 ст. 161 УК РФ как грабеж, то есть открытое хищение чужого имущества, совершенное с применением насилия, не опасного для жизни и здоровья, и с угрозой применения такого насилия [7].

Между тем, как показывает мониторинг судебной практики, серьезные трудности при отграничении вымогательства от разбоя по факту отсутствуют, но существует множество примеров переквалификации вымогательства и самоуправства.

Примером здесь служит приговор Ленинского районного суда г. Кирова от 11.08.2017 по делу № 1–144/2017.

Так, с учетом результатов судебного следствия и совокупности представленных сторонами доказательств, суд приходит к выводу, что действия подсудимого В. В. В. по эпизоду Е. Д. С. должны быть переквалифицированы с п. «в» ч. 2 ст. 163 УК РФ на ч. 2 ст. 330 УК РФ, а именно на самоуправство.

К подобным действиям суд прибегает из следующих соображений: сторонами в ходе следствия не оспаривался факт наличия у В. В. В. и Е. Д. С. договорных отношений о выполнении дизайн-проекта бара-кальянной по (адрес изъят) в (адрес изъят) и факт передачи В. В. В. в качестве аванса Е. Д. С. 20000 рублей. В дальнейшем В. В. В. как заказчик посчитал, что работа Е. Д. С. не выполнена и потребовал возврата денег. Исполнитель заказа Е. Д. С. посчитал, что свои обязательства перед заказчиком он уже исполнил, и отказался вернуть деньги, после чего В. В. В., действуя самовольно и противоправно, в нарушение установленного порядка по защите предполагаемого права, под угрозой насилия и применения насилия в отношении Е. Д. С. и близких ему людей неоднократно требовал от

Е. Д. С. возврата денежных средств в той сумме, которая последнему была передана. Действиями В. В. В. при этом был причинен существенный вред Е. Д. С., выразившийся в физических и нравственных страданиях, то есть нарушении конституционных прав на личную неприкосновенность и неприкосновенность частной собственности [8].

Сложности в разграничении рассматриваемых составов преступлений обусловлены тем, что при совершении преступления лицом, его совершившим, наиболее выгодна квалификация их действий как вымогательства. При этом виновными доказывается факт, что требовали они передачи имущества на законных основаниях, то есть имели на него права.

Учитывая вышеуказанные критерии, должно осуществляться разграничение вымогательства и самоуправства. Таким образом, сделаем вывод, что в процессе отграничения вымогательства от грабежа, разбоя и самоуправства при грабеже и разбое необходимо учитывать имущественное требование виновного лица по отношению к потерпевшему и направленность угроз, а при совершении самоуправства — предмет посягательства.

Заключение

Литература:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 09.04.2026) // Собрание законодательства РФ. — 1996. — 17 июня. — № 25. — Ст. 2954.
2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.12.2019 № 58 (ред. от 09.12.2025) «О судебной практике по делам о похищении человека, незаконном лишении свободы и торговле людьми» // Российская газета. — 2019. — 31 декабря. — № 296.
3. Плаксина, Т. А. Вымогательство под угрозой распространения сведений о потерпевшем или его близких: новые проблемы квалификации / Т. А. Плаксина // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями. — 2023. — № 23–2. — С. 48–49.
4. Шкабура, О. В. Актуальные проблемы квалификации совокупности вымогательства и похищения человека / О. В. Шкабура // Актуальные проблемы экономики, управления и права: сборник материалов IV Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, посвященной памяти заслуженного деятеля науки Российской Федерации, ученого-правоведа, доктора юридических наук, профессора М. Н. Марченко. — Саратов : Издательство «Саратовский источник», 2023. — С. 464–467.
5. Уголовное судопроизводство. Общие показатели по категориям дел (2024 г.). — Текст : электронный // Судебная статистика : [сайт]. — URL: <https://stat.xn--7sbqk8achja.xn--p1ai/stats/ug/t/11/s/1> (дата обращения: 29.04.2026).
6. Приговор Красноармейского районного суда г. Волгограда от 25.03.2015 по уголовному делу № 1–28/2015. — Текст : электронный // ГАС РФ «Правосудие» : [сайт]. — URL: https://sudact.ru/regular/doc/-court=®ular-date_from=®ular-case_doc= (дата обращения: 29.04.2026).
7. Постановление Президиума Воронежского областного суда от 31.01.2018 № 44У-9/2018. — Текст : электронный // КонсультантПлюс : [сайт]. — URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=SOKI&n=350138#vgd1WJVAjFhoz1Ty> (дата обращения: 13.05.2026).
8. Приговор Ленинского районного суда г. Кирова от 11.08.2017 по уголовному делу № 1–144/2017. — Текст : электронный // ГАС РФ «Правосудие» : [сайт]. — URL: <https://bsr.sudrf.ru/bigs/portal.html?id=90889&shard=> (дата обращения: 29.04.2026).

По завершении написания научной статьи можно сделать следующие концептуальные выводы и предложения по совершенствованию законодательства:

— проведенный нами анализ правоприменительной практики позволил прийти к выводу о том, что нормы, устанавливающие уголовную ответственность за вымогательство, требуют внесения ряда изменений.

Считаем необходимым дополнить ч. 3 ст. 163 УК РФ новым квалифицирующим признаком, устанавливающим уголовную ответственность за угрозу размещения порочащих сведений в сети Интернет;

— в процессе отграничения вымогательства от грабежа, разбоя и самоуправства при грабеже и разбое необходимо учитывать имущественное требование виновного лица по отношению к потерпевшему и направленность угроз, а при совершении самоуправства — предмет посягательства;

— дополнить диспозицию ч. 1 ст. 126 УК РФ определением похищения человека. Внесение указанных изменений позволит повысить эффективность борьбы с вымогательством, как одним из наиболее общественно опасным преступлением против собственности.

ИСТОРИЯ

Первый Главковоерх. Боевой и жизненный путь великого князя Николая Николаевича Младшего

Диянов Иван Владимирович, студент
Белгородский государственный национальный исследовательский университет

История русской кавалерии и её участия в Первой мировой войне неразрывно связана с фигурой великого князя Николая Николаевича Младшего — одного из самых противоречивых и влиятельных военачальников Российской империи начала XX века [12, с. 78]. Он стал первым в истории России Верховным Главнокомандующим, однако его деятельность на этом посту до сих пор вызывает ожесточённые споры среди историков. С одной стороны, современники отмечали его энергию, волю и преданность союзническому долгу; с другой — критики указывают на стратегические ошибки, приведшие к обескровливанию русской армии. Данная статья ставит целью комплексный анализ жизненного и боевого пути великого князя Николая Николаевича, его роли в военных и политических событиях конца XIX — начала XX века.

Великий князь Николай Николаевич родился 6 ноября 1856 года в семье третьего сына императора Николая I — великого князя Николая Николаевича Старшего. Как и полагалось в семье Романовых, он с рождения был награждён всеми высшими орденами Российской империи, за исключением военных: орденами Св. Андрея Первозванного, Св. Александра Невского, Белого Орла, Св. Анны 1-й степени, Св. Станислава 1-й степени. Детство великого князя было омрачено постоянными ссорами родителей — его отца и германской принцессы Александры Петровны Ольденбургской. Отношения с отцом у Николая Николаевича Младшего также не сложились, что, по мнению историков, сформировало его своеобразный характер. Генерал Ю. Н. Данилов писал: «Производя впечатление твёрдого и волевого человека, он был на самом деле крайне впечатлительной и чувствительной натурой — неизбежное последствие бурных семейных скандалов, в которых прошло его детство... и находился под огромным влиянием своего окружения» [1, с. 27].

В 1871 году великий князь поступил юнкером в Николаевское инженерное училище, откуда 5 июля 1872 года был выпущен в чине подпоручика. В следующем году он производится в поручики, служит на низших командных должностях в учебном пехотном батальоне, а затем в ка-

валерийском эскадроне. После этого последовало обучение в Николаевской академии Генерального штаба, которую великий князь закончил в 1876 году по 1-му разряду с малой серебряной медалью. Таким образом он стал единственным членом дома Романовых, окончившим Академию Генерального штаба с отличием [9, с. 134].

Боевым крещением для молодого великого князя стала русско-турецкая война 1877–1878 годов. В действующей армии он занял пост офицера по особым поручениям при своём отце, великом князе Николае Николаевиче Старшем, который был назначен главнокомандующим русской Дунайской армией. Воспользовавшись своим статусом, Николай Николаевич Младший участвовал в рекогносцировках местности на Дунае для поиска наилучшего места переправы. Затем его прикомандировали к 14-й пехотной дивизии, сосредоточенной в районе местечка Зимница. Дивизии предстояло первой форсировать Дунай.

Великому князю повезло с наставниками. Командовал дивизией генерал М. И. Драгомиров — выдающийся русский военный теоретик и педагог, а его добровольным ординарцем и помощником был генерал М. Д. Скобелев, которому было суждено обрести славу в этой войне [9, с. 211]. В ночь на 15 июня 1877 года великий князь форсировал Дунай, а затем участвовал в штурме Систовских высот и захвате города Систово. За участие в переправе и бою под Систово Николай Николаевич был награждён орденом Св. Георгия 4-й степени.

В составе Габровского отряда генерала Н. И. Святополк-Мирского великий князь участвовал в штурме перевала Шипка. Взятие Шипки означало, что три турецкие армии оказались разобщены. За этот бой он был награждён Золотым оружием. Июльское сражение за Шипкинский перевал стало последним боевым делом, в котором великий князь участвовал вплоть до Первой мировой войны [10, с. 87].

Таким образом, он имел определённый боевой опыт, но в дальнейшем он находился при штабе главнокомандующего, что не способствовало развитию полководческого таланта. По окончании русско-турецкой войны великий

князь Николай Николаевич служит в кавалерии, пройдя командные посты от командира эскадрона до командира лейб-гвардии гусарского полка [11, с. 45].

В 1885 году он был произведён в генерал-майоры, а ещё через пять лет назначен командиром 2-й гвардейской кавалерийской дивизии. В 1884 году награждён орденом Св. Владимира 3-й степени, в 1890 — орденом Св. Владимира 2-й степени. В 1893 году производится в генерал-лейтенанты, а через два года назначается генерал-инспектором кавалерии.

6 мая 1895 года великий князь был назначен генерал-инспектором кавалерии, в этой должности он оставался в течение десяти лет, до 1905 года. Как справедливо отмечается, «это назначение не являлось следствием особых заслуг или высокого профессионального роста великого князя. Должность перешла ему в наследство от отца, руководившего российской кавалерией в течение многих лет». В период пребывания во главе русской кавалерии у великого князя отчётливо проявились два фамильных качества личности — вспыльчивость и справедливость.

Современник вспоминал: «Когда Николай Николаевич был генерал-инспектором кавалерии, он часто производил инспекторские смотры кавалерийским полкам. Особенно педантично, с секундомером в руке, проверял он скорость движения каждого всадника на измеренном расстоянии определённым аллюром. Если всадник не проходил это расстояние в определённое время, то великий князь выходил из себя. Если же этот недочёт повторялся несколькими кавалеристами одного эскадрона, особенно офицерами, то он часто в припадке раздражения раздражался площадной руганью, обращаясь иногда непосредственно к офицерам. Бывали случаи, что более или менее обеспеченные офицеры, услышав подобное, немедленно уходили с военной службы» [2, с. 304]. Более того, он мог на маневрах самым грубым образом накричать на любого офицера, но мог и извиниться за грубость или публично признать свою несправедливость [3, с. 157].

В 1900 году великий князь стал генералом от кавалерии — полным генералом, выше был лишь чин фельд-маршала. В 1911 году он получил последнюю предвоенную награду — портрет императора Николая II для ношения на груди, украшенный бриллиантами. В это время Николай Николаевич постепенно начинает продвигаться ближе к влиянию на молодого императора Николая II.

После русско-японской войны 1904–1905 годов военнополитическое руководство Российской империи признало необходимость создания особого органа управления Вооружёнными силами. 8 июня 1905 года был учреждён Совет государственной обороны — коллегиальный орган, в состав которого вошли военный и морской министры, начальник Генерального штаба, начальники Главного штаба и Главного Морского штаба, генерал-инспекторы всех родов оружия. Председателем был назначен великий князь Николай Николаевич. Учёные пишут: «В функции нового учреждения входили: выбор общих мероприятий, направленных на укрепление военной мощи государ-

ства... обсуждение главнейших предположений военного и морского ведомств о применении всех средств государства на случай войны» [4, с. 112].

Одним из актов деятельности Совета стало выделение Генерального штаба из-под контроля военного министерства. Великий князь желал сосредоточить исключительно в своих руках вопросы обороноспособности государства. Однако, как считает историк А. Л. Кокошин, «этот акт, фактически разрушивший в критическое время систему стратегического управления, явился без преувеличения одним из факторов, определивших поражение России в Первой мировой войне и возникновение революционной ситуации в стране в 1917 году» [4, с. 118]. Лишь в 1909 году Генштаб вернулся в военное министерство.

Совет государственной обороны просуществовал недолго. Вмешательство этой надструктуры в дела военного и морского ведомств, неумение добиться надлежащего финансирования, конфликты с Государственной Думой, наряду с разноречивыми действиями, привели к упразднению нежизнеспособного органа. В июле 1908 года великий князь был освобождён от обязанностей председателя, а 12 августа 1909 года Совет был упразднён. Тем не менее, он выполнил свою первостепенную работу — чистку офицерского корпуса русской армии [5, с. 201].

Помимо военных проблем, великий князь Николай Николаевич сыграл немалую роль в укреплении престола в период Первой русской революции. Император Николай II был вынужден отказаться от Бьеркского договора с Германией под напором председателя Комитета министров С. Ю. Витте, министра иностранных дел В. Н. Ламздорфа и великого князя Николая Николаевича. Авторитет великого князя при царе достиг апогея к 1905 году, когда внутреннее положение страны ухудшилось настолько, что порядок мог быть сдерживаем только войсками.

Манифест 17 октября был подписан императором при давлении всё того же С. Ю. Витте, министра внутренних дел Д. Ф. Трепова и великого князя Николая Николаевича [5, с. 215]. При этом командующий Гвардией не оправдал надежд Николая II: «Царь вызвал в столицу своего двоюродного дядю с тайной мыслью вручить ему диктаторские полномочия. Однако великий князь, с великими трудностями проехавший по забастовавшей железной дороге из своего подмосковного имения в Петергоф, был потрясён всем увиденным по пути». Великий князь умолял императора подписать Манифест, угрожая в случае отказа застрелиться у него в кабинете [13, с. 89].

В послереволюционный период великий князь начал сближаться с либерально-буржуазной оппозицией. Эмигрантский историк Г. М. Катков писал: «Великий князь пользовался репутацией беспощадного и по-солдатски прямого военного человека, который строго относился к генералам и помнил о нуждах и трудностях личного состава армии. Хорошо известные германофобские чувства делали его приемлемым для «ура-патриотов», а история о том, что он убеждал своего племянника подписать Ма-

нифест 17 октября, служила почвой для его взаимопонимания с либеральной оппозицией» [5, с. 223].

Отношения между императорской семьёй и великим князем постепенно портились. Императрица Александра Фёдоровна при поддержке Г. Е. Распутина настраивала императора против дяди. К 1914 году великий князь оказался заперт в своей должности главнокомандующего войск Гвардии и Петербургского военного округа. Тем не менее, 20 июля 1914 года, на следующий день после объявления Германией войны России, Николай Николаевич был назначен Верховным Главнокомандующим.

Известно, что новый Главковерх имел опыт управления войсками на маневрах, умел читать карту, но требовал исключительно устных докладов. Сменивший в 1915 году военного министра ген. А. А. Поливанов вспоминал: «Великий князь, обладая верными стратегическими и тактическими взглядами, способностью быстро распознавать обстановку на маневрах по карте и по движениям войск, был из числа строевых начальников того времени весьма незаурядным. И если бы не отвращение к книге и более уравновешенный характер, то из него мог бы к тому времени выработаться вполне авторитетный руководитель для разрешения крупных военных вопросов» [6, с. 408].

В ходе кампании 1914 года русская стратегия принципиально зависела от действий во Франции. Великий князь заверил союзников, что Россия выполнит свои обещания и русские войска перейдут в наступление до окончания сосредоточения. Ближайший сотрудник великого князя ген. Ю. Н. Данилов свидетельствовал: «Военные интересы Франции и вообще союзников России он трактовал столь же горячо, как и интересы вверенной ему Русской армии» [1, с. 156]. Выдающийся военный учёный ген. А. А. Свечин дал следующую характеристику: «Русское верховное командование, пропитанное духом военной конвенции, во всех случаях выдвигало на первый план интересы коалиции, а не интересы России и русской армии. Этим оно позволило в окончательном счёте англо-французам разгромить Германию, но вызвало крушение русской армии...» [7, с. 302].

1-я и 2-я русские армии, бросившись в Восточную Пруссию, шли навстречу своему разгрому, однако был остановлен германский блицкриг. В августе 1914 года великий князь отменил наступление на Познань и направил все силы для завершения Галицийской битвы [11, с. 112]. Победа в битве подняла боевой дух русских армий, но в Восточной Пруссии была разгромлена армия генерала Самсонова. Полководческий дар Николая Николаевича проявился в решительном контрманевре в районе Лодзи в ноябре 1914 года против «манёвра Гинденбурга и Людендорфа». Французский маршал Фердинанд Фош и многие исследователи оценили действия Николая Николаевича как «самое замечательное проявление новейшего военного искусства» [12, с. 152].

К весне 1915 года русские армии всё более испытывали острую нужду в боеприпасах, ощущалась нехватка винтовок, снарядов, пулемётов. Ставка руководствова-

лась «Положением о полевом управлении войск в военное время», не предусматривающим её связи с военным министерством, что породило двоевластие. Отсутствовало взаимодействие Ставки и с Советом министров, следствием чего стал мощный кризис снабжения. Недовольство Николая II своим Верховным Главнокомандующим постоянно нарастало. 19 августа 1915 года на заседании правительства стало известно о решении царя лично вступить в командование армией. 23 августа (5 сентября) 1915 года великий князь был смещён с поста Верховного Главнокомандующего и назначен наместником на Кавказе и главнокомандующим Кавказским фронтом.

В 1915–1916 годах Кавказская армия под номинальным командованием великого князя (фактически — генерала Н. Н. Юденича) провела ряд успешных операций против турок [10, с. 215]. Однако в ноябре 1916 года в Москве состоялось тайное совещание заговорщиков, на котором обсуждалось возведение Николая Николаевича на российский престол после возможного свержения Николая II. Великий князь отказался от этого предложения, заявив, что «мужик» и «солдат» не поймут насильственного переворота [13, с. 156].

21 марта 1917 года великий князь был лишён звания генерал-адъютанта, а 31 марта уволен от службы по прошению. Он оставил военную деятельность и уехал в Крым. С угрозой вступления красных войск в конце марта 1919 года он навсегда покинул Россию на английском дредноуте «Мальборо», став эмигрантом. Первоначально проживал в Италии, с 1922 года — во Франции.

В среде белой эмиграции великий князь считался одним из претендентов на российский престол. 5 января 1929 года (по новому стилю) великий князь Николай Николаевич скончался в городке Антиб и был похоронен в русской церкви города Канн. Никаких мемуаров после себя он не оставил [1, с. 218].

Личность великого князя Николая Николаевича Младшего оценивается крайне противоречиво. Историк А. А. Керсновский писал: «Нелюбимый сын великого князя Николая Николаевича Старшего, он держался особняком в императорской фамилии. Человек необыкновенно грубый и чуждый благородства, он совершенно не считался с воинской этикой и позволял себе самые дикие выходки в отношении подчинённых ему офицеров» [8, с. 432]. С другой стороны, многие современники отмечали его справедливость, энергию и преданность делу. Ключевые ошибки Николая Николаевича на посту Верховного Главнокомандующего включают: образование третьего операционного направления (на Берлин) в дебюте войны, ослабившее войска в Восточной Пруссии; самоустранение Ставки от руководства в Варшавско-Ивангородской и Лодзинской операциях; самоубийственное наступление в Карпатах зимой 1914/15 года, уничтожившее остатки боеприпасов; принцип «ни шагу назад» весной-летом 1915 года; развязывание кампании шпиономании [11, с. 178]. В феврале 1917 года он, как и другие высшие военачальники, высказался за отречение Николая II [5, с. 289].

Таким образом, великий князь Николай Николаевич был ярким, но неоднозначным деятелем. Его заслуги — создание боеспособной кавалерии, участие в реформах после русско-японской войны, энергичное руководство армией в начальный период Первой мировой [12, с. 205]. Его просчёты — стратегические ошибки, подчинение русских интересов союзническим, неспособность создать

эффективную систему управления и снабжения — стали одними из причин катастрофы 1915 года и в конечном счёте революции. Он остался в истории как первый русский Верховный Главнокомандующий, чей путь от блистательного начала до трагического финала символизирует всю противоречивость русской военной элиты начала XX века.

Литература:

1. Данилов Ю. Н. Великий князь Николай Николаевич. — Париж, 1930.
2. Епанчин Н. А. На службе трёх Императоров. Воспоминания. — М., 1996.
3. Воронович Н. В. Записки гвардейца. — М., 2000.
4. Кокошин А. Л. Армия и политика. — М., 1995.
5. Катков Г. М. Россия, 1917. Февральская революция. — Лондон, 1967.
6. Сухомлинов В. А. Воспоминания. Мемуары. — М., 2005.
7. Свечин А. А. Стратегия. — М., 1926.
8. Керсновский А. Л. История русской армии. — М., 1994.
9. Костин Б. А. Скобелев. — М., 1990.
10. Никольский Е. Л. Записки о прошлом. — М., 2007.
11. Оськин М. В. Крах конного блицкрига. — М., 2009.
12. Португальский Р. М., Рунов В. А. Верховные главнокомандующие Отечества. — М., 2001.
13. Юсупов Ф. Ф. Мемуары. — М., 1998.

К вопросу о первом применении противотанковых ружей Дегтярева

Мальцев Сергей Николаевич, ведущий инженер
АО «Челябинский радиозавод «Полёт»

Статья посвящена бою 4-й роты 2-го батальона 1075-го полка 316-й дивизии Красной армии со 2-й танковой дивизией вермахта у переезда Дубосеково 16.11.1941. Приведенные расчеты произведены с опорой на современные данные и методы анализа. Особое внимание уделено применению противотанковых ружей Дегтярева (ПТРД) как решающего фактора, определившего исход боя.

Ключевые слова: ПТРД, танки, панфиловцы, Великая Отечественная война.

Со времен боев 1941 года прошло 85 лет, однако многие вопросы по-прежнему недостаточно исследованы и прояснены. Это касается и применения противотанковых ружей (далее — ПТР), которые активно использовались на протяжении всей войны.

ПТР представляют собой более мощные винтовки, способные пробивать броневые листы бронетехники. Они появились еще в годы Первой мировой войны — вслед за появлением первых танков. В период Второй мировой войны ПТР использовали практически все армии мира, однако в связи с улучшением бронезащиты танков к концу войны их эффективность значительно снизилась, в результате чего противотанковые ружья применялись в основном против легкобронированной техники.

ПТР Рукавишников и Шолохова использовались с первых дней Великой Отечественной войны, однако результаты их применения были незначительны из-за их малочисленности. И только появление в ноябре 1941

года большого количества более эффективных противотанковых ружей Дегтярева (далее — ПТРД) сделало этот тип оружия эффективным, позволившим внести значительный вклад в победу.

В современных армиях аналогом ПТРД являются так называемые антиматериальные винтовки (anti-materiel rifle, AMR) увеличенного калибра, которые используются против техники, в том числе легкобронированной, а также для поражения целей, расположенных за различными типами укрытий.

Статья обладает **научной новизной** благодаря привлечению новых данных и более глубокому анализу применения ПТРД. Данные РККА и вермахта, обычно анализируемые отдельно, рассматриваются вместе. Применен оригинальный метод расчета потерь танков вермахта по дням.

Роль ПТРД в Великой Отечественной войне до сих пор остается предметом научных дискуссий, чем обусловлена

актуальность данного исследования. Так, историк А. В. Исаев характеризует ПТР как оружие-«эрзац» — замену утерянной в первых боях противотанковой артиллерии. В то же время исследователь С. Л. Федосеев утверждает: у ПТР была своя ниша, и до появления ручных противотанковых гранатометов (РПГ) у этого типа вооружения, массово представленного на передовой, не было конкурентов.

За организацию разработки и определение тактики применения ПТР с начала 1930-х годов отвечало Главное артиллерийское управление (ГАУ) СССР. Мнения сотрудников ГАУ о данном типе оружия разнились. Так, маршал Г. И. Кулик считал, что в предстоящей войне ПТР не нужны. Также бытовало мнение, что ПТР — лишь вспомогательное оружие для противотанковой обороны на танкоопасных направлениях. Однако преобладала следующая точка зрения: ПТР необходимы на всех участках фронта в массовом количестве. Позже это подтвердилось на практике в ходе военных действий: оказалось, что противник применяет танки в любых, даже неудобных для этой техники местах, осуществляя завалы рвов, наведение мостов, вырубку леса и используя другие методы преодоления препятствий.

До начала войны разрабатывались, испытывались и изготавливались малыми экспериментальными партиями разные типы ПТР с калибром от 7,62 до 20 мм. Уже в начале войны выяснилось, что ПТР востребованы на фронте. При этом в ГАУ пришли к выводу, что пуля БС-41 калибра 14,5 мм с металлокерамическим сердечником из карбида вольфрама обеспечивает оптимальный эффект по параметрам мобильности и бронепробиваемости. В качестве основных были выбраны две конструкции ПТР — В. А. Дегтярева и С. Г. Симонова; в массовое производство пошла более простая и технологичная версия — ПТРД. Особенно эффективным оно оказалось в первых боях.

Первое массовое применение ПТРД в бою 16.11.1941

В начале ноября 1941 года первая партия ПТРД — 300 единиц с боекомплектом в 40 патронов — поступила на вооружение войск. При этом ГАУ настаивало на применении не менее четырех ПТР на одном участке и требовало от частей отчета об их эффективности в бою [2].

Первое применение ПТРД произошло 16.11.1941 на участке боевого охранения у переезда Дубосеково — в 300 метрах перед позициями 4-й роты 316-й стрелковой дивизии Панфилова, входившей в состав 16-й армии Рокоссовского.

Первым отчетом стало политдонесение 1075 сп от 17.11.1941: «...Эффективность действия П. Т. Р. против тяжелых танков пр-ка невысокая... нет сведений о том, какое количество танков пр-ка П. Т. Р. вывел из строя... По неуточненным данным в районе 1075 СП подбито не меньше 9 танков противника. ... Все П. Т. Р. потеряны вместе с расчетами... Военком полка Мухамедьяров».

Без сомнения, ГАУ такой отчет не удовлетворил. Однако подключились журналисты. Так, корреспондент га-

зеты «Красная звезда» В. Коротеев в статье «Гвардейцы-панфиловцы в боях за Москву», опубликованной 27.11.1941, написал: «Меткими выстрелами **из противотанковых ружей они подбили 7 танков...** В результате противник потерял 600 солдат и **18 танков**». Это послужило подтверждением эффективности ПТР, а также позволило утверждать, что новое оружие поднимает боевой дух бойцов, устраняя «танкобоязнь», что в результате стало обоснованием для максимального увеличения производства данного оружия. Заявленное в статье число — 18 танков — фигурировало в наградных документах участников боя.

В 1943 году под грифом «секретно» вышел трехтомник «Разгром немецких войск под Москвой» под редакцией начальника Генштаба Красной армии Б. М. Шапошникова (ставший основой для издания [4]), где были подведены итоги московской битвы и подытожен боевой опыт. В частности, в данном источнике упоминалось, что без участия артиллерии пехотинцами, использовавшими только гранаты, бутылки с горючей смесью и ПТР, были подбиты 25 танков, а также утверждалось, что даже небольшое пехотное подразделение с ПТР способно эффективно противостоять танкам противника. Приведенные данные можно считать результатом работы разведки Генштаба, а также допросов пленных.

При этом в журнале боевых действий (Kriegstagebuch) 2-й танковой дивизии вермахта [8], наступавшей на этом участке, потеря танков 16.11.1941 не зафиксировано. Однако потери явно были. В связи с этим необходим приблизительный расчет потерь противника по имеющимся немецким документам.

Применяемый в данной работе метод расчета основан на данных о потерях немецких офицеров по дням с 16.11.1941 по 28.11.1941, а также данных о потерях танков за тот же период. Потери офицеров в конкретный день говорят об интенсивности боев, если рассматривать их пропорционально всем потерям. Потери танков в тот же день должны быть соответствующими.

Расчет вероятных потерь немецких танков 2-й танковой дивизии вермахта у Дубосеково 16.11.1941

Известно количество танков 2-й танковой дивизии по состоянию на утро 11.11.1941 — 132 танка, а также на утро 28.11.1941 — 56 танков [6]. К утру 16.11.1941 2 танка были на ремонте. Согласно журналу боевых действий (далее — ЖБД) 18.11.1941 2-й танковой дивизией было получено 11 танков подкрепления. Итого за 12 дней боев было безвозвратно потеряно 85 танков.

Известно также, что за эти 12 дней было потеряно 11 офицеров [7]. При этом потери офицеров известны по дням.

Если условно принять, что потери танков были пропорциональны потерям офицерского состава, то в среднем цифры потерь за день таковы: один офицер и 7 танков. 16 ноября зафиксирована потеря трех офицеров; можно пред-

положить, что в этот день был уничтожен 21 танк. Однако обычно подбитых и ремонтпригодных танков больше, чем уничтоженных. Следовательно, можно предположить, что 16.11.1941 было подбито **42 танка** — это почти каждый третий. Неудивительно, что через два дня немцам потребовалось подкрепление и темп наступления снизился.

Из ЖБД известно, что 2 танка подорвались на минах, у Петелино осталось 5 поврежденных танков. Артиллерийская батарея отчиталась о 3 подбитых танках у Морозово и 3 — у Ядрово. Следовательно, можно предполагать, что на позициях 4-й роты с четырьмя ПТР остались подбитыми порядка **28 танков**. Конечно, часть танков могла находиться в ремонте, однако приблизительный расчет, позволяющий нам говорить о 28 танках, соот-

ветствует данным, приведенным в книге Шапошникова, хотя и идет вразрез с цифрами, фигурирующими в наградных документах героев-панфиловцев. Оставшийся в живых бронебойщик Шемякин утверждал, что подбил 4 танка [5]. Следовательно, 4 расчета ПТР могли подбить 16 танков из 25.

Чтобы объяснить такие значительные потери танков 2-й танковой дивизии от ПТР, следует рассмотреть боевые действия сторон.

Приведем цитату из журнала боевых действий (Kriegstagebuch) 2-й танковой дивизии от 16.11.1941: «Боевая группа 3 сообщает, с 12:15 2-я рота 304-го **стрелкового** полка зачищает местность за боевой группой 2. **3-я танковая рота** отправлена в **Нелидово** и зачищает

-- 23 --

Art des Verlustes	N a m e	Dienst-grad	Dienststellung Truppenteil	Division	Datum
noch Gen.Kdo. V.A.K.:					
<u>gefallen:</u>	Dietrich	Oblt.d.R.	Adj. II./Pz.R. 3	2.Pz.Div.	16.11.41
	Grütter	Lt.	Zugf. 1./Krdsch. 2	2.Pz.Div.	16.11.41
	Herre	Lt.	Zugf. 3./Krdsch. 2	2.Pz.Div.	16.11.41
	v.Malortie	Oblt.	Chef 3./Pz.R. 3	2.Pz.Div.	17.11.41
	Crone	Oblt.	Chef 6./Pz.R. 3	2.Pz.Div.	17.11.41
	Zorn	Lt.d.R.	Zugf. 1./Krdsch. 2	2.Pz.Div.	18.11.41
	Felsenstein	Lt.	Zugf. 8./S.R. 2	2.Pz.Div.	19.11.41
	Ramdohr	Lt.d.R.	B.O. 4./A.R. 74	2.Pz.Div.	24.11.41
	Welz	Lt.d.R.	Zugf. 11./S.R. 304	2.Pz.Div.	25.11.41
	Hofbauer	Lt.d.R.	B.O. 8./A.R. 74	2.Pz.Div.	25.11.41
	Grössner	Lt.d.R.	Fhr. Kr.Kw.Zug 1/32	2.Pz.Div.	27.11.41
	Dr.Grey	Lt.d.R.	Ord.O. 1./S.R. 2	2.Pz.Div.	28.11.41
	Thyssen	Lt.	Zugf. 2./S.R. 2	2.Pz.Div.	29.11.41
	Karcher	Lt.	AVKo. 1./A.R. 74	2.Pz.Div.	29.11.41

Рис. 1. Список погибших офицеров 2-й танковой дивизии вермахта в ноябре 1941 г.

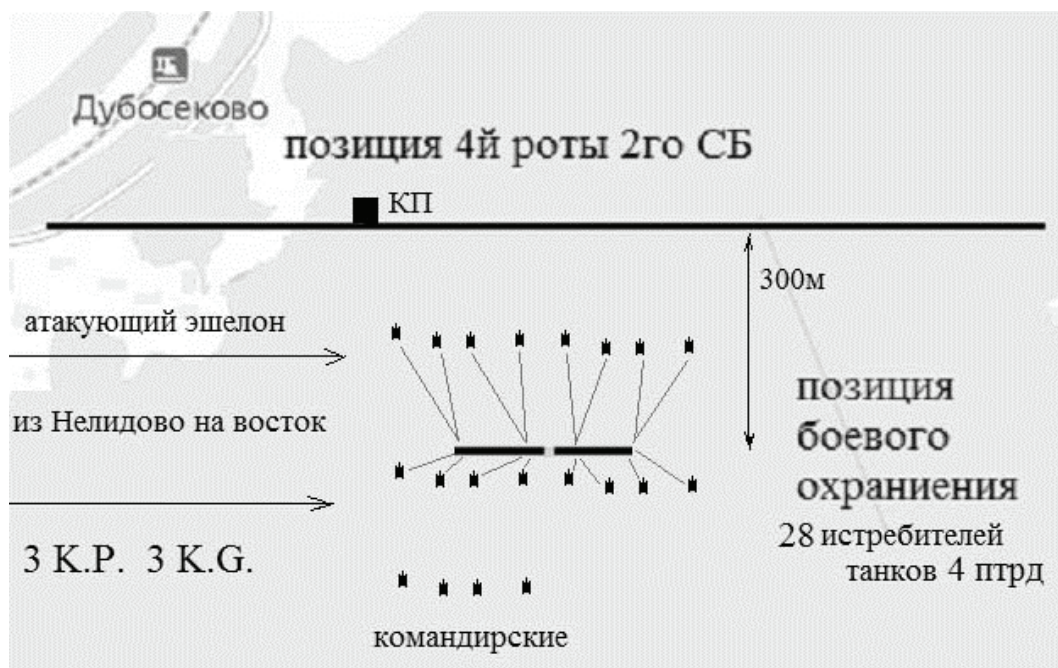

Рис. 2. Схема боя у переезда Дубосеково

местность **на восток**, тогда как 2-я танковая рота остается в Никольском» [8].

В 3-й танковой роте под командованием обер-лейтенанта Малорти (Malortie) [7] было 20 танков. На восток от Нелидово расположены переезд Дубосеково и позиции 4-й роты старшего лейтенанта Гундиловича [2], а также позиции боевого охранения с 28 бойцами и 4 ПТРД. Вероятно, выполнялась стандартная танковая атака, описанная в книге Э. Миддельдорфа «Русская компания: тактика и вооружение» [3]: первый эшелон — 8 танков, второй эшелон — 8 танков, а далее располагались 4 командирские танка. Так как артиллерии в 4-й роте не было, танки первого эшелона подошли к окопам на расстояние 100–150 метров и начали обстреливать их из пушек и пулеметов. При этом они повернулись кормой к окопам боевого охранения и ПТРД в 150–200 метрах от них. Второй эшелон танков, который шел в 150–200 метрах от первого, оказался в 10–15 метрах от хорошо замаскированных окопов боевого охранения. Бойцы истребительного противотанкового отряда закидали танки второго эшелона гранатами и бутылками с горючей смесью из окопов боевого охранения.

Согласно данным генштаба КА в ходе этой атаки было подбито 14 танков [6], остальные 6 отступили, а затем, объединившись с танками 2-й танковой роты, предприняли еще одну попытку атаки, которая стала последней в этот день. При этом были подбиты еще 9 танков 2-й танковой роты.

Приведенный выше анализ боя показывает, что такие значительные потери танков были вполне вероятны.

Причин несколько. Во-первых, ПТРД оказалось достаточно эффективным оружием. Во-вторых, сработал эффект неожиданности: прежде противник не сталкивался ни с таким оружием, ни с такой тактикой. В-третьих, сыграл роль и случайный фактор: выпавший накануне снег хорошо замаскировал позиции ПТР, и при выстрелах не поднимались клубы пыли. В-четвертых, немецкое командование самонадеянно пренебрегло тщательной разведкой, что привело к неудачному расположению атакующих танков.

Однако все это не умаляет подвига наших военных. Оставшиеся в живых бойцы, в том числе Шемякин [1; 6], помогли усовершенствовать засадную тактику применения ПТР, которая позволила компенсировать недостаточную пробивную силу этого оружия. Благодаря этому ПТР применялись до конца войны.

В последующих боях эффективность применения ПТРД была не такой высокой — противник стал внимательнее и осторожнее. Тем не менее при определенном стечении обстоятельств один расчет ПТР мог подбить до 9 танков.

Итак, сформулируем основные **выводы**. Первое массовое применение ПТРД было крайне успешным по нескольким причинам: во-первых, это обусловлено высокими тактико-техническими характеристиками оружия, во-вторых, удачным расположением и маскировкой расчетов, в-третьих, первое применение ПТРД стало для противника неожиданностью, привело к тактическим ошибкам и большим потерям.

Литература:

1. ЦАМО. Фонд 33, опись 682524, дело 8.
2. Малкин, В. М. Панфиловцы — символ массового героизма // Военно-исторический журнал. — 1996. — № 1.
3. Миддельдорф, Э. Русская кампания: тактика и вооружение. — СПб., 2000.
4. Шапошников, Б. М. Битва за Москву. Операция Западного фронта 16 ноября 1941 г. — 31 января 1942 г. — М.: АСТ, 2006.
5. Федосеев, С. Л. Противотанковые ружья. — М.: 2019.
6. Уланов, А. На подступах к Москве // А. Уланов, А. Томзов. — URL: <https://web.archive.org/web/20170516155114/http://warspot.ru/4282-na-podstupah-k-moskve> (дата обращения: 16.01.24).
7. Дополнительные материалы к 28 панфиловцам: погибшие немецкой 2 тд за 16 ноября 1941 года. — URL: <https://mordig81.livejournal.com/158319.html> (дата обращения: 16.01.24).
8. NARA T315 R90 (2 PzDiv) 16.11.41 // KTB 2 PzDiv 16.11.41.
9. Мальцев, С. Н. Эффективность ПТРД в начальном периоде БОВ // SCI-ARTICLE. — URL: <https://sci-article.ru/stat.php?i=1708696040> (дата обращения: 13.05.2026).

Быт и повседневная жизнь греческих женщин Приазовья (XIX — начало XX в.)

Прокофьева Елена Владимировна, кандидат исторических наук, доцент;

Монастырская Алина Сергеевна, студент

Таганрогский институт имени А. П. Чехова (филиал) Ростовского государственного экономического университета

Период XIX — начало XX в. ознаменовался значительными переменами для многих народов, в том числе и греческих общин Приазовья. Эти сообщества на берегах Азовского моря смогли обогатить свою культуру в новых исторических и географических реалиях. Именно их повседневность, наполненная семейными заботами, обязанностями, общественными ролями, является фундаментом для существования греческой идентичности в Приазовье.

Стандартная греческая семья состояла из двух или трех поколений — родителей с детьми или хозяев и их женатого сына с невесткой и детьми. Невестка обязана проявлять почтительность к свекру и свекрови, причем, в первое время после ее вхождения в дом, она должна была избегать прямых контактов между свекром и снохой. Свекор передавал снохе указания по хозяйству через посредника, чаще всего через свою жену. Молодой жене следовало даже обедать отдельно от остальной семьи. При соединении к родственникам она могла лишь после того, как свекор преподнесет ей подарок. Так постепенно осуществлялся обряд «развязывания языка»: свекор одаривал сноху и разрешал ей говорить» [5].

Очевидно, что глава семьи, мужчина, распоряжался совместным имуществом и семейным доходом, но главная роль в доме принадлежала женщине. Гречанка была ответственной за его благополучие и процветание. В ее обязанности входило: «следить за чистотой жилища: регулярно белить его стены глиной внутри и серой снаружи» [2]; заниматься куховарением: приготовлением шурпа (шорпа) — густого, наваристого супа из баранины и крупно нарезанных овощей; приготовление шумуша — пирога из слоеного теста с тыквенно-мясной начинкой, причем «в отличие от украинцев и русских греки не варили какую-либо еду в печи, ее использовали один раз в неделю летом для выпечки хлеба» [4]. Примечательно, что сельским хозяйством женщины-гречанки не занимались, земледелие и скотоводство считались сугубо мужским занятием, а на поле девушки могли работать только в период уборки урожая.

Значительное внимание отводилось и воспитанию детей, в особенности дочери. Этнограф С. Арабаджи отмечала, что «первые годы жизни девочка проводила в своеобразной изоляции, а именно в колыбельке, а, с появлением первых слов и мыслей, ее начинали наставлять на путь доброты, уча никому не причинять вреда и не обижать своих братьев и сестер» [5].

По достижении восьми лет некоторые родители отдавали дочерей в школу, но это было исключением, а не правилом, потому что приоритетом считалась необходимость обеспечить ей выгодное замужество и создание

собственной крепкой семьи. Для осуществления такого предпочтения, девочек с юных лет обучали кулинарии и основам ведения хозяйства, готовя их к будущей семейной жизни. Бабушка и мать помогали подготавливать приданое, которое было достаточно затратным: украшения, одежда, постельные принадлежности, посуда, ковры и др. предметы домашнего обихода. Для всех этих вещей было даже специально отведенное место хранения — «женский угол». Однако, несмотря на хлопоты и желание обеспечить девочке-гречанке удачный брак, сыновей ценили выше, так как существовало убеждение, что именно они остаются с семьей навсегда.

Как мы видим, в XIX — начале XX вв. у греков Приазовья был патриархальный семейный уклад, где несколько семейств могло проживать под одной крышей, но, традиционно, в греческом жилище главную роль играла все же женщина. Именно она была его душой, опорой и хранительницей, на плечах которой лежали все домашние хлопоты, а также забота о приданом для дочери.

Итак, труд являлся неотъемлемой частью повседневности гречанки, задавая жесткую рамку сугубо домашних забот. Греческие женщины были превосходными мастерицами. Они владели многими видами рукоделия: пряжание, ткачество, вязание, вышивание, вязание крючком. Так, В Музее антропологии и этнографии имени Петра Великого (Кунсткамера) (далее — МАЭ) есть несколько орудий труда для пряжения, привезенных из экспедиций в Приазовье. Например, из поселка городского типа Ялта Першотравневого района Донецкой области в 2001 г. было привезено деревянное веретено, его местное греческое название — драхт. Данное орудие труда можно было приобрести у ремесленников или односельчан, умевших мастерски обрабатывать древесину [6].

Следует отметить, что первоначально искусство пряжения являлось обязательным женским занятием. Гречанка должна была одеть мужа и детей, обеспечить их носками, варежками, фуфайками, рукавицами и т. д. Тем не менее, данное обязательство со временем превратилось в домашнее рукоделие для удовольствия самой девушки, а иногда даже в дополнительный доход у части мастериц, специализирующихся на обработке шерсти.

Путем разных видов рукотворчества гречанки Приазовья старались создавать и поддерживать красоту в своем доме. Одним из таких хобби было кружевоплетение: изделия, выполненные в этой технике, имеют четко выраженную этническую специфику. Благодаря цветовым и декоративным предпочтениям выражалась принадлежность к греческому культурному ареалу. Так, в коллекции МАЭ хранится кружево для рушника из поселка город-

ского типа Ялта Донецкой области, выполненное ориентировочно в последние десятилетия XIX в. Оно сделано из хлопчатобумажной нити, что характерно для рукоделия греческих мастериц этого периода. Следует заметить, что декоративный орнамент представляет собой узоры растительного и геометрического характера, также имеющего зооморфную символику: три двойных ромба обрамляют восьмилепестковый цветок [6]. В целом для изделий женщин-гречанок было характерно использование белых нитей для вязания кружев.

Еще одним видом искусства, которым владели греческие женщины, была ажурная вышивка. Любопытно, что орудием труда, позволяющим работать в такой технике, раньше служили иглы обычных медицинских шприцов. В собрании МАЭ можно найти восхитительную подушку, чья наволочка поражает своей искусной ажурной вышивкой [6].

Ковроткачество также было излюбленным делом женщин. Этнограф В. И. Бабенко отмечал: «Самые знаменитые ковры готовят гречанки в Мариупольском уезде в селении Каракубы. Ткутся гречанками ковры на больших станках различной величины и узоров — преимущественно крупными розами и другими цветами. На обыкновенных же ткацких станках гречанки повсеместно выделывают длинные, узкие, в клеточку ковры в виде дорожек и устилают ими сплошь полы в комнатах» [1].

Ковры были одним из самых важных элементов украшения интерьера дома, которые смягчали пространство и делали его по-особенному «домашним». Конечно, женщинам было важно не только создать внутренний уют своими первоклассными умениями, но и передать их своей дочери в рамках подготовки к созданию все той же семьи. Девочке предстояло научиться изготавливать предметы, которыми она могла бы украсить свой дом, и подарки, которые, согласно строгому этикету, она должна была преподнести своей новой родне [4]. Таким образом, обучение рукоделию было и удовольствием, и частью традиционного воспитания гречанок, а также особой нитью, связывающую целые поколения и сохраняющую греческое духовное наследие.

Как мы отметили выше, у греков семья играла особую роль, так и по сей день для них важное место занимают торжества, связанные с главными этапами жизни человека, среди которых первым является свадьба. В процессе этого события раскрывались роли женской стороны: тещи, свекрови и самой невесты. Выбрав себе невесту, юноша с согласия родителей сообщал о своем намерении жениться на девушке и ее семье. После известия о согласии на брак, мать жениха передавала через сватов подарок для невесты — два серебряных рубля, скрепленных воском, символизирующие обязанность молодых всю жизнь быть вместе.

Когда приходили к общему согласию, родители молодоженов совершали общую молитву, после которой сваты жениха разворачивали на столе принесенные подарки. Невеста все это время сидела в другой комнате, пока ее

не позовут. Если же девушка была застенчивой, то подарок принимала мать. Далее, во время большого сватовства, мать невесты выкладывала на стол уже подарки для жениха. Это были золотое кольцо, сшитые невестой шелковая рубашка и носовой платок. Мать жениха, в свою очередь, преподносила для невесты: шелковый платок, золотое кольцо, крестик.

В этот день невеста не выходила к гостям, но со временем обычай изменился, девушка выходила и целовала руки родственникам жениха, но все происходило молча, демонстрируя, таким образом, покорность. После этого лишь вечером мать жениха знакомилась со своей будущей невесткой, одаривая ее сладостями [3]. Что касается отца жениха, то именно он должен был приобрести для невесты полный подвенечный наряд: платье, фату, ботинки, специальный пояс из золотой или серебряной парчи с серебряными бляшками, шелковый белый платок.

Свадьбу играли в воскресенье после того, как в пятницу в доме невесты устраивали демонстрацию приданного. В новой семье невестка должна была «вставать раньше всех, истопить печь, приготовить воду и полотенце для умывания свекрови и свекру» [8]. Тем самым, подтверждался ее новый статус и готовность к семейной жизни.

Следующий важный момент в греческой семье — рождение ребенка. Это событие было отмечено множеством ритуалов, и, что примечательно, участием бабушки отводилась значительная роль. Именно она трижды осыпала его мукой, после чего рисовала на нем крестики. Первый такой «рисунки» делался на лбу младенца — «чтобы он был умным и дожил до седых волос», второй — на ручках, «чтобы был сильным и трудолюбивым», третий раз крестики украшали ножки — «чтобы ходил в богатстве» [7]. Своими действиями бабушка-гречанка желала, чтобы ее внук или внучка прожили хорошую жизнь, и потому просила высшие силы исполнить это. Как мы видим, в ходе всей своей общественной жизни греческие женщины были главными агентами передачи из поколения в поколение народных песен, танцев, устной истории, легенд и преданий.

Таким образом, быт и повседневная жизнь греческих женщин Приазовья XIX — начала XX вв. были сложным переплетением семейных обязанностей и культурных традиций. Это история о силе духа, неустанных усилиях и безграничной любви к семье. Их повседневный труд имел огромное значение для сохранения греческой идентичности и культурной преемственности. Греческие женщины поражают своей жизнестойкостью и трудолюбием, их вклад в формирование уникального народного колорита Приазовья бесценен и является важной страницей, как в истории греческого народа, так и всего региона.

Изучение их жизни помогло глубже понять механизмы сохранения культуры этого народа, и роль гречанок в этом процессе. Именно женщина-гречанка являлась движущей силой, организующей, поддерживающей и наполняющей все события в жизни общины глубоким смыслом и значимостью.

Литература:

1. Джуха, И. Г. Одиссея мариупольских греков/ И. Г. Джуха. – Вологда, 1993.
2. История Старобешевского района. Греки в Приазовь. – Режим доступа: https://vk.com/wall-110070724_791 Дата обращения: 18.11.2025.
3. Кичкине, И. А. Традиции свадебного обряда греков Приазовья на примере жителей села Новомарьевка Тельмановского района. — Режим доступа: http://donrctk.ru/Donbass/Moj_kraj/Etniches/tradicii_svadebnogo_obrjada_grekov_priazovja_na_pg.pdf Дата обращения: 09.11.2025.
4. Культура и быт греков Приазовья и села Урзуф. — Режим доступа: <https://textarchive.ru/c-1318490-pall.html> Дата обращения: 20.10.2025.
5. Лукьянова, С. О. Этнические традиции греков Приазовья как основа семейного воспитания// Молодой ученый. — 2014. Режим доступа: <https://moluch.ru/conf/ped/archive/100/5066> Дата обращения: 12.10.2025.
6. Новик, А. А. Греческие коллекции в собрании МАЭ — источник по традиционной культуре мариупольских греков// Культурное наследие народов Европы. — 2011. — Режим доступа: https://lib.kunstkamera.ru/files/lib/978-5-02-038267-1/978-5-02-038267-1_07.pdf Дата обращения: 22.10.2025.
7. Ритуалы, связанные с рождением детей/МУСАГЕТ. — Режим доступа: <https://musaget.ru/traditsii-grekov-priazovya-svyokor-posrednik-i-pirogi-s-monetami> Дата обращения: 25.10.2025.
8. Тыркалова, Н. А. Быт и культура греков Приазовья// Вехи Таганрога. — 2000. — Режим доступа: <https://taglib.ru/img/2016/doc/daydjest2016/Tirkalova.Bit%20i%20kultura%20grekov.pdf> Дата обращения: 24.09.2025.

Молодой ученый

Международный научный журнал

№ 20 (623) / 2026

Выпускающий редактор Г. А. Письменная
Ответственные редакторы Е. И. Осянина, О. А. Шульга, З. А. Огурцова
Художник Е. А. Шишков
Подготовка оригинал-макета П. Я. Бурьянов, М. В. Голубцов, О. В. Майер

За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы.
Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.
При перепечатке ссылка на журнал обязательна.
Материалы публикуются в авторской редакции.

Журнал размещается и индексируется на портале eLIBRARY.RU, на момент выхода номера в свет журнал не входит в РИНЦ.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-38059 от 11 ноября 2009 г., выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

ISSN-L 2072-0297

ISSN 2077-8295 (Online)

Учредитель и издатель: ООО «Издательство Молодой ученый». 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25, пом. 1, 3, 4, 5, 6.

Номер подписан в печать 27.05.2026. Дата выхода в свет: 03.06.2026.

Формат 60×90/8. Тираж 500 экз. Цена свободная.

Почтовый адрес редакции: 420140, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Юлиуса Фучика, д. 94А, а/я 121.

Фактический адрес редакции: 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25, пом. 1, 3, 4, 5, 6.

E-mail: info@moluch.ru; <https://moluch.ru/>

Отпечатано в типографии издательства «Молодой ученый», 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25, пом. 1, 3, 4, 5, 6.